

Российская академия наук
Институт психологии

Г.В. Акопов

ПСИХОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ

**Вопросы методологии, теории
и прикладных исследований**

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва — 2010

УДК 159.9.01
ББК 88
А 40

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается.

А 40

Акопов Г.В.

Психология сознания: Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.— 272 с.

ISBN 978-5-9270-0178-1

УДК 159.9
ББК 88

В книге представлены современные изыскания в области психологии сознания, а также подходы, определяющие возможность консолидации традиционных и новейших знаний как при определении сознания, его классификации, выявлении его структурного многообразия, генезиса, при других научных построениях, так и в дополнительной к научной системе сфере знаний — исторической менталистике.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 09-06-16036д

© Учреждение Российской академии наук Институт психологии РАН, 2010

ISBN 978-5-9270-0178-1

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
ВВЕДЕНИЕ. КЛАССИЧЕСКАЯ И/ИЛИ НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ	6
Глава 1. ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ	16
1.1. Проблема сознания в российской психологии.....	20
1.2. Исследования сознания в зарубежной психологии.....	36
Глава 2. СОЗНАНИЕ И ЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ В ПСИХОЛОГИИ	68
2.1. Дефиниции сознания.....	68
2.2. Функции, свойства и типы сознания.....	81
2.3. Онтогенез сознания.....	90
2.4. Язык и сознание	101
Глава 3. ОБЩАЯ И УРОВНЕВАЯ СТРУКТУРА СОЗНАНИЯ	112
3.1. Общее строение сознания.....	112
3.2. Уровни сознания	129
3.3. Сознание, отношение, установка, смысл	136
3.4. Сознание и рефлексия.....	143
3.5. Сознание и свобода	147
3.6. Особые состояния сознания	152
3.7. Нарушения сознания.....	157
Глава 4. ОБЩЕНИЕ, ОБЩЕСТВЕННОЕ И ГРУППОВОЕ СОЗНАНИЕ	164
4.1. Сознание как коммуникация	164
4.2. Общественное мнение, общение и становление группового сознания	170
4.3. Групповое сознание и психологический климат.....	181
4.4. Групповое сознание в различных концепциях учебно-воспитательного коллектива	185
4.5. Образование и развитие сознания	193

Глава 5. Российская ментальность:	
ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ	216
5.1. Красота, здоровье, лень, ожидание. Специфика представлений иностранцев, посещавших Россию в разное время (XV–XVII вв.), о русском характере.....	216
5.2. Психологическое время в контексте исторической психологии: проблемы и перспективы исследования.....	221
5.3. Сознание и воля в «исканиях счастья».....	226
5.4. Народная культура в контексте психологии и психотерапии.....	249
5.5. Духовность и культура.....	255
ЛИТЕРАТУРА	258

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга является результатом существенного дополнения и структурной переработки ее первого и второго изданий (Проблема сознания в психологии. Отечественная платформа. — Самара, 2002; Проблема сознания в российской психологии.— М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2004). Автор выражает признательность рецензентам первых изданий — А.Л. Журавлеву и В.Ф. Петренко, а также С.К. Бондыревой, чья решительная поддержка решила судьбу второго издания. Особая признательность В.В. Знакову и В.А. Кольцовой, чьи советы были весьма полезны при подготовке нового издания.

Неоценимая помощь в подготовке рукописи оказана сотрудниками факультета психологии ПГСГА А. Беркалиевой, Е. Бакшутовой и О. Засташковой.

ВВЕДЕНИЕ

КЛАССИЧЕСКАЯ И/ИЛИ НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ

Очарованные сознанием.

М. Велманс

Cogito... охраняет порог ценности.

Г. Марсель

Сегодня, к началу второго десятилетия нового века, тему сознания уже нельзя отнести к заброшенным или некультивируемым «почвам» психологии, как это было всего лишь 30–40 лет назад. Обусловленный целым рядом факторов всплеск интереса к проблеме сознания породил лавинообразный рост продукции самого разного типа и жанра. В связи с колоссальным многообразием исследовательских материалов по теме сознания в качестве характеристики этого изобилия можно использовать оксюморонное словосочетание — структурированный хаос¹. О полифонии авторских голосов пока говорить сложно, разве что, о «двуголосом слове» (М.М. Бахтин).

Тем не менее «возделывание» уже идет из многих «полюсов» и во многих направлениях. Оно очень важно и тем более необходимо, что рано или поздно культура исследований сознания переходит в культуру осознания в любой прикладной плоскости современной жизни и в самой важной — экзистенциальной. Каждое новое «слово» увеличивает как количество возможностей объяснения сознания, так и многообразие измерений со-знания, подтверждая известный тезис о неисчерпаемости, но уже в отношении сознания.

Промежуточным итогом поисков решения проблемы стало амплифицированное по сравнению с ранее существовавшим оформление предметного поля психологии сознания, а в междисциплинарном плане — нового направления интегрированных исследований — «Наука сознания».

¹ В качестве иллюстрации см. материалы 12 конференций Ассоциации научного изучения сознания (ASSC) — <http://assc.caltech.edu/index.htm>, 9 туксоновских конференций — <http://www.consciousness.arizona.edu/> и I Всероссийской конференции «Психология сознания: современное состояние и перспективы». 29 июня –1 июля 2007 г., Самара, 2007

Основной предмет научного анализа — сознание как интегративный феномен не только психологии и, возможно, не только человека как природного и общественного новообразования. В связи с этим сознание выводится за пределы произвольных ограничений частной темы в рамках общей психологии и в широкой совокупности теоретических взглядов, прикладных и эмпирических изысканий отечественных и зарубежных психологов различных направлений и школ обретает свою целостность и глубину.

В многообразии исследовательских подходов можно усмотреть пока «слабый» вектор движения от «культуры полезности» (утилитаризм, прагматизм) к культуре ценностей (этико-эстетический план).

«Новый взгляд» определил и поиск нового метода исследовательского анализа и конструирования целостного знания, а именно метода, обусловленного спецификой предмета — сознания, т.е. метода, фундирующего любое знание, представленное в форме научного поиска, в его ретро-, актуальной и трансспективной проекциях (Клочко, 2008). Конструктивный диалог оказывается возможным при всей непроницаемости «концептуальных перегородок» (там же). Вместе с тем совершенно справедливо высказывание В.Е. Клочко о том, что «размыт совместно разделяемый контекст», обеспечивавший взаимодействие концепций, контекст, выступавший «условием внутринаучной коммуникации» (там же). В этом плане очень важно не потерять общий язык коммуникации, т.е. совместно выработанный и прошедший испытание временем понятийный, категориальный аппарат. Хотя и здесь возможны разночтения. Можно только благодарить Н.Н. Вересова за скрупулезный анализ языка и новое прочтение однажды забытых или «ушедших» в андеграунд (А.В. Брушлинский), вновь обретенных работ Л.С. Выготского.

Сегодня, в постнеклассический период, на первый план выходит не абсолютизация и не конвенция знаний или согласованное мышление, а консолидация усилий по свободному осознанному (рефлексируемому) выбору регламента исканий и соответствующего дискурса. И если получен отклик (установлен контакт), то возможна и релевантная коммуникация с перспективой перерастания в научно-смысловое общение и метакоммуникацию различных исследовательских позиций.

Здесь особенно важен контекст именно со-знания, поэтому ценно и значимо любое высказывание «вооруженного» научным опытом носителя сознания о сознании. В основе метода — сопоставление и выстраивание огромной совокупности суждений, мнений, оценок и высказываний большого числа исследователей с определенным опытом изучения проблемы, а также научных контактов,

коммуникации и общения, утвердивших в той или иной степени свободу мышления в формах осознанного выбора, творчества, со-зидания. Такое построение можно рассматривать как проявление «коммуникативной методологии» (Мазилов, 2003) или особый жанр — разновидность качественных методов, аналогичных нарративу определенного формата (научный текст) с параллельным или последующим метанарративным анализом. Конечно, каждая «нарратоединица» (утверждение) имеет свой контекст, генеалогию, логику, ценностные или личностные основания. Поэтому в таком своеобразном «пазл-конструировании» или интенционально регулируемой сборке (составлении) принципиально важна, помимо того или иного метанарративного основания, хронологическая совместимость «собираемых» текстов (топологическая «перекличка» текстов, мысленное «забегание» вперед или возвращение к истокам из актуального времени, т.е. все то, что можно назвать трансспективной по В.Е. Ключко — Ключко, 2008).

Как известно, один из главных признаков классического мышления — использование бинарных оппозиций; логические дихотомии являются «характерным признаком рационального классического мышления» (Асмолов, 2002). И это то, что мы часто встречаем в определениях сознания: общение и обобщение (системное и смысловое строение сознания) у Л.С. Выготского; знание и отношение у С.Л. Рубинштейна; значение и смысл у А.Н. Леонтьева; невербализированное и семантическое в концепции В.Ф. Петренко; логика и парадокс у В.М. Аллахвердова; запоминание и понимание у А.Ю.Агафонова; отражение-порождение в теории психологических систем В.Е. Ключко; сознание и бессознательное в метасистемной теории А.В. Карпова и др. К классическим построениям, на наш взгляд, можно отнести и «бидихотомические» объяснения сознания в концепциях В.П. Зинченко (бытийный — рефлексивный слой), а также А.Г. Асмолова и Ф.Е. Василюка (деятельность — общение, установка — отношение).

Соглашаясь с всесилием исходного двучленного разделения всего сущего (в конечном счете, *двоичный код* — в основе прогресса и «непостижимой эффективности» информационных технологий), вместе с тем замечаем неоднородность и многообразие оснований тех или иных дихотомий. Это, в частности, бинарности, раскрывающие содержание сознания или его строение, структуру или слои, исходное состояние или результат, состояние или процесс, источники (условия) или факторы и т.д. Можно ли говорить о рациональном выборе оснований и о том, сколько их может (должно) быть? Или это уже системный подход, т.е. не вполне классический.

Другая особенность заключается в том, что противопоставляемые члены дихотомических пар не вполне оппозиционны, т.е. не соединяют логических или даже диалектических противоположностей.

Таким образом, перечень означенных и иных возможных дихотомий не подпадает под определение формально-логической или диалектической классики. В связи с этим трудно согласиться с мнением, что «бинарные оппозиции утратили свой кредит» (Зинченко, 2006). Как замечает М.С.Гусельцева «Жизнь, живое дает о себе знать в антиномии: это играющее противоречие есть свойство жизни, но оно не стало средством анализа в методологии, в науке», и несколько ранее: «Игра противоположными установками дает исследовательскую глубину и полноту» (Гусельцева, 2009).

Но есть ли какая-либо польза от умножения дихотомий или они несут в себе исключительно ценностное основание возможности (свободы) мыслить и, следовательно, «существовать». По-видимому, есть логика в свободе мысленного оппозиционирования, и это логика поиска оснований, т.е. того, что иногда называют фундамирующим знанием. Одной из таких «корневых» дихотомий, очевидно, является субстациональная оппозиция «Я» — «Другой», базовая основа которой как раз и заложена в культурно-исторической психологии Л.С. Выготского, отчетливые контуры которой тем более укрепляются, чем более мы «прячемся» за ширму виртуальности, пытаемся в поисках единомышленников отделиться от разделенного сознания двоих и многих. Исходя из этой фундаментальной для фило-, онто- и актуалгенеза оппозиции можно понять, почему у Выготского исходными, определяющими сознание посылами выступают общение и обобщение; у Рубинштейна — знание и отношение (включая отношение другого к этому знанию, т.е. свое отношение через другого); у Леонтьева — значение и с(о)мысл(ь), не исключаящая различие значений, и через различие — объединение, но уже усилий процесса (процедуры) толкования и т.д. и т.п. Можно предположить, что интуиция или откровение М. Бубера было вполне подготовлено «плечами гигантов» (К. Маркс), причем не исключен личностный характер (личностное знание) выражения (форма) содержания базовой дихотомии.

Другой корневой дихотомией, непосредственно сопряженной с первой, является оппозиция: объединение—разделение, обстоятельно исследованная В.И. Молчановым в варианте: различие — синтез (идентификация) (Молчанов, 1992). Соединение выбранных оппозиций (Я — Другой, объединение—разделение) определяет, на наш взгляд, все многообразие сущего и мыслимого в самых широких пределах проявлений сознания.

Но почему только на пороге нового тысячелетия сознание становится вновь, как и в «мифические» времена мифологическое сознание, главной экзистенциальной силой, определяющей уже не каноническую (предустановленную), а свободную, независимую жизнь человека? Обретенная орудийность в жизнедеятельности человека диалектически снимается достижением высочайших технологических возможностей (в технике, биологии, медицине, информатике и т.д.) через проблематизацию персонального выбора, основанного на созерцании и взаимосвязи, взаимодействии с другими персонами. Обе интенции суть проявления сознания. Свободный выбор осознанного автономного выстраивания линии жизни — либо подчинение (принятие, встраивание, включение, растворение) в заданной или кем-то другим выстраиваемой системе социального функционирования.

Особый статус темы сознания в современной науке обусловлен также целым рядом определенных формальных обстоятельств. К первому из них можно отнести весьма значительный рост количества научных публикаций, включая монографические исследования, в последней четверти XX — начале XXI вв.; возникли тематически новые периодические издания как печатного, так и электронного характера по проблеме сознания (*The Journal of Consciousness Studies*; *Consciousness and Cognition* и др.). С 1990-х годов действует центр изучения сознания (*Center for consciousness studies. Tucson, Arizona*) и Ассоциация (*Association for the Scientific Studies of consciousness*); проведено множество масштабных конференций по сознанию (Акопов, 2006).

Новый всплеск интереса ученых к проблеме сознания, значительно превосходящий все предыдущие, во многом объясняется переходом современного общества от фазы постиндустриальной к информационной, к новейшей философии, новой научной идеологии, идеям постмодернизма и др.; возникли такие новые интегрированные области знаний, как нейронаука, когнитивная наука, наука сознания.

В практическом плане следует констатировать все более активное и масштабное целенаправленное вмешательство человека в процессы физического, биологического и социального мира и не всегда отчетливое осознание долгосрочных последствий такого вмешательства. Этот «осознанный вектор движения» (Аллахвердов, 2003) весьма редко сопровождается столь же осознанным вектором «обратной связи».

В этом плане можно согласиться с тезисом А.В. Карпова о сензитивности проблемы сознания к крупным открытиям и достиже-

ниям, а также к новым подходам в науке, с этих позиций сознание раскрывается в новом свете (Карпов, 2007).

Другой характерной особенностью проблемы сознания является невозможность отнесения этой темы к какой-то одной области науки или к какому-то одному психологическому направлению, так как, включая в себя человеческое мышление, сознание включено в любую сферу активности и деятельности человека и так или иначе представлено во всех психологических платформах и направлениях — от бихевиоризма с его отрицанием сознания, до гуманистической психологии с ее доведенной до предела, утилитарной установкой сознания.

Зарубежные исследования по проблеме сознания можно рассматривать в континууме от нейронаучных подходов изучения механизмов и коррелятов сознания до когнитивных подходов в описании видов функционирования сознания. К границам континуума примыкают попытки исследования сознания с использованием физических переменных (квантовые, волновые, молекулярные механизмы) и компьютерных программ по искусственному интеллекту. В объяснительных схемах зарубежных авторов встречаем как проявления крайнего биологизма (Searle, 1997; 2000), так и системного субстанционализма (Chalmers, 1996; 1997). В целом современное пространство изучения сознания может быть представлено в двух измерениях, складывающихся из «континуума» унитарных-междисциплинарных исследований, с их крайностями в формах феноменологизма (интроспекционизма) и физикализма; и утилитарно-ценностной шкалы с крайностями духовности и манипулятивизма.

В систематическом оформлении проблемы сознания можно выделить разные планы.

В *философско-психологическом плане* главная сложность состоит в определении сущностной характеристики сознания, так как оно традиционно стоит в бинарной оппозиции с материей и прямо или косвенно участвует в различных производных этой оппозиции: психическое — телесное, субъективное — объективное, индивидуальное — социальное, внутреннее — внешнее, закономерное — спонтанное, зависимое — автономное, необходимое — свободное и т.д. и т.п. В философско-методологическом плане наиболее интересные решения были определены еще В.М. Бехтеревым (объективистское преодоление онтологического дуализма посредством субстанционального объяснения сознания) и К. Ясперсом (агностицистское преодоление гносеологического дуализма посредством подчинения рационального мышления экзистенциальному мышлению — со-

зерцанию). В классическом варианте можно говорить: а) о логической противоречивости так или иначе определяемого сознания (Аллахвердов, 2000) в силу его невыводимости из материи; б) о гносеологической незавершенности, так как в силу рефлексивности оно не может быть наделено качеством полноты (включая геделевский вариант); в) об онтологической универсальности, так как сознание может оформлять любые проявления человеческой жизни (бытия) (Знаков, 2005). Неклассический и постнеклассический дискурсы существенно расширили горизонт и вместе с ним спектр проблем, не определив при этом принципиальных решений с новых точек зрения. В то же время нарративный подход и социальный конструкционизм придали сознанию новое, *ценностное* измерение. В целом можно согласиться с мнением, высказанным еще С.Н.Трубецким о том, что «противоречия отдельных философов относительно природы человеческого сознания имеют действительное основание в самом этом сознании» (цит. по: Мазиллов, 2007).

В *общепсихологическом плане* сознание наделено предельной шириной, оно включает все психические процессы, состояния и свойства, с одной стороны, и полной неконкретностью проявлений — с другой (в учебной литературе по психологии, отечественной и в зарубежной, сознание определено несколькими предложениями).

Не менее удручающая картина предстает в *психолого-прикладном плане*: сознанию нет места во всевозможных отраслях психологии, за исключением психотерапии и отчасти патопсихологии. Вместе с тем весьма распространены словосочетания: экономическое сознание, политическое сознание, электоральное сознание, правовое сознание, нравственное сознание, профессиональное сознание, потребительское сознание и др.

Сложившееся положение высокой ангажированности и незначительной востребованности сознания в теоретических и прикладных работах нельзя признать случайным для существующей системы психологических знаний и практики, тем более что в целом ряде новых направлений отечественной психологии сознание «работает» не только как базовая категория, но и как отчетливо операционализируемое понятие. Это, в частности: психосемантическая концепция сознания, развиваемая В.Ф. Петренко как в теоретическом, так и в прикладных аспектах; психологика сознания как новый общепсихологический базис психологии, разрабатываемый научным коллективом под руководством В.М. Аллахвердова; масштабный цикл исследований В.В. Знакова по психологии понимания и самопонимания — важнейших проявлений сознания и бытия человека; новые исследования В.А. Лабунской по осознаваемым и неосознаваемым

компонентам невербального выражения личности; уникальные исследования А.О. Прохорова по проблеме смысловой детерминации психических состояний; историко-психологический и наррадигмальный подходы В.А. Шкуратова, в частности, к проблеме связи диссоциации личности и генезиса сознания; когнитивная платформа Е.А. Сергиенко в исследованиях сознания в раннем онтогенезе человека; оригинальная концепция В.Е. Семенова о полиментальных типах сознания в современном обществе и др. Из приведенного перечня ясно, что в большинстве случаев теоретико-прикладные исследования успешно развиваются, если затрагивается не весь категориальный объем сознания, а лишь определенная плоскость, ракурс — психосемантический, герменевтический, когнитивный и т.д. Более универсальные теоретические конструкции сознания (структурные подходы А.Н. Леонтьева, В.П. Зинченко, Ф.Е. Василюка) пока приносят меньше выходов в практику, в отличие от категориально «уплощенных» вариантов (психосемантика сознания, психологика сознания, полиментальность сознания и т.д.). Универсальные структуры — бытийный и рефлексивный слои сознания, биодинамическая и чувственная ткань, значение и смысл, в большей степени «обслуживают» сам конструкт сознания, нежели его выходы в практику. Да и в самом сознании доступным осознанию пока является то, на что оно направлено, но не сам механизм осознания.

Возможны ли иные концептуальные описания (универсальные структуры), которые были бы достаточно «прозрачны» как с точки зрения объектов, так и с точки зрения механизмов осознания?

Ввиду обсуждавшейся выше максимальной общности категории сознания предельно широкую форму выделения (различения) реальности (действительности или виртуальности) представляет дихотомия: *объединение — разъединение*. Мы предпочли более широкий вариант первого обозначения в этой паре — «контакт», допускающий также стадии предшествования, не обязательно влекущие к объединению; в отношении второго члена дихотомической пары в качестве синонимической замены был избран более узкий по значению термин «свобода». Таким образом, дихотомия приобретает в большей степени антропный вид, а члены модифицированной пары — детерминирующий по динамике их сочетания характер, т.е. характер факторов. Следствием привлечения малоактивируемой в современной психологии категории «свобода» может стать, с одной стороны, отход от абсолютного детерминизма в концептуальных психологических построениях (отчего уже ушло современное естествознание), с другой — отход от абсолютного утилитаризма

(адаптация, функциональность, рефлекторность, системность и т.д.). Психологической альтернативой утилитаризму (прагматизму) является ценностный и, в частности, нравственно-этический и эстетический подходы.

Обсуждаемая структура не противоречит классической (Зинченко, 1991). Бытийный слой сознания вполне «перекрывается» контактным взаимодействием соответствующих агентов «живого движения» и чувствительной сферы с релевантным окружением, а с учетом новых исследований Н.Д. Гордеевой (Гордеева, Зинченко, 2001) (обнаружение аналогов рефлексии даже в элементарных движениях и действиях) можно говорить и о более высоких уровнях контакта (коммуникация на основе содержания обратной связи, смысловое общение и взаимодействие). Рефлексивный слой по своей сути (не по составляющей) настолько свободен в проявлениях, что может рассматриваться как эквивалент свободы.

Семантическое пространство как операциональная модель сознания в концепции В.Ф. Петренко определяет универсальную область контакта, в то время как субъективность семантических систем определяется фактором свободы.

Целостность сознания в психологической модели, предложенной В.М. Аллахвердовым, сопоставима с контактом, в то время как обнаруженные автором парадоксы сознания есть несомненное проявление его (сознания) свободы.

Дефиниция ментальности как единства сознания людей в пространственно-временном измерении, несомненно, выводима из контакта, в то время как полиментальность (Семенов, 2005) определяется свободой людей в приобщении к тем или иным социальным группам в тех или иных условиях.

Что касается собственных операциональных ресурсов двухфакторной модели сознания, то каждый из факторов, в свою очередь, может рассматриваться в триадичной структуре: *контакт* — его отсутствие или наличие (по критерию обратной связи), коммуникация (по критерию передачи определенного информационного содержания), а также смысловое общение; *свобода* — возможность выбора; определение, нахождение субъективно новых целей (творчество); конструирование (воплощение в жизнь) объективно новых целей (созидание).

Каждый из факторов² рассматривается также в двух планах — внешнем и внутреннем. Проблематика и соотношение внешнего

² Мы согласны с мнением Н.Н. Вересова, что более точным было бы обозначение обсуждаемой дихотомии не термином «фактор», а термином

и внутреннего в методологическом и конкретно-методическом аспектах обстоятельно исследована в работах В.П. Зинченко, что позволяет с учетом рассмотренной выше трехкомпонентной структуры каждого из факторов (контакт, коммуникация, смысловое общение; выбор, творчество, созидание) и различных сочетаний компонентов выстраивать достаточно широкое поле конкретных проявлений сознания.

Эмпирическая проверка заданных теоретических положений осуществляется в прикладных исследованиях Т.В. Семёновой (концепт «городская ментальность»), В.В. Шарапова (этническое сознание), А.И. Белкина (граффити как выражение «квазикоммуникации» и «псевдосвободы») А.Л.Плотниковой (развитие коммуникативных способностей в раннем детстве) и др., а также в модельных экспериментах с двойственными изображениями. Реверсивные фигуры изучались ранее в теоретическом контексте гештальт-психологии и в качестве аллюзии зрительного восприятия. В нашем случае соотносятся различные объяснительные модели перцептивной фиксации (тот или иной визуальный образ): модель классической реактивной регуляции перцептивной активности (вариации стимула, условия эксперимента и т.д.); модель активной (субъектной) регуляции (уровень субъектного включения, цели, планы, отношения, самоконтроль и др.); социально-психологическая модель взаимодействия экспериментатора и испытуемого; особенности психических процессов (внимание и др.), психических состояний и индивидуально-психологических характеристик испытуемого и т.д. Показателем большей или меньшей объяснительной возможности той или иной модели, включая двухфакторную модель сознания, избрана произвольность (устойчивость) регуляции фиксированного образа двойственного изображения (Акопов, Кукушкина, 2007).

«источник» (Вересов, 2007), о чем со ссылкой на Д.Б. Эльконина пишет также А.Г. Асмолов (Асмолов, 2002). Однако сложность состоит в том, что контакт и свобода зачастую вытесняются и в качестве условий, т.е. социальных свобод или ограничений, детерминируемых деятельностью отдельных людей и сообществ.

ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Проблематика сознания должна оставаться в пространстве психологии. Оно ведь и само есть пространство, в котором должна находиться психология.

В.П. Зинченко

Можно предположить, что вполне условная временная граница смены веков и тысячелетий, обострив экзистенциальные переживания «человека разумного», активизирует и научный поиск *единых оснований* человеческой жизни. Таким единым основанием в последние десятилетия развития научной мысли как в отечественной, так и в зарубежной психологии предстают явления сознания, проблематика которого все более интенсивно и широко исследуется в целом комплексе естественных, гуманитарных и общественных наук.

Существующие в российской психологии научные подходы к решению проблемы сознания группируются в направлениях естественнонаучной и гуманитарной традиций. Пересмотр критериев научности (различные типы рациональности) в последние десятилетия с необходимостью подводит к мысли о ключевой роли понятия, форм, типов и других производных термина «сознание» в предупреждении или даже преодолении элементов паранауки, распространяемой в научном «обличье».

Современная психологическая практика неизбежно вовлекает теоретическую психологию в обсуждение экзистенциальных проблем, решение которых не может быть выработано вне категории сознания. Как представлена эта категория в отечественной психологии, в какой степени реализован тезис Л.С. Выготского о центральности этой категории для всей психологии, образуют ли учения о сознании отечественных психологов (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев, В.Н. Мясищев, К.А. Абульханова-Славская, В.П. Зинченко, А.Г. Асмолов, Ф.Е. Василюк, В.Ф. Петренко, В.М. Аллахвердов и др.) определенное единство или это совершенно разнокачественные программы исследований сознания?

Значительная сумма идей, разрозненно представленных по времени распространенности и разделенных теоретическими платформами, скрыта от широкого научного внимания, не описана в предметном поле сознания. Категория сознания несет в себе огромный объединительный потенциал для современной психологии. Важно вывести сознание из «латентного» состояния и осознать как научную проблему в новом содержательном и качественном объеме. Обсуждение проблемы на новом этапе развития науки дает возможность выявить в широкой системе психологических знаний новые значения и смыслы.

Связана ли смена научных парадигм с изменениями в социально-экономическом устройстве общества или научная мысль развивается по своим законам независимо от установлений диалектического и исторического материализма, тех или иных положений экзистенциальной философии либо других философских учений и их интерпретаций в науке? Как бы мы ни ответили на этот вопрос, постсоветская действительность российской научной, в частности, психологической мысли демонстрирует синхронически совмещенные тенденции к *изменению* основополагающих характеристик отечественной психологии (В.М. Аллахвердов, Б.С. Братусь, Д.А. Леонтьев, А.В. Юревич и др.) и к *сохранению* сложившейся в предшествующие годы системы научного психологического знания (И.О. Александров и Н.Е. Максимова, В.А. Кольцова, Т.Д. Марцинковская, В.И. Моросанова и др.). В статье Е.Д. Хомской, положившей начало дискуссии, определены следующие этапы кризисов научной психологии и их основное содержание:

- объективная — субъективная психология;
- объясняющая — понимающая психология;
- редукционизм — дуализм в психологии;
- сциентизм — гуманизм (Хомская, 1997).

Известный отечественный психолог Я.А. Пономарев отмечал, что существуют различные типы психологического знания, обусловленные постоянно усложняющимися «типами социальной стимуляции» психологии; в соответствии с типом востребованности психологии выделяются три типа психологических знаний: созерцательно-объяснительный, эмпирический и действенно-преобразующий (Пономарев, 1983).

Б.С. Братусь выделяет три типа психологических знаний в зависимости от ориентации исследователя (философский, естествонаучный и гуманитарный), определяющих «разные аспекты, углы рассмотрения, уровни психологической жизни» (Братусь, 2005).

Продолжая линию «различных аспектов реальности», Т.В. Зеленкова полагает, что в каждом таком случае может использоваться соответствующий язык (Зеленкова, 2007).

В этом контексте заметим, что производство и трансляция научных знаний как функция субъекта научной деятельности, являясь вполне сознательной, не тождественна функции *осознания* состояния научного знания (его системности, адекватности решаемым задачам и т.д.), т.е. функции субъекта научно-методологической деятельности (рефлексии), хотя и включаемой часто в первую из обозначенных функций.

Говоря о системе научных знаний, мы имеем в виду иерархическую взаимосвязь следующих основных научных конструкций:

- специальный язык (понятия и категории), позволяющий сократить время и уменьшить усилия по приему, переработке и передаче научной информации;
- методы получения и оформления новой информации;
- научное описание эмпирической фактологии;
- выявление (открытие) и подтверждение (доказательство) закономерностей и законов, устанавливающих определенные отношения и связи между отдельными фактами, их группами и системами;
- определение научных подходов, построение концепций и теорий, позволяющих вскрывать механизмы действия закономерностей и законов, обнаруживать новые факты, прогнозировать динамические явления и т.д.;
- конструирование научно-обоснованных технологий (различные психопрактики), позволяющих вызывать целенаправленные изменения в объектах воздействия (Карицкий, 2002).

В связи с последним пунктом мы находим существенное отличие в системах научных знаний о живых и неживых объектах. Первые, в особенности наделенные психикой живые объекты, обладая изначальной активностью (предпосылки субъектности и субъективности), оказываются невероятно сложными в изучении, описании, систематизации и т.д. ввиду колоссального многообразия возможных форм, видов, уровней активности, а на определенных этапах жизни и ее изучения начинают оказывать определенное сопротивление исследовательским усилиям со стороны «постороннего» лица, «чужого» субъекта. В этих случаях обнаруживается феномен нетождественности (несоподчиненности) проявлений сознания субъекта исследовательской программы в отношении активного существа, принимающего или отвергающего (неявно)

подобную активность, включающую, как известно, помимо операциональных и действенных компонентов, также деятельностные, обусловленные релевантной мотивацией (ценностями). В этом плане можно говорить о возможности феномена сознающего, но не осознающего (рефлексирующего) субъекта, и в этом случае (т.е. в случае принятия и субъектного включения в ситуацию) во всей полноте встают вопросы зависимости активного существа от так или иначе воздействующего на него субъекта и доверия к нему, и ответственности осознающего субъекта. В конечном счете нерешенность данной проблемы инициирует вопрос общего доверия к психологическому знанию, о зависимости последователей (адептов) от научного авторитета и об ответственности ученого за корректность исследовательских процедур на каждом из приведенных выше этапов научного конструирования.

В связи с иерархичностью системы выстраивания научного знания особое значение приобретает работа над категориальным аппаратом. В отечественной психологии этой важной работе уделяли внимание такие авторы, как Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, К.К. Платонов, Б.Ф. Ломов, А.Н. Леонтьев, А.В. Петровский, В.П. Зинченко, Ю.М. Забродин и др. В разные годы объем и содержание основных категорий менялись. Некоторые категории уходят на второй план (отражение, ассоциация и т.д.), другие оказываются более востребованными (личность, деятельность, общение). На наш взгляд, в актуальном психологическом поле вся современная психологическая проблематика сконцентрировалась на двух категориях, наиболее тесно взаимосвязанных со всеми другими. Это категории *субъекта* и *сознания*. Целый ряд изысканий, проведенных в институте психологии РАН в последние годы (К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, Е.А. Сергиенко и др.) определил новое содержание этих категорий и богатство их возможных применений как в теоретических, так и в прикладных, практических исследованиях.

Анализ различных подходов к определению и структуризации сознания может быть соотнесен с той или иной методологической установкой (междисциплинарная, унитарная, системная) и обнаруживает связь различных структурных схем сознания с двухфакторной моделью бесконечно развивающегося сознания: 1) фактор взаимосвязи и контакта индивида и окружающей среды, личности и общества, индивидуальности в реальных и потенциальных образованиях Я; 2) фактор инстаурации — творчества, созидания, выбора, свободы и ответственности в системе взаимодействий — контактов. Двухфакторный подход (контакты, их интенсивность

и широта, коммуникация и смысловое общение; произвольность, уровень субъектной активности, устойчивость и многообразие избираемых объектов, форм и т.д.) позволяет наметить контуры целостной системы развития сознания.

1.1 ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Категория сознания, переживающая свое возрождение после пионерских работ В.Ф. Петренко по психосемантике сознания, не только определила новые точки роста отечественной психологии (В.М. Аллахвердов, В.П. Зинченко, О.В. Гордеева, Е.В. Субботский, Ю.М. Швалб, Н.Б. Шкопоров, Е.В. Улыбина и др.), но и позволила сформировать новую область научных исследований в США и Западной Европе (The Science of Consciousness).

Идеологической основой расширения интереса к проблеме сознания, несомненно, послужило также постсоветское «обновление» взгляда на методологию отечественной психологии, ее основные постулаты и принципы. Показательно, в частности, высказывание В.П. Зинченко в отношении незыблемого ранее принципа единства сознания и деятельности: во взаимодействии сознания и деятельности, единство — лишь момент, так как «сознание имеет большее число степеней свободы, чем деятельность, благодаря чему оно по отношению к ней может выполнять оценочные, рефлексивные, иницирующие или тормозящие функции». Это можно назвать принципом «асимметрии сознания и деятельности» (Зинченко, 2003).

Можно также согласиться с В.И. Молчановым, что вполне допустимая конструкция «сознание сознания деятельности» может и не быть «встроена в деятельность», если «в деятельности реализуется определенный тип сознания, определенное понимание сознания». Автор анализирует две концепции соотношения сознания и деятельности (встроенности сознания в деятельность и обусловленность сознания деятельностью), оставляя без внимания возможность инстаурации (конструирования, созидания, обогащения, самореализации, в частности, эстетизации и т.д.) сознанием деятельности (Молчанов, 2007).

Сознание неотрывно от субъекта и не может существовать вне субъекта, в то же время формы проявлений *сознания субъекта* и *субъекта осознания* не тождественны. Факторами развития и проявления сознания в настоящей работе определены контакт (коммуникация, общение) и свобода (произвольность, творчество,

созидание). Двухфакторная структура сознания обобщает и объясняет существующие описания функций, структуры, форм, видов и другие проявления сознания. Понятие психологической зависимости, в частности, можно определить как потерю (вынужденную утрату) тех или иных свобод ради сохранения хоть какого-то контакта (минимальной формы обратной связи) с другими людьми или с самим собой; в противоположность зависимости «доверие» можно определить как добровольное, а не вынужденное ограничение своих свобод в пользу сохранения и расширения контактов, их превращения в смысловую коммуникацию, а не просто обмен информацией; «ответственность» также связана с самоограничением свобод, но не столько в связи с необходимостью решения собственных проблем, как в случаях зависимости и доверия, сколько с направленностью субъекта на позитивное взаимодействие с другими людьми.

К унитарным концепциям сознания в противовес комплексному (междисциплинарному) подходу (Н.П. Антонов, В.П. Велихов, В.П. Зинченко, В.А. Лекторский, А.М. Иваницкий, П.Я. Гальперин, А.Р. Лурия, А.Г. Спиркин, Н.И. Чуприкова и др.), можно отнести подходы В.Ф. Петренко (психосемантика сознания), В.М. Аллахвердова (теоретические и эмпирические исследования сознания), М.М. Бахтина (критика положения о единстве сознания, полифонический подход к проблеме), В.И. Слободчикова и Е.И. Исаева (психологическая антропология сознания), В.А. Лефевра (рефлексивные структуры сознания), Ю.М. Швалба (целесолагающее сознание), Н.Б. Шкопорова (ноэтическая психология сознания) и др. Характерно, что даже такой выдающийся и последовательный представитель междисциплинарного исследования психики и сознания, как Е.Д. Хомская, отмечает плюсы «феноменологического уровня» изучения сознания (Хомская, 1999).

Комплексный подход при желании можно развести с системным подходом (В.А. Барабанщиков, Б.С. Братусь, А.С. Горбатенко, Б.Ф. Ломов и др.), а также дополнить идеей синергетизма. Однако все это пока мало приближает решение проблемы. Весьма любопытен в этом плане вывод, к которому приходят авторы оригинального экспериментального исследования мозговых механизмов, сопутствующих проявлениям сознания: «Никакие сенсорные характеристики образа не меняются от того, осознается он или не осознается» (Измайлов, Шехтер, Зимичев, 2001).

Определения сознания в отечественной психологии строятся через категории отражения (Б.В. Зейгарник, К.К. Платонов и др.), рефлексии (Е.А. Климов и др.), самосознания (В.В. Столин, И.И. Чеснокова и др.); посредством перечисления определенных

признаков сознания (Ю.М. Орлов, Н.И. Чуприкова и др.) и интеграции психических новообразований (Л.И. Божович). Во множестве определений сознания отчасти отражено многообразие функций сознания: познание, отношение, целеполагание, регуляция и т.д. в сложной взаимосвязи субъекта (личности, Я) и окружающего предметно-социального мира. В существующих определениях сознания не всегда осуществляется соотнесение, разведение или конструирование новых дефиниций сознания, соответствующих логике комплексного (междисциплинарного) либо унитарного подходов.

Различные подходы к определению и описанию уровней сознания представлены в концепциях В.М. Бехтерева, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, В.П. Зинченко, Ф.Е. Василюка и др. В последние годы определенное распространение находит концепция В.П. Зинченко. Ее схематизация осуществляется В.И. Слободчиковым и Е.И. Исаевым, а также И.В. Петривей, И.В. Тугушевым и С.В. Маньковой.

Вопросы специфики и взаимосвязи понятий «сознание» и «рефлексия» (А.В. Карпов) исследуются в комплексной парадигме (экологическое сознание, экономическое сознание, правовое сознание, политическое сознание и т.д., т.е. в явлениях контакта и свободы, в системах связи: «Я и природа», «Я и закон», «Я и политическое устройство общества» и др.), а также в рамках унитарного подхода (этническое, нравственное сознание), т.е. в явлениях контакта и свободы в системах «Я и другие», «Я в своей общности», «Я в себе».

Лингвистическая точка зрения (сознание существует исключительно в словесном материале и языке) амплифицирована в концепции множественности языков сознания, где язык рассматривается как любой способ намеренного обращения одного «существа» к другому (О.А. Донских, В.М. Розин, Д.М. Туллер и др.). Сравниваются контакты взаимодействия, сотрудничества и эмоциональные контакты как факторы развития речи и сознания (М.И. Лисина). Различаются наглядно-действенная, образная и словесная языковые составляющие сознания (А.Р. Лурия). Выделяются модальные (тактильные, обонятельные, вкусовые, зрительные и т.д.) и немодальные (пространство, время, социальные объекты) формы; семантика и взаимопроекция в концепте «семантическое единство субъективного мира» Е.Ю. Артемьевой.

Оппозиция унитарного и комплексного подходов в проблеме языка и сознания снимается семиотическим подходом: язык — любая система знаков (Ю.С. Степанов). В контексте сознания рассматриваются различные семиотические системы (Г. Фреге, А.А. Абрамян, Р. Якобсон, Н.Г. Салмина и др.).

Сознание в связи общением исследуется в работах А.А. Бодалева, А.А. Леонтьева, Б.Ф. Ломова, В.Н. Мясищева, Б.Д. Парыгина и др. Весьма важным является положение П.В. Симонова о коммуникативном происхождении сознания (Симонов, 1996). Уровневый подход в определении структуры общения позволяет выделить в качестве одной из образующих сознания фактор контакта (коммуникация, смысловое общение). Другая образующая в своей метабиологической (метафизиологической) характеристике восходит к понятию «свобода» (А.А. Балл, Е.И. Кузьмина, Д.А. Леонтьев и др.).

В онтогенетическом плане важной, но малоисследованной категорией общей и тем более возрастной психологии является понятие «детское сознание». Важнейшие перемены в сознании ребенка происходят на грани 6-летнего возраста, а именно переход от магического к естественно-научному объяснению мира, разделение физического и психического и др. (Е.В. Субботский). Выявлена предметная специфика осознания в старшем дошкольном возрасте (Н.Г. Салмина). Исследовательское сознание в детском возрасте анализирует А.Н. Поддьяков. Особенности подросткового и юношеского сознания достаточно широко освещены в психологической литературе. Однако в отличие от проблемы развития психики в онтогенезе проблема развития сознания в онтогенезе мало концептуализирована после основополагающих работ Б.Г. Ананьева по этой проблеме. Крайне интересны новейшие теоретико-экспериментальные исследования Е.А. Сергиенко по когнитивному развитию в раннем детстве и концепция развития субъектности (Я), а также обзоры изучения модели психического (Theory of Mind) (Сергиенко, 1996, 2002).

Рассмотрение особых состояний сознания (В.Ф. Петренко, В.В. Кучеренко, О.В. Гордеева, В.В. Козлов и др.), расстройств и нарушений сознания позволяет лучше понять сам феномен человеческого сознания. С классической точки зрения (Б.В. Зейгарник), различные нарушения сознания рассматриваются как нарушения отдельных психических процессов, которые входят в многокомпонентную структуру сознания либо их комплексов, состояний и личностных проявлений этих состояний (нарушений). Другая точка зрения (Е.А. Климов) определяет нарушения как особенность ориентировки (во времени, месте, обстановке и т.д.), включая деперсонализацию и ложные восприятие и воспоминания. Структурный подход к проблеме нарушений сознания фиксирует гипертрофию в развитии той или иной образующей сознания. В русле структурного подхода психологические (унитарные) концепции нарушений сознания представлены в работах В.Н. Мясищева, Ф.Е. Василюка и др.

Таким образом, в процессе последовательного структурированного рассмотрения *сознание* выводится за пределы произвольных ограничений частной темы в рамках общей психологии и в широкой совокупности теоретических, прикладных и эмпирических изысканий отечественных психологов различных направлений и школ постреволюционной (после 1917 г.) эпохи обретает свою психологическую предметность, целостность и глубину.

В.М. Бехтерев и современные подходы к решению проблемы сознания

Более ста лет прошло после опубликования фундаментального труда В.М. Бехтерева «Психика и жизнь» (1903). Представленные в нем идеи, так же как и в более ранней психологической работе ученого «Сознание и его границы» (1888), носят новаторский характер и значительно опережают свое время. По своему замыслу уровневая структура сознания в концепции Бехтерева является не менее, если не более богатой, во всяком случае, сопоставимой со структурной концепцией самосознания У. Джемса. К сожалению, далеко не все выдвинутые Бехтеревым идеи получили продолжение в творчестве самого ученого и его последователей. И сегодня, как отмечают Б.Ф. Ломов, В.А. Кольцова, Е.И. Степанова, не раскрыто в должной мере конструктивное содержание идей Бехтерева, методологическая значимость многих выдвинутых им положений, ценность полученных конкретных фактов, остающихся актуальными для современной психологической теории и для решения практических задач (Ломов, Кольцова, Степанова, 1991).

Активный борец с субъективно-идеалистическими воззрениями, подвергший их острой критике в своем труде «Объективная психология», Бехтерев уже на ранних этапах своего творчества самоопределился как ученый естественнонаучной ориентации. Это с очевидностью просматривается и в его работе «Психика и жизнь», относящейся хронологически к периоду общей психобиологии, согласно периодизации творчества Бехтерева, предложенной Е.В. Левченко (Левченко, 1999). Отметим, однако, что мы согласны с точкой зрения Б.Ф. Ломова, В.А. Кольцовой и Е.И. Степановой, что развитие научных взглядов Бехтерева «неверно было бы представлять в виде некой линейной хронологической последовательности, на одном из отрезков которой предметом исследования ученого выступала бы одна из сторон целостного объекта, на другом — следующая и т.д., ... уникальность его состояла в том, что он был в состоянии одновременно подойти к исследуемому объекту и глубоко

аналитически и в то же время комплексно охватить разные его стороны и уровни развития, выделить его существенные связи, имеющие место в целостном организме» (Ломов и др., 1991).

Многие ранние идеи и концептуальные построения Бехтерева не потеряли своего значения в современной отечественной психологии, переживающей очередной этап методологического переосмысления системы психологических знаний, вызванный сменой социально-экономических условий жизни постсоветского общества, и приобрели новое звучание в зарубежной, особенно американской, психологии, в которой в связи со все большим преодолением бихевиорального подхода и распространением когнитивизма обостряются дискуссии по психофизической проблеме и проблеме сознания.

Как отмечает Бехтерев, «несмотря на необыкновенную по своим размерам затрату умственного труда со стороны наиболее видных мыслителей старого и нового времени, вопрос об отношении духовного или психического начала к физическому не продвинулся вперед ни на один шаг. Мы и теперь, как тысячу лет назад, останавливаемся перед неразрешимыми загадками мира, что такое дух и материя и какое их взаимное отношение друг к другу? Ошибка всех вышеуказанных воззрений состоит именно в том, что ими отыскивалась умозрительным путем сущность вещей, между тем как истинное знание не заключается в отыскании сущности вещей, а в разъяснении соотношений между теми и другими явлениями» (Бехтерев, 1999, с. 38).

Спустя столетие о трудности исследования проблемы сознания в современной науке заявляет Д. Чалмерс: «Сознание упорно сопротивляется научным попыткам решения», а «некоторые исследователи приходят к выводу, что проблема не имеет решения» (Chalmers, 1995). Согласно Чалмерсу, ключевой вопрос проблемы сознания — это вопрос о том, почему информационные процессы различения, обобщения и т.д. не свободны от внутренней чувствительности (субъективного опыта, переживания, сознания). Отсутствие ответа обозначается как «объяснительный пробел» между функциями и опытом сознания. Отсюда делается вывод, что необходим «объяснительный мост», материалы для которого еще предстоит найти. Чалмерс убежден, что для раскрытия природы сознания нужен новый подход, ибо традиционные объяснительные схемы когнитивной науки и нейронауки для этого недостаточны.

Оценивая редукционистские схемы описания и объяснения явлений высокого уровня (сознания) в понятиях фундаментальных физических процессов, Чалмерс заключает, что они хорошо рабо-

тают во многих областях научного знания, ибо то, что объясняется в этих областях,— это структуры и функции, т.е. явления такого рода, которые являются структурными компонентами физического устройства. Когда же редукционистские методы используются для объяснения «надструктурных» и «надфункциональных» образований, они обнаруживают свою беспомощность и бессилие. Исходя из этого, Чалмерс предлагает свой путь нередукционистского объяснения высших проявлений психики. По аналогии с физической наукой, в которой существует несколько базовых характеристик (масса, пространство, время), необъясняемых более простыми сущностями³, Чалмерс утверждает, что нередукционистская теория должна принять сознание в качестве фундаментальной характеристики не только известного ряда явлений — масса, заряд, пространство, время, но и всего окружающего мира в целом. Нередукционистская теория сознания оценивается им как направленная на обоснование принципа совместимости основных законов природы и тем самым открывающая новые возможности для объяснения сознания.

Конечно, признает Чалмерс, мы не получаем и в этом случае ответа на все вопросы, но это свойственно любой фундаментальной теории. Хотя физика до сих пор не нашла убедительного фактологического подтверждения первичности материи, это, однако, не рассматривается как аргумент против теории вещества, позволяющей объяснить все типы материальных явлений и показывающей, как они выводятся из базовых законов. Это положение может быть применено и для изучения и объяснения сознаваемого опыта, считает Чалмерс. Такая позиция определяется им как разновидность дуализма. Но эта, согласно Чалмерсу, «безвредная версия дуализма» всецело совместима с научным мировоззрением. Такой подход не противоречит физической теории; необходимо найти «соединительные принципы» для объяснения того, как сознание возникает из физических процессов. Нет в этой теории, по мнению автора, и ничего мистического, более того, она характеризуется как «естественный (научный) дуализм».

С этой точки зрения, теория сознания должна иметь больше общего с физической теорией, нежели с биологической. Биологические теории, согласно Чалмерсу, не содержат столь фундаментальных принципов, отличаются определенной комплексностью и вполне

³ Когда физикам не удавалось объяснить электромагнитные волны на основе законов механических явлений, они постулировали существование электромагнитных явлений как фундаментальной самостоятельной характеристики.

упорядочены. Физические же теории, располагая фундаментальными принципами, стремятся к простоте и элегантности, поэтому, как указывает Чалмерс, и теория сознания должна также отличаться простотой, элегантностью и красотой.

Подход Чалмерса, опирающийся на физические аналогии и кладущий в свою основу принципы «естественного (научного) дуализма», противоположен, как будет показано далее, биологическому монизму Бехтерева.

Биологизм концепции Бехтерева заключается в том, что жизнь и психика рассматриваются автором как «неразрывное целое». Психика определяется как «продукт огромного запаса энергии» организма (Бехтерев, 1999, с. 178), т.е. вопрос о ее природе ставится в тесную связь с вопросом о природе энергии и условиях, приводящих к ее особому напряжению (Бехтерев, 1999, с. 196). Не случайно А.В. Брушлинский и В.А. Кольцова отмечают важное место энергетической концепции в системе научных взглядов Бехтерева (Брушлинский, Кольцова, 1994). Монизм концепции Бехтерева заключается также в попытке обоснования единого универсального отношения источника движения (активности) в неживых и живых объектах с явлениями энергетизма. Как считает автор, «ни одно внешнее явление, ни одно тело в природе не могло бы существовать, если бы за ним не скрывался тот или иной вид энергии. Словом, все внешние тела и явления в природе суть проявления энергии, видоизменяющей среду». И далее: «Точно так же, и все внутренние факты и явления, которые мы открываем в нас самих путем самонаблюдения, а равно и все сопутствующие им материальные изменения нервных центров обязаны своим происхождением скрывающейся за ними энергии» (Бехтерев, 1999, с. 61).

Анализируя с естественнонаучных позиций антиномию «монизм-дуализм» в отношении материи и духа (сознания), Бехтерев не принимает ни монистического спиритуализма (идеализм), ни вульгарно-материалистического объяснения психики. Автор разделяет позиции «монизма», утверждающего не противоположность или параллелизм материи и духа, а их единство (там же, с. 30). Материя и дух (душа и тело) рассматриваются как «два вида одного и того же факта, как субъективное и объективное проявление одного и того же процесса, как формы одного и того же вещества, которые нам кажутся другими только потому, что мы их познаем различно» (там же, с. 35). Предвосхищая Чалмерса, Бехтерев пишет: «... мы держимся также идеи параллелизма как научного факта, но признаем, что психическое и физическое суть два несоизмеримых между собой явления, не допускающих никаких непосредственных переходов

одно в другое» (там же, с. 60). Это вынужденная позиция, связанная с тем, что «все попытки пойти дальше параллелизма в объяснении существующих соотношений между физическими и психическими явлениями наталкивались до сих пор на непреодолимые препятствия» (там же). Бехтерев считает, что физиологические процессы мозга и мысль «суть лишь две стороны одного и того же явления». Различие лишь в том, что «одно и то же явление рассматривается нами с двух различных точек зрения: с внутренней и внешней». Автор подтверждает свою точку зрения мнением Фехнера и примером существования текста на двух языках, «каждый из них представляет собой как бы подстрочный перевод другого...», и «мы не можем одновременно воспринимать и физическое и психическое как одно целое, а можем воспринимать его лишь поочередно с двух сторон — внутренней и внешней» (там же, с. 43–44). Бехтерев объясняет одновременность их протекания «одной общей, скрытой от нас причиной, которую мы пока условно назовем *скрытой* энергией», которая представляет собой не только физическую величину, но и содержит в себе психическое, как бы в потенциальном состоянии (там же, с. 61).

Вместе с тем Бехтерев призывает к осторожности в определении проблемы причинности психического, указывает на часто неверное толкование самого слова «причина». Анализируя положения: «Психическое порождается физическим», «Материальные процессы являются причиной психических процессов», «Психическое есть продукт деятельности мозга» и т.д. — он поясняет, что «постоянство соотношения между двумя явлениями еще не значит, что мы открыли причинное соотношение между обоими явлениями» (там же, с. 42).

Созвучное с бехтеревской биологической трактовкой понимание сознания представлено в работе Серла (Searl, 1997), хотя по ряду принципиальных позиций взгляды ученых расходятся. Отвергая в решении проблемы сознания как материализм, так и дуализм, Серл определяет его как качественно особый «естественный биологический феномен» (*ibid.*, p. xiii). Поясняя свою позицию, он пишет: «Мы не замечаем естественной, биологической характеристики сознания и других психических феноменов в связи с философской традицией, рассматривающей «психическое» и «физическое» как взаимно исключающие категории. Выход состоит в признании непригодности как дуализма, так и материализма и принятии сознания как «качественного», субъективного «психического» феномена и в то же время естественной части физического мира» (*ibid.*, p. xiv). Серл предельно последователен в своем мнении, считая, что «мы

поймем сознание, когда определим в биологических деталях, как мозг производит его..., как нейробиологические процессы в мозге вызывают сознание» (ibid., р. xv). По сути, автор, несмотря на декларативное отрицание материализма, в определении сознания стоит на материалистических позициях. Причина такого рассогласования кроется, по-видимому, в специфике понимания им самого термина «материализм». Более того, Серл допускает, что сознание есть обычный биологический феномен, сопоставимый с произрастанием, пищеварением или секрецией желчи (ibid., р. 6), тем самым вставая на позиции биологического редукционизма. Следует отметить, что Бехтерев критически оценивал вульгарно-материалистические трактовки сознания.

Поясняя свое понимание природы сознания, Бехтерев отмечает, что «скрытая энергия при посредстве производимых ею субъективных образов дает возможность качественной оценки явлений внешнего мира по отношению к субъективным потребностям организма как проявлению той же скрытой энергии. В этом отношении субъективные показатели играют роль знаков, обозначающих пройденный энергией путь, что дает нам возможность субъективно оценивать значение явлений внешнего мира для организма и делать выбор между приятным, полезным и пригодным, с одной стороны, и неприятным, вредным и враждебным — с другой» (Бехтерев, 1999, с. 63).

Таким образом, согласно Бехтереву, «субъективное», или сознание как особый вид энергии («скрытая» энергия), выступает мостом, связывающим внутренний мир человека с окружающим его физическим миром. Энергия, скапливающаяся в организмах — преобразованная внешняя энергия природы (там же, с. 101). У высших животных носительницей скрытой энергии является нервная система, у низших животных — весь организм в его жизнедеятельности (там же, с. 74).

В своей работе Бехтерев использует понятие сознания в различных смыслах. Так, в частности, он пишет: «Если мы придадим ему (сознанию.— Г.А.) возможно широкое толкование и будем понимать под сознанием все то, что вызывает внутреннюю или субъективную реакцию как в форме самого элементарного и общего, т.е. недифференцированного самоощущения, так и в форме сложных внутренних состояний, открываемых в нас путем самоанализа и называемых нами представлениями, понятиями, суждениями и т.п., то мы, без сомнения, не можем отказать в элементарных проявлениях сознания в форме хотя бы общего недифференцированного самоощущения самым низшим из животных и даже растениям»

(там же, с. 78). В столь же широком смысле Бехтерев определяет сознательность, состоящую «в личном или самостоятельном выборе движений. Если движение носит самостоятельный характер, т.е. не определяется ближайшими внешними воздействиями, иначе говоря, непосредственно не зависит от какого-либо внешнего воздействия, а обуславливается внутренними импульсами, возникающими в самом организме, то это доказывает присутствие психики в той или иной форме» (там же, с. 85). Однако понятие «сознание» используется Бехтеревым и в узком смысле слова. В этом контексте важное значение в энергетической концепции Бехтерева приобретают такие переменные, как величина (сила, уровень, напряжение и т.д.) энергии и внешние или внутренние препятствия. Препятствие к движению скрытой энергии рассматривается Бехтеревым как необходимое условие проявления сознательной деятельности (там же, с. 74). Как считает автор, «... сознание проявляется лишь в том случае, когда скрытая энергия центров достигает наибольшего напряжения... большее или меньшее напряжение скрытой энергии стоит, как надо думать, в прямой зависимости не только от силы внешних воздействий, но и от развития препятствий в нервной системе» (там же, с. 62). Конечно, Бехтерев был знаком с работами И.М. Сеченова.

В связи с поставленным Бехтеревым вопросом о «препятствиях» вызывает интерес «концепция барьеров», развиваемая Р.Х. Шакуровым. Он полагает, что «весь драматизм жизни, апофеоз психической активности, радости и трагедии, взлеты и падения — все они связаны с перипетиями процесса преодоления различных препятствий. Не ради отражения окружающего мира действуют люди, а ради преодоления сопротивления среды своими устремлениями». Согласно теории Р.Х. Шакурова, преодоление — «не только главная форма отношения индивида с миром, но и ведущий механизм становления личности. Невозможно стать человеком, не преодолевая внешние и внутренние барьеры» (Шакуров, 2003, с. 6). Барьер, обладая «энергетическим потенциалом, проявляющимся в ограничении какого-то движения», выступает тем самым причиной «динамизации психики» (там же, с. 12).

Определенное объяснение в энергетической концепции Бехтерева находит и противоположный сознанию полюс психики — бессознательное. Согласно Бехтереву, «высшая сознательная деятельность, развивающаяся лишь при особом напряжении скрытой энергии, возможна у высших животных лишь при существовании высших центров нервной системы, именно — головного мозга, тогда как в более низших организмах сравнительно элементарные

субъективные явления обнаруживаются уже при действии скрытой энергии в низших центрах нервной системы, в простейших же организмах, лишенных нервной системы, имеющиеся зачатки субъективности, вероятно, совершенно неотделимы от жизненных процессов» (Бехтерев, 1999, с. 81). Таким образом, сознательное и бессознательное обусловлены филогенетически. В актуалгенезе «скрытая энергия охватывает собой не один только порядок сознательных явлений, но и бессознательные процессы психической деятельности» (там же, с. 62). Бехтерев описывает один из путей перехода сознательных процессов в бессознательные: «Каждый раз, когда какое-либо сложное движение, требующее от нас большего напряжения умственных сил, будет нами производиться достаточно часто, оно делается уже привычным для нас и, следовательно, совершающимся без особого с нашей стороны напряжения. С этим облегчением движения скрытой энергии происходит и потухание сознания, от чего, впрочем, самый характер процесса несколько не нарушается» (там же, с. 74). Здесь фактически описывается механизм автоматизации движения.

Таким образом, анализ работ Бехтерева показывает, что характерные черты его исследовательского подхода: естественнонаучная ориентированность, комплексный и системный подходы — нашли отражение не только в разработке отдельных прикладных научных или практических проблем физиологии, неврологии, медицины и т.д., но и в фундаментальных теоретических изысканиях ученого в области изучения психических явлений, начатых еще на первом этапе «анализа возможностей и ограничений субъективной психологии» и построения уровневой структуры сознания в «дорефлексологический период научной деятельности» (Ломов и др., 1991).

Возрождение интереса к проблеме сознания, связанное с работами В.Ф. Петренко по психосемантике сознания, определяется новыми точками роста и развития исследований в этой области и в отечественной (В.М. Аллахвердов, В.П. Зинченко, О.В. Гордеева, Е.В. Субботский, Ю.М. Швалб, Н.Б. Шкопоров, Е.В. Улыбина и др.). В западноевропейской и американской психологии оформилась новая область научных исследований — наука сознания (The Science of Consciousness).

Современный анализ различных подходов к определению и структуризации сознания, включающий их соотнесение с той или иной методологической установкой (междисциплинарной или комплексной, унитарной, системной), обнаруживает связь различных структурных схем сознания с двухфакторной моделью безгранично развивающегося сознания: *фактор контакта* (коммуникации,

смыслового общения) и *фактор свободы* (выбора, творчества) (Акопов, 2002а).

К унитарным концепциям сознания, т.е. исследованиям сознания, не привлекающим понятийный, фактологический, теоретический и т.д. материал смежных и других непсихологических дисциплин (в противовес междисциплинарным: Н.П. Антонов, В.П. Велихов, В.П. Зинченко, В.А. Лекторский, П.Я. Гальперин, А.Р. Лурия, А.Г. Спиркин, Н.И. Чуприкова и др.), можно отнести подходы В.М. Аллахвердова (теоретические и эмпирические исследования сознания), М.М. Бахтина (критика положения о единстве сознания, полифонический подход к проблеме), А.В. Карпова (рефлексивное сознание), В.Ф. Петренко (психосемантика сознания), Ю.М. Швалба (изучение целеполагающего сознания), А.Ю. Агафонова (смысловое сознание) и др. Традиционный комплексный подход, объединяющий внутриспсихологическое комплексирование (по отраслям психологии) с междисциплинарным, достаточно успешно вытесняется системным (полисистемным) подходом (В.А. Барабанщиков, Б.С. Братусь, А.С. Горбатенко, Б.Ф. Ломов, А.О. Прохоров и др.).

Двухфакторная модель функционирования сознания отчетливо обнаруживается также в «энергетической» теории Бехтерева. Психика (скрытая энергия по Бехтереву) и ее различные уровни сопоставимы с фактором свободы (творчество, созидание). У Бехтерева встречается словосочетание «свободная энергия». Фактор контактов (информационно-содержательный аспект) может быть соотнесен с двумя моментами в концепции Бехтерева: а) энергия определенным образом структурирована и содержит в себе не только силовой, но и информационный потенциал; б) препятствие как объект прохождения энергии в силу своего определенного устройства (структуры) определяет специфику явлений сознания.

Возможно, энергетизм концепции Бехтерева не объясняет всех явлений отражения и регуляции активности человека, вместе с тем научное наследие Бехтерева в области психологии имеет важное значение в связи с обострением методологических разногласий в постсоветской психологии. Возвращение к научному наследию прошлого и его анализ с новых позиций дает ориентиры для более адекватной оценки истории психологической науки в контексте современного научного сознания. В частности, анализ работ Бехтерева позволяет утверждать, что не все, что было отброшено или проигнорировано марксистской психологией, носило идеалистический, вульгарно-материалистический, редукционистский и т.д. характер. Можно также согласиться с мнением А.В. Брушлинского и В.А. Кольцовой, что «особую актуальность энергетические идеи

Бехтерева приобретают в настоящее время, в период обострения интереса к проблемам биоэнергетики, активизации обсуждений и дискуссий об источниках психической энергии в природе и характеристиках телепатических процессов, экстрасенсорных явлений, сверхсенситивных способностей и т.д. Концепция Бехтерева может стать важным источником исследования и объяснений этих пока еще чрезвычайно слабо изученных явлений, что в свою очередь выступит условием расширения возможностей развития и управления внутренней психологической средой человека» (Брушлинский, Кольцова, 1994). Энергетическая концепция и ее методологическое обоснование Бехтеревым выполнены в естественнонаучных традициях и воспринимаются вполне современно на фоне большого числа зарубежных исследований по проблеме сознания конца XX — начала XXI в. Такой вывод опирается на сравнительный анализ этих исследований (Акопов, 2002, 2003).

Если в российской психологии исследовательское внимание концентрируется главным образом на раскрытии природы и описании структуры сознания (онтологический анализ), то в зарубежной науке — на обсуждении проблемы происхождения сознания и его связи с физическим миром (B. Baars, D. Chalmers D. Dennett, J. Searle, J. Shear, F. Varela, M. Velmans и др.) (гносеологический анализ). То, что волнует сегодня наших зарубежных коллег, достаточно глубоко проработано российской психологией с философских позиций диалектического и исторического материализма (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова-Славская и др.).

Вместе с тем следует отметить, что «российская психология» концептуально неоднородна в пространственно-временном отношении. В дореволюционный, советский и постсоветский период проявились разные тенденции в развитии психологической науки, особенно отчетливые в связи с идеологическим диктатом в советский период, который характеризуется вместе с тем и значительными достижениями в теоретической психологии. И хотя важно учитывать, каким было, по выражению В.П. Зинченко, «сознание психологов» советской эпохи («кто за совесть, а кто за страх» исповедовал марксистскую философию — Зинченко, 2000, с. 128), можно констатировать, что общими усилиями была выстроена достаточно стройная система научных психологических знаний, а перестроечное брожение мало что изменило, за исключением устранения избытка ссылок и цитат из классиков марксизма-ленинизма.

Можно критически относиться к диалектико-материалистической основе отечественной психологии или даже отвергать ее, но невозможно не признать как исторический факт, что именно эта мето-

дология определила лицо российской психологии. Возможно, мнение А.Н. Ждан, что «именно в философии Маркса содержится целостная концепция, в которой заложены принципы психологического познания человека», весьма категорично, но справедливость утверждения, что на философской базе марксизма были созданы оригинальные концепции: культурно-историческая теория Л.С. Выготского, деятельностный подход С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева, психология установки Д.Н. Узнадзе — не подлежит сомнению. На протяжении десятилетий они определяли разработку психологической теории и направления эмпирических исследований в различных областях психологической науки в России (Ждан, 2001, с. 19–27).

Нельзя не согласиться с В.А. Кольцовой, что, «несмотря на серьезные трудности и ограничения (прежде всего идеологического характера), огромными творческими усилиями... была создана новая оригинальная научная школа, характеризующаяся специфическими традициями и подходами», причем ее «методологическое единство обусловило формирование советской психологической науки как целостного, системно-организованного знания о психике...» (Кольцова, 2001, с. 3–8).

По мнению В.П. Зинченко, было бы опрометчиво и несправедливо пренебрегать наследием, оставленным советскими психологами (Труды Ярославского семинара, 2003). Необходимо, как считает Ф.Е. Василюк, «отбросить наносное и ложное, бережно отнестись к достижениям отечественной психологической школы», и, «если поставить задачу осознанного продолжения традиции, то перед нами открываются плодотворные перспективы» (Василюк, 2003, с. 232). Таким образом, изменения, совершенствование, развитие советского психологического наследия вполне возможны и корректны, однако категорический отказ равносителен потере лица. Кроме того, нельзя не отметить и плюсы, связанные с традиционной методологией. Это, в частности, снятие проблемы декарвовского дуализма или различного рода редукционизма в объяснении сознания. Что касается полного решения проблемы взаимосвязи телесного и психического (body–mind), или более широко — материального и идеального (психического, сознательного), т.е. ответа на вопросы, почему и как сознание возникает и взаимодействует с мозговыми, нейрофизиологическими процессами, то развитие унитарного и междисциплинарного подходов будет способствовать встречному движению в решении этой проблемы.

Вместе с тем, возможно, прав М.К. Мамардашвили, утверждая, что марксова система, основанная на «абстракции практики или чувственно-предметной деятельности» (логика практики), — это

тупик или «ящик Пандоры» (Мамардашвили, 1990), в особенности в учениях ортодоксальных адептов марксизма.

Однако «практика» научного экспериментирования не дает возможности столь же легко справиться с психофизической и психофизиологической проблемами, как в диалектическом материализме («диверсификация» онтологического и гносеологического аспектов решения проблемы). Так, отечественный нейропсихолог Е.Д. Хомская считает, что «пока еще нет четких представлений об органических основах сознания, о конкретных механизмах связи сознания с мозгом» (Хомская, 1999, с. 6). В то же время в связи с исследованиями Ч.А. Измайлова, Е.Д. Шехтер и М.М. Зимичева можно сказать, что в психофизическом туннеле забрезжил свет. Опираясь на результаты своих экспериментальных данных, эти авторы приходят к важному выводу, что «сознание не «встроено» в сенсорный механизм, а выступает как внешний (последующий) фактор по отношению к зрительному образу аналогично другим когнитивным процессам (восприятию, памяти, интеллекту, речи)», в частности, «процесс осознания сенсорного образа качественно отличается от других познавательных процессов» (Измайлов и др., 2001, с. 47).

Этот вывод удивительным образом совпадает с заключением внимательного к проблемам психологии философа С.И. Голенкова о том, что «сознание не является природной способностью человека, оно имеет особую, не природную сферу своего бытия» (Голенков, 1996, с. 6), что было убедительно показано еще Л.С. Выготским.

С более широких позиций (сознание — не только осознание, но и неосознаваемая психическая активность) подходит к решению психофизической проблемы (субстанциональность бытия и нематериальность познания) Э. Морэн. Он рассматривает возможности физического и биологического решений. Конкретика решения на физическом уровне определяется: а) информационными процессами; б) микрофизическими явлениями; в) системным строением или организацией материальных систем. Биологическое «снятие», по Морэну, определяется тем, что «сама организация человеческого тела содержит в себе когнитивное измерение» (Морэн, 1988).

Определенный интерес представляет и попытка А.П. Супруна подвести итог современных физических исследований сознания (точнее «проблемы сознания и субъекта в теоретических и экспериментальных исследованиях в области физических наук»). Автор также рассматривает семиотический аспект проблемы. «Сознание не может быть формализовано или выражено ни в какой знаковой системе и представляется в ней «невычислимой процедурой»» (Супрун, 2007, с. 121–124).

Очень важно, анализируя и учитывая зарубежный опыт современных исследований сознания, переосмыслить целый ряд психологических работ дореволюционного периода. В рассматриваемом контексте (в частности, по работам Чалмерса и Велманса) большой интерес представляют ранние работы В.М. Бехтерева. Весьма актуальными представляются и работы школы Выготского по культурно-исторической психологии, высшим психическим функциям, социальной детерминации психики в новом оформлении проблемы сознания и определении подходов к ее решению; работы по социальной антропологии и кросскультурным исследованиям, слабо представленным в зарубежных концепциях сознания, что, в частности, отмечается в обстоятельном обзоре четырех туксоновских конференций по проблеме сознания (1994–2004)⁴ (Whitehead, 2004).

Безусловно, к сильным сторонам отечественной школы психологи, обусловленным опорой на диалектико-материалистическую философскую методологию и сформированную на ее базе систему собственно психологических принципов и методов исследования и понимания психических явлений, относятся: снятие проблемы декардовского дуализма, отказ от различного рода редукционизма в объяснении сознания, объективный, системный и комплексный подходы к его изучению, рассмотрение сознания как социально-обусловленного явления в его связи с личностью, деятельностью, общением. Что же касается решения проблем взаимосвязи телесного и психического, сознательного и бессознательного, того, почему и как сознание возникает и взаимодействует с мозговыми, нейрофизиологическими процессами, то этому будет способствовать решительный переход от систем конвенционального знания к консолидированному, что представляется важным не только в синхроническом, но и в историческом измерениях. В связи с этим очевидно, что выпавшая на многие годы из методологического пространства советской психологии энергетическая концепция Бехтерева может найти свое достойное место в современных исследованиях сознания.

1.2. ИССЛЕДОВАНИЯ СОЗНАНИЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Не менее сложная ситуация в спектре подходов и решений проблемы сознания в Западной Европе и США. В отклике на книгу Велманса (Velmans, 2000) (по мнению Земана, одной из

4 <http://www.consciousness.arizona.edu/>

лучших, написанных о сознании в последнее десятилетие), рецензент объясняет резко возросший интерес к сознанию в науке тремя взаимосвязанными причинами. Первая — существенный прогресс в развитии нейронауки. Хотя картина еще не полна, нейронные корреляты таких сознаваемых процессов, как зрительное восприятие, эмоции, память, начинают проясняться в связи с исследованиями на животных, больных с повреждениями мозга и недавними исследованиями с использованием функционального отображения мозга у здоровых людей. «Другая причина связана с тем, что психологи-экспериментаторы преодолели свою нервозность в изучении сознания» (Zeman, 2001, p. 77). Исследование таких феноменов, как слепота, способность некоторых слабовидящих точно угадывать характеристики зрительных стимулов, о которых у них нет сознаваемого зрительного опыта, обещает прояснить различие сознаваемых и несознаваемых процессов мозга. Третий источник «ветра в парусах исследований сознания» связан с работами в области искусственного интеллекта» (Zeman, 2001, p. 77).

Другие исследователи связывают поворот (возврат) к сознанию с развитием и значительным укреплением позиций таких двух важных направлений научного поиска в конце XX в., как когнитивная наука и нейронаука (Banks, Farber, 2003).

Трудные и легкие задачи при решении проблемы сознания

Весьма активный исследователь сознания Д. Чалмерс (Chalmers, 1995) выделяет три раздела науки, относительно которых группируется все множество проблем:

- 1) философия сознания;
- 2) теории психических явлений (разум, память и др.);
- 3) наука о сознании (Science of consciousness).

Классификация Чалмерса интересна тем, что в ней, помимо качественной характеристики названных разделов (перечень авторов и названия статей), приводятся также количественные данные (численность публикаций по разделам и составляющим разделы рубрикам). Так, количество представленных в разделах материалов, по подсчетам Чалмерса, следующее: первый раздел — 473 статьи; второй раздел — 487 статей; третий раздел — 364 статьи. В каждом разделе статьи группируются по темам: концепции сознания (27 статей), «объяснительный пробел» (34), материализм и дуализм (30), аргументация от знаний (16), материализм и модальность

(атрибуты сознания) (29), метафизика сознания (34), панпсихизм (11), «зомби» как проблема сознания (19), качества сознания (цвет и др.) (39), содержание сознания (20), «репрезентациализм» (18), сознание и «мышление высшего порядка» (23), интроспекция и самосознание (28), единство сознания (11), функции сознания (18), различные философские теории сознания (23).

Второй раздел включает 20 групп тем: «Я и личностная идентичность» (37 статей), «психология обыденного сознания» (35), «интернализм и экстернализм» (34), «свобода воли» (32), «язык и мышление» (27) и др.

Третий раздел включает 16 групп: нейронаука визуального сознания (24), сознание и нейронаука (34), когнитивные модели сознания (36), неосознаваемое восприятие (18), «имплицитная» память (15) и учение (10), многообразие слепоты и «слепота невнимания» (14), визуальное сознание (8), сознание и психология (24), сознание в истории психологии (30), сознание и время (7), сознание животных (13), сознание и искусственный интеллект (11), сознание и физика (37), феноменология (38) и др.

Несмотря на обилие работ, как заключает Чалмерс, «сознание упорно сопротивляется научным попыткам решения», а «некоторые исследователи приходят к выводу, что проблема не имеет решения» (Chalmers, 1995).

Все проблемы сознания Чалмерс делит на две группы по критерию трудности решения. К первой группе он относит достаточно простые задачи, ко второй — собственно проблему, представляющую большую трудность, и объясняет причины и характер этих трудностей. Следует отметить, что целый ряд «редукционистских» решений Чалмерс относит к ложным решениям и считает, что можно найти «натуралистическое» нередукционистское объяснение сознания, базирующееся на принципах структурной когерентности, организационной инвариантности и двухаспектного рассмотрения информации.

По Чалмерсу, «сознание» — многозначный термин, относящийся к множеству различных феноменов. Каждый из этих феноменов необходимо объяснять. Однако некоторые из них легче поддаются объяснению, чем другие. К легким задачам проблемы сознания Чалмерс относит те, которые поддаются решению стандартными методами когнитивной науки, посредством которых феномен объясняется в понятиях когнитивной логики («вычислений») или нейронных механизмов. Трудные задачи не поддаются решению этими методами.

Легкие задачи проблемы включают, в частности, объяснения таких феноменов, как способность различать, категоризировать

и реагировать на внешние стимулы; обобщение информации когнитивного характера; способность сообщать о своих внутренних состояниях; способность фокусировать внимание; намеренный контроль поведения; различие между бодрствованием и сном и др. Все эти феномены связаны с понятием сознания и могут быть успешно объяснены с позиций когнитивной науки и нейронауки.

Реально трудной для объяснения сознания является проблема субъективного опыта, переживания (*experience*). Когда мы мыслим и воспринимаем, имеет место «шум» (*whir*) информационного процесса и субъективный аспект — нечто похожее на сознающий организм. Этот субъективный аспект (*experience*) — различные ощущения, восприятия, эмоции, мысли и т.д. Несомненно, что некоторые организмы — субъекты «*experience*», но как это происходит — вопрос, приводящий в тупик.

Широко принято, что «*experience*» возникает из физической основы, но у нас нет объяснения, почему и как это возникает. Почему и как физические процессы приводят к порождению богатой внутренней жизни?

Чалмерс предлагает понятийно дифференцировать термины «*qualia*», «*awareness*», «*conscious experience*» и «*consciousness*», которым очень сложно найти эквиваленты в русском языке. Согласно изысканиям Тасси и Мюзет (*Tassi, Muzet, 2001*), слово «*awareness*» из староанглийского, близкое к «*watchfulness*», означает осознание определенных объектов, жизненных событий и внутренних (телесных) процессов, в смысле *знания* о соответствующих явлениях. Тасси и Мюзет, ссылаясь на Босинелли, выделяют три типа такого осознания (*awareness*):

- (1) феноменальный (субъективный) опыт от объекта;
- (2) метасознание или сознание осознаваемых явлений;
- (3) самосознание как осознание самого себя.

Но в этом случае, на наш взгляд, значение «*awareness*» сближается со значением «*consciousness*», которые, как отмечают Тасси и Мюзет, также не дифференцируются в таких языках, как французский, итальянский или испанский.

Чтобы избежать путаницы, считает Чалмерс, нужно сохранить за термином «*consciousness*» значение феномена (явления), опыта («*phenomena of experience*»), используя менее нагруженный термин «*awareness*» для более «открытого» (известного, объясненного) феномена, понимаемого Чалмерсом как функциональность. Однако в большинстве работ разных авторов выделенные понятия используются как синонимы.

Функциональность, по Чалмерсу, в конечном счете, сводится к способности к словесному отчету о внутренней информации; восприятию информации из окружения и способности использовать ее для управления поведением соответствующим способом.

Обсуждая распространенный способ объяснения той или иной функции (механизма), Чалмерс называет его редукционистским. Например, для объяснения *учения*, необходимо объяснить, как системы поведенческих способностей модифицируются в «свете» информации из окружения и объяснить способы, которыми новая информация может быть получена для поддержания адаптации, приспособленности действий системы к ее окружению. Если мы показываем, как нейронный или когнитивный («вычислительный») механизм делает это, то тем самым объясняем учение; то же мы можем сказать и о других когнитивных явлениях (перцепция, память, язык).

Согласно Чалмерсу, этот тип объяснения не годится для случая сознаваемого опыта. То, что делает проблему трудной, выходит далеко за пределы представления о функциях. Даже в тех случаях, когда мы объясняем действие когнитивных и поведенческих функций в приближении к опыту сознания (перцепция, категоризация, словесный отчет), то все еще остается невыясненный вопрос: «Почему осуществление этих функций сопровождается осознанием?» Простое функциональное объяснение оставляет этот вопрос открытым.

По Чалмерсу, ключевой вопрос проблемы сознания — это вопрос о том, почему информационные процессы различения, обобщения и т.д. не свободны от внутренней чувствительности (субъективный опыт, переживание, сознание)? Отсутствие ответа обозначается как «объяснительный пробел» между функциями и опытом сознания; необходим «объяснительный мост», материалы для которого еще предстоит найти. Согласно Чалмерсу, для объяснения сознания необходим новый подход. Обычные объяснительные методы когнитивной науки и нейронауки недостаточны. Из множества исследований по проблеме сознания в рамках когнитивной и нейронауки Чалмерс выделяет работы Крика и Коча (Crick, Koch, 1994, 2004) по «нейробиологической теории сознания». Эта теория основана на эффектах нейронных мозговых осцилляций церебрального кортекса в частотном диапазоне 35–75 Гц. Авторы предполагают, что эти осцилляции и есть основа сознания. Но, как отмечает Чалмерс, существует возражение: не имеют ли осцилляции места и в процессах бессознательной переработки информации. В любом случае остается вопрос: «Почему осцилляции вызывают сознание?»

Чалмерс анализирует также когнитивную теорию сознания Баарса. Но и эта теория, как считает Чалмерс, не объясняет, почему информация из «глобального рабочего пространства» (Global Workspace) создается.

Аналогичный упрек Чалмерса к теории «нейронного дарвинизма» (Neural Darwinism) Эдельмана заключается также в отсутствии ответа на вопрос «почему?».

Модель Деннетта, теория Джакендоффа, по мнению Чалмерса, также не отвечают на этот вопрос.

Последовательно рассматривая различные возможные способы объяснения сознания, используемые в когнитивной науке и в нейронауке (Crick, Koch, Eckhorn, Edelman, Dannet, Jackendoff, Allport, Wilkes, Clark, Hardin), Чалмерс приходит к выводу, что обычное рассмотрение не дает возможности ответить на вопросы «Почему?» и «Как?» в объяснении возникновения сознаваемого опыта. Для ответа на эти вопросы, по мнению Чалмерса необходим дополнительный момент в составной части объяснения. Недостатка в таких сверхмоментах нет. Некоторые полагают, что это «инъекция хаоса» и нелинейная динамика в квантовой механике; другие видят ключ в неалгоритмичных процессах; третьи уповают на будущие открытия в нейрофизиологии.

Оценивая редукционистские методы (методы объяснения высокоуровневых явлений целиком в терминах фундаментальных физических процессов), Чалмерс заключает, что они хорошо работают во многих областях научного знания, так как то, что объясняется в этих областях, — это структуры и функции, которые являются следствием физического устройства. Когда они используются для объяснения «надструктурных» и «надфункциональных» образований, то эти методы бессильны для нефизических структур и функций. Чалмерс предлагает следующее нередукционистское объяснение. По аналогии с физической наукой, в которой существует несколько базовых характеристик (масса, пространство, время), не объясняемых более простыми сущностями (когда физикам не удалось объяснить электромагнитные волны как механические явления, они постулировали также электромагнитные явления как фундаментальную характеристику), Чалмерс полагает, что нередукционистская теория принимает сознание в качестве фундаментальной характеристики окружающего мира в известном ряду: масса, заряд, пространство-время.

Известно, что, где фундаментальное свойство, там и фундаментальные законы. Нередукционистская теория сознания дополняет новыми принципами совместимость основных законов природы,

тем самым делая возможным объяснение сознания. Конечно, признает Чалмерс, мы не получаем и в этом случае ответа на вопрос «Почему?» Но это аналогично любой фундаментальной теории. Ничто в физике не говорит о том, почему материя первична, но мы не рассматриваем это как аргумент против теории вещества, которая может объяснить все типы материальных явлений, показывая, как они выводятся из базовых законов. То же может быть для сознаваемого опыта, считает Чалмерс. Такая позиция определяется им как разновидность дуализма. Но это безвредная версия дуализма, всецело совместимая с научным мировоззрением. Такой подход не противоречит физической теории; нам просто необходимы дальнейшие соединительные принципы для объяснения того, как сознание возникает из физических процессов. В такой теории нет ничего мистического. Такую позицию Чалмерс называет «естественным (научным) дуализмом».

Если эта точка зрения верна, то теория сознания должна иметь больше общего с теорией в физике, нежели в биологии. Биологические теории не содержат подобных фундаментальных принципов, поэтому биологическая теория отличается определенной комплексностью и не вполне упорядочена. Физические теории, имея дело с фундаментальными принципами, стремятся к простоте и элегантности.

Нередукционистская теория сознания включает психофизические принципы, *связывающие свойства физических процессов со свойствами психического опыта*. Чалмерс рассматривает в качестве таковых следующие:

1. *Принцип структурной когерентности*. Это принцип связи (согласованности) между *структурой сознания* (*consciousness*) и *структурой процессов*, находящихся в когнитивном основании субъективного опыта (*awareness*). Согласно Чалмерсу, содержание «*awareness*» — это содержание прямо доступное (достижимое) и потенциально отчетное (*reportable*), т.е. осознаваемое в системе, использующей язык. Таким образом, *awareness* — это чисто функциональное понятие, но тем не менее оно тесно связано с сознанием. В известных случаях, где мы находим сознание и «*awareness*» (там, где есть сознаваемый опыт), там есть и некоторая соответствующая информация в когнитивной системе, которая может быть в распоряжении контроля за поведением и в доступе для отчета. Напротив, когда информация в наличии для отчета и полного контроля, там есть и соответствующий сознаваемый опыт. Таким образом, имеется прямое соответствие между *consciousness* и *awareness*. Это

соответствие может быть распространено далее. Центральный факт переживаемого опыта — это его сложная (комплексная) структура. Существуют также отношения сходства и различия между переживаниями (тем или иным опытом) и отношения в пределах относительной интенсивности. Каждый из предметов опыта (experience) может быть частично охарактеризован и разложен на составные части в терминах этих структурных свойств: сходство и различие отношений, воспринимаемое положение, относительная интенсивность, геометрическая структура и т.д. Центральным фактом является также то, что для каждой из этих структурных характеристик существует соответствующая характеристика в информационно-процессуальной структуре «awareness».

В качестве примера рассматривается явление цветоощущение. Для каждого различия между цветовым опытом есть соответствующее различие в процессе. Различные феноменальные цвета, которые мы ощущаем, формируют комплекс — трехмерное пространство, основанное на различиях по оттенку (цветовой тон), насыщенности и интенсивности. Свойства этого пространства могут быть получены также из информационно-процессуального рассмотрения: проверка визуальных систем показывает, что световые волны различаются и анализируются по трем различным осям, это и есть трехмерная информация, которая релевантна последующему процессу. Трехмерная структура феноменального цветового пространства, таким образом, прямо соответствует трехмерной структуре визуального *awareness*. Аналогично и для других модальностей.

Любая информация, которая сознательно воспринимается, является также когнитивно представленной.

Принцип структурной когерентности оказался весьма полезным в непрямом объяснении субъективного опыта в терминах физических процессов. Например, мы можем использовать факты о нервных процессах визуальной информации для косвенного объяснения структуры цветового пространства. Этот принцип обеспечивает естественное объяснение многих работ по проблеме сознания.

2. *Принцип организационной стабильности.* Этот принцип означает, что любые две системы с одинаковой *функциональной* организацией будут иметь качественно идентичный опыт (experience). Согласно этому принципу, причины появления сознания — не специфический физический продукт системы, а абстрактная модель причинного взаимодействия между компонентами системы. Чалмерс признает, что принцип весьма дискуссионный, и использует мысленный эксперимент для доказательства этого принципа.

3. *Двухаспектная теория информации*. Два предыдущих принципа не носят базового (основополагающего) характера. Они включают понятия высокого уровня: «awareness» и «organization». Далее необходимы базовые принципы. Основной принцип, который Чалмерс предлагает как центральный, включает понятие *информации*, понимаемой в смысле Шеннона. Информационное пространство имеет базовую структуру, образованную различными отношениями между его элементами, характеризующими их сходство и различие. Информационное пространство — это абстрактный объект, но, следуя Шеннону, мы можем рассматривать информацию как физически встроенную, когда имеется пространство различных физических состояний, различие между которыми может передаваться некоторыми причинными путями (causal pathway). Состояние, которое передается, можно рассматривать как самоконструирующее в информационном пространстве. Для пояснения Чалмерс заимствует определение Бейтсона (1972): физическая информация — это различие, которое делает различие (a difference that makes a difference). Двухаспектный принцип основан на наблюдении, что существует прямой изоморфизм между определенными физически встроенными информационными пространствами и определенными феноменальными информационными пространствами. Далее Чалмерс предполагает, что информация имеет два основных аспекта — физический и феноменальный, что объясняет появление психического из физического. Психическое появляется благодаря своему статусу одного из аспектов информации, когда другой аспект обнаруживается встроенным в физический процесс. Автор признает умозрительность (предположительность) предлагаемого принципа и множество нерешенных вопросов в связи с этим.

Работы Чалмерса вызвали многочисленные отклики как критического, так и одобрительного характера. Так, известный исследователь проблемы Деннет выступил против идеи Чалмерса «сортировать» проблемы сознания на легкие и трудные, считая, что такой подход уводит внимание исследователей в сторону (Dennett, 1996). Против такого деления выступил также Лоу, который считает, что это иллюзия — думать, что есть легкая проблема, поддающаяся решению при использовании вычислительной (когнитивизм) или нейронной парадигм (Lowe, 1995).

Ходжсон доказывает, что некоторые легкие проблемы сознания не могут быть решены, пока не решены трудные (Hodgson, 1996). Используя систему логически связанных утверждений, Хорст доказывает, что если трудная проблема сознания не может быть решена физикалистски, то и эволюционно она не решается (Horst, 1999).

Сигер, соглашаясь с Чалмерсом в том, что не видит иного решения проблемы объяснения, «как материальные процессы могут порождать сознание», в то же время приходит к выводу, что предположение Чалмерса о сознании как фундаментальной характеристике мира вызывает у него ассоциацию с некоторой формой панпсихизма (Seager, 1995).

Анализируя трудную проблему (почему физические процессы приводят к осознаваемому феноменальному опыту), Миллз приходит к выводу, что теоретическое построение Чалмерса не может помочь в ее решении (Mills, 1996).

Либбет также находит изъяны в теории Чалмерса и, опираясь на собственные экспериментальные исследования мозговых процессов, объясняет сознание как эмерджентное свойство нейронной активности (Libbet, 1996).

Шир считает, что «трудную проблему» необходимо исследовать также систематически, как и явления материи, привлекая, в частности, данные соотнесения психического и физического развития в раннем детстве, а также систему представлений восточной культуры и опыт изучения «чистого сознания» (Shear, 1996).

Варела, подвергая сомнению основное положение Чалмерса, развивает авторский подход, инспирированный стилем феноменологических исследований и названный «нейрофеноменологией» (Varela, 1996).

Кларк критикует взгляд на сознание как на нечто, сопровождающее или продуцируемое состояниями нейронов, нечто выходящее за пределы функционирования когнитивных процессов, реализуемых в мозге. Такая точка зрения создает, по мнению автора, ситуацию «объяснительной дыры» между функцией и феноменологией, которая не может быть преодолена функциональной теорией психики. Он рассматривает гипотезу об идентичности субъективного переживания определенной информации, порождаемой контрольно-поведенческой функцией. Эта гипотеза объясняет, как считает Кларк, изоморфизм между структурой переживания и нейронной организацией, обеспечивая естественное объяснение сознания как относительных свойств информационных состояний, а не отдельной онтологии феноменальных сущностей (Clark, 1995).

Рефлексивная теория сознания

Объединяя множество исследований по проблеме сознания понятием «наука сознания» (The Science of Consciousness), Велманс обстоятельно обсуждает вопросы дефиниции и «местонахождения»

ния» сознания. Он констатирует наличие множества определений и общеупотребительных терминов: «consciousness», «awareness», «conscious awareness» (иногда «phenomenal awareness») как синонимов.

Как отмечает Велманс (Velmans, 1996), в некоторых работах «сознание» (consciousness) употребляется как синоним по отношению к «психике» (mind), что, по мнению автора, слишком расширяет определение сознания, включая в него и бессознательные психические процессы. В других исследованиях сознание признается синонимом самосознания (self-consciousness). Такое определение, считает Велманс, слишком узко, так как человек может сознавать многое другое (людей, внешний мир и т.д.), помимо себя.

В споре дуализм—редукционизм Велманс занимает особую позицию, развивая собственную теорию «рефлексивного» (reflexive consciousness) сознания⁵.

Анализируя позиции дуализма и редукционизма в решении вопроса о локализации сознания, Велманс приходит к выводу о том, что «классические дуалисты и редукционисты, страстно обсуждая вопрос о том, где оно находится,— где-то в мозгу» (Velmans, 1996), вполне солидарны в решении вопроса определения и функций сознания.

Велманс считает вполне редукционистским тезис о том, что научные изыскания приведут к открытию нейронной основы сознания и объяснению явлений сознания в терминах нейронауки и будет показано, что сознание — это не более чем состояние мозга. Возражение Велманса состоит в том, что «причины онтологически не идентичны производимым эффектам», это иллюстрируется на примере явлений электричества и магнетизма (движение провода через магнитное поле вызывает электрический ток, текущий по проводу, но это не значит, что электроток онтологически идентичен движению провода; неверно говорить, если обратить этот эксперимент, что ток, текущий в проводе, онтологически идентичен окружающему провод магнитному полю, возникающему в результате).

По мнению Велманса, почти во всех теориях, касающихся отношения «сознание—мозг», утверждается, что предшествующие нейронные причины, вызывающие данный создаваемый опыт, могут быть в принципе найдены, хотя пока существуют очень разные

⁵ Чтобы избежать путаницы в названиях в связи с производностью прилагательного «рефлексивное» от понятия «рефлексия», имеющего в отечественной психологии вполне сложившееся толкование, мы используем в качестве определяющего слово «рефлексивное», как названное специфическим (по Велмансу) значением.

точки зрения на природу эффекта. Так, «интеракционистский дуализм» допускает два способа причинного взаимодействия сознания с мозгом; по теории эпифеноменализма, состояния мозга вызывают осознаваемый опыт, но не наоборот; а по теории эмерджентного интеракционизма, сознание появляется из мозговой активности, а затем превосходит ту активность, из которой оно произошло.

Предлагаемая Велмансом рефлексивная модель (*reflexive model*), как считает автор, также стимулирует научные исследования нейронных и психологических причин сознаваемого опыта, но только с тех позиций, что ощущение, переживание и т.д. локализуется не в головном мозге, а в точке воздействия (как палец или другой участок тела в случае укола булавкой) посредством механизма, названного Велмансом «перцептуальной проекцией» («*perceptual projection*»). Он считает, что «перцептуальная проекция» — общий механизм работы сознания и в других модальностях (слух, зрение).

«Рефлексивная модель» позволяет определить, как сознание относится к мозгу и к физическому миру, не обращаясь к дуализму и не скатываясь в редукционизм.

Сознание (*experiences*) возникает из «отраженно-возвратного» взаимодействия инициирующего стимула с перцептуальным процессом. Это взаимодействие результируется в сознаваемом феноменальном мире, который включает то, о чем мы обычно думаем как о «физическом мире». То, что мы обычно принимаем как физический мир, есть часть того, что мы сознательно испытываем. Если так, то отпадает необходимость не только решения, но и постановки психофизической проблемы («разделение содержания сознания и воспринимаемого (*experienced*) физического феномена»

Классический путь рассмотрения отношения сознания к мозгу и физическому миру затрудняет возможность превращения сознания в предмет научного изучения. В противоположность физическому событию оно кажется частным, субъективным и рассматриваемым только с позиций «от первого лица». Иной путь — рефлексивная модель, согласно которой внешний феноменальный мир рассматривается как «часть сознания» в большей степени, чем отделенный от него. Согласно Велмансу (*Velmans, 1993*), дуалистическое рассмотрение психического опыта (переживания) как нематериальной субстанции или сущности, не имеющей размерности и местоположения; соответственно, дуалист считает, что изучение сознания выходит за пределы естественных наук. Для редукциониста психический опыт в конечном счете будет объяснен именно как состояния или функции мозга (нейропсихология).

По Велмансу, ни дуализм, ни редукционизм не могут объяснить природу сознания; оба эти учения при всей их исходной противоположности рассматривают психический опыт изолированно от внешнего физического мира.

Согласно рефлексивной модели, воспринимаемый мир (феноменальный мир) — это репрезентация, формируемая органами чувств и перцептивными процессами, развивавшимися в течение человеческой эволюции. Являясь частью сознания, феноменальный мир не может мыслиться как отдельный от сознания.

Заметим, что феноменальный мир, будучи репрезентацией, не может быть вещью самой по себе. Феноменальный мир можно представить как перцептуальную проекцию. Последние работы по виртуальной реальности хорошо демонстрируют это. Виртуальный мир — перцептивная конструкция, основанная на созданных компьютером образах.

Согласно рефлексивной модели, физический мир — это мир как бы воспринимаемый вокруг наших тел.

Феноменальный мир, будучи частью сознания, индивидуален для каждого человека. Ясно, что другой человек не может переживать мою боль или точно так же, как я, воспринимать деревья, горы. Любой психический опыт имеет приватный характер, пока он остается внутренним событием (мысли, мечты и т.д.). И любое описание воспринимаемого человеком предмета или события носит приватный (личный, частный) характер.

Однако, ссылаясь на Дукаше, Велманс отмечает, что некоторые сущности и события являются также «публично перцептуальными», если они одинаково воспринимаются разными людьми. Соответственно, есть нечто общее для всех людей в самой вещи, несмотря на то, что каждый психический опыт приватен, индивидуален, субъективен.

Каждый приватный опыт субъективен как опыт данного наблюдателя. Однажды этот опыт совпадает с тем, что наблюдает другой и, таким образом, становится интересубъективным. Будучи разделяемым большинством людей (группой наблюдателей) он может стать частью базы данных общих оснований науки. Заметим, что интересубъективность в этом смысле не означает отсутствия субъективности.

В рефлексивной модели Велманса (Velmans, 1993) важным понятием является также симметричность и асимметричность «дступа» или «обращения» к психическому опыту.

В типичном психологическом эксперименте испытуемый может по просьбе экспериментатора сосредоточить внимание на некото-

ром опыте (стимул), в то время как экспериментатор перемещает фокус своего внимания с объекта (стимула) на самого испытуемого, например, на телесные изменения испытуемого или на отчет испытуемого о том, что он испытывает. С позиций экспериментатора как «третьего лица», процессы, происходящие в теле или в мозгу, в принципе наблюдаемы.

Испытуемый может предполагать наличие таких процессов, но до тех пор, пока его внимание сфокусировано на стимуле, он не может наблюдать их. Соответственно, доступ экспериментатора и испытуемого *асимметричны* в отношении перцептуальных процессов испытуемого. В этой ситуации различие между позицией «третьего лица» экспериментатора в отношении испытуемого и позицией «первого лица» испытуемого в отношении себя могут быть учтены, включены в рассмотрение. С точки зрения экспериментатора, здесь нет проблемы, так как он имеет доступ к необходимой информации.

В другой ситуации экспериментатор и испытуемый имеют доступ к событию, относящемуся к испытуемому, хотя их доступ остается асимметричным. Испытуемый, к примеру, имеет такой доступ в состоянии инсайта относительно природы своих психологических проблем (чувства и мысли), которые экспериментатор может исследовать, наблюдая поведение или мозговые процессы испытуемого. Как видим, доступ к психическому опыту испытуемого симметричен, но в этом случае испытуемый имеет единоличный доступ к опыту, о котором экспериментатор может только догадываться.

С точки зрения экспериментатора, имеют место методологические трудности, так как информация об испытуемом может быть получена только косвенно, например, из словесных отчетов испытуемого или из других коммуникативных откликов (невербалика).

Таким образом, можно говорить о нередукционистской теории сознания. Феноменальный мир испытуемого не какой-то отделенный от физического мира, так как психический опыт испытуемого и экспериментатора одинаково легитимны. Оба имеют симметричный доступ к некоторым сущностям и событиям и асимметричный — к другим. Точка зрения экспериментатора от «третьего лица», или испытуемого от «первого лица» относительно себя всецело зависит от возможности доступа и того, *что* требует объяснения. Экспериментатор имеет доступ к мозговым процессам и поведению, но испытуемый имеет доступ к своему личному опыту. Полнота психологического описания требует информационной доступности испытуемого в соответствии с информационной доступностью экспериментатора. И если данные психического опыта объединяются

в научную систему знаний, то предварительно они должны быть общими для разных людей, т.е. интерсубъективными и повторяемыми. В этом случае условия для развития науки о сознании не отличаются от условий для естественных наук (Velmans, 1993).

Как видим, теоретическая позиция Велманса, существенно отличаясь от подходов Даннета и Чалмерса, имеет ту общую область с исследовательской линией российских психологов, которая была обозначена нами как «унитарный» подход в исследованиях сознания.

Вместе с тем нельзя не отметить, что рефлексивная модель Велманса, решая проблему сознания в ее самой трудной (по Чалмерсу) части, порождает другую, не менее серьезную проблему определения генерирующих факторов сознания как в глобальном психоэволюционном процессе на Земле или, возможно, во Вселенной, так и, в частности, в онтогенетическом плане.

Биологическая установка в решении проблемы сознания

Известный английский философ Серл, пристально наблюдающий за развитием исследований по проблематике сознания, в одной из своих последних публикаций осуществил обзор и критический анализ наиболее представительных концепций сознания в современной англо-американской научной литературе (Searl, 1997).

Сам автор, отвергая как материализм, так и дуализм, в решении проблемы сознания придерживается тезиса, что «сознание — это естественный биологический феномен» (Searl, 1997, p. 13). Поясняя свою позицию, Серл, в частности, отмечает: «Мы не замечаем естественной, биологической характеристики сознания и других психических феноменов в связи с философской традицией, рассматривающей “психическое” и “физическое” как взаимно исключающие категории. Выход заключается в признании непригодности, как дуализма, так и материализма, и принятии сознания как “качественного”, субъективного “психического” феномена и в то же время естественную часть физического мира» (Searl, 1997, p. 14). В этом вопросе Серл предельно последователен, считая, что «мы поймем сознание, когда определим в биологических деталях, как мозг производит его», т.е. «как нейробиологические процессы в мозге вызывают сознание?» (Searl, 1997, p.15). Серл даже утверждает, что сознание есть обычный биологический феномен, сопоставимый с произрастанием, пищеварением или секрецией желчи (Searl, 1997, p. 6).

Биологический подход Серл также иллюстрирует высказыванием Ф. Крика, предполагающего, что «все психические проявления: радость и печаль, память, чувства, стремления и свобода воли — фактически не более чем деятельность необозримого количества ансамблей нейронных сетей и соответствующих молекул» (Searl, 1997, p. 21). В этом плане Серл достаточно оптимистичен. Он считает, что необходимы нейробиологические исследования для точного определения микроуровневых мозговых процессов, обеспечивающих качественные состояния сознания и то, как эти состояния отражены в нейробиологических системах. По мнению Серла, это самый важный вопрос в биологических науках (Searl, 1997, p. 129).

Что касается определения сознания, то у Серла оно носит двойственный характер. Автор дифференцирует «аналитическое» определение сознания, в котором главным образом анализируется сущность феномена, и «общепринятое» определение, апеллирующее к тем состояниям ощущений (чувствительности) и знания об этом (способность отдавать себе отчет), которые обычно появляются, когда мы пробуждаемся от сна, и продолжаются до очередного отхода ко сну или до того, как мы впадаем в кому или умираем, или, другими словами, впадаем в бессознательное состояние (Searl, 1997, p. 5). Согласно Серлу, сознание как таковое не обязательно включает самосознание (Searl, 1997, p. 6), и высшие позвоночные также обладают сознанием (Searl, 1997, p. 5).

Всю проблематику сознания Серл разделяет на четыре подгруппы в соответствии с трудностями, возникающими в процессе их решения. Первая группа трудностей связана с той границей между физической реальностью, описываемой средствами науки и психической реальностью души, выходящей за пределы научного метода, которая сложилась благодаря работам Декарта и Галилея еще в XVII в. Этот дуализм психического и материального в то время был полезен для научных исследований, так как не противоречил религии. Но дуализм стал препятствием в XX в., поскольку, согласно его положениям, сознание и другие психические феномены выводятся за пределы физического мира (Searl, 1997, p. 6).

Вторая трудность связана с привычным заключением, что психика — это свойство мозга, качественно отличное от самого мозга. Отсюда дуализм. Ошибка заключается в унификации причинно-следственных связей в одну: если Б происходит вслед за А, то А является причиной Б, что не всегда так (Searl, 1997, p. 7).

Третьей проблемой для Серла является наличие множества терминологических обозначений понятия сознания (consciousness, awareness, qualia). Вопреки мнению некоторых других авторов Серл

считает ненужным умножать количество терминов, определяющих сознание, так как, по его мнению, все они выражают один и тот же феномен сознания как серии качественно определенных состояний. Суть третьей трудности, помимо терминологии, заключается в неясности до сегодняшнего дня того, как вполне наблюдаемый мозг может производить нечто внутреннее, качественно дифференцируемое в различных состояниях сознания, ощущениях и носящих очень «приватный» характер («Моя боль доступна мне определенным качеством переживания, недоступным другому»). Как может этот приватный субъективный качественный феномен быть вызван обычным физическим процессом типа электрохимических вспышек в синапсах нейронов? Существуют качественно-специфические ощущения для каждого типа состояний сознания и существуют разногласия в том, как наши способы видения в форме субъективных ощущений отражают объективную реальность. Некоторые называют это проблемой «qualia» (качественная специфика восприятия мира унифицированными средствами мозга) (Searl, 1997, p. 8–9).

Четвертая проблема — это стремление использовать компьютерную метафору, соответствующую мнению многих, что мозг — это вычислительное устройство (компьютер), а психика — компьютерная программа. Но любая компьютерная программа — это манипуляция символами, а мы знаем из собственного опыта, что душа (психика) реализует нечто большее, чем манипуляция символами, душа предполагает контекст. Серл отвергает компьютерную (вычислительную) аналогию сознания (Searl, 1997, p. 10).

В качестве пояснения Серл неоднократно приводит пример мысленного эксперимента «Китайская комната», в котором убедительно демонстрируется несводимость такого явления сознания, как понимание (семантический процесс), к манипуляции символами, определяемой как синтаксический процесс. Сознание — это эмерджентное свойство мозга, т.е. такое же системное качество, превосходящее сумму элементов системы, как и свойство воды, не сводящееся к свойствам составляющих воду газов водорода и кислорода (Searl, 1997, p. 18).

Придерживаясь биологической концепции в объяснении сознания, Серл, в то же время резко не приемлет крайний бихевиоризм деннетовского отношения к сознанию. Деннет — единственный из упоминаемых Серлом авторов, кто отрицает существование сознания, и объясняет любой сознаваемый опыт простыми операциями по аналогии со счетной машиной (Searl, 1997, p. 125). Серл отмечает, что Деннет определяет науку таким образом, который исключает возможность научного изучения субъективности (Searl, 1997, p. 114).

Критикуя Деннета, Серл в качестве одного из аргументов использует уже упоминавшийся мысленный эксперимент «Китайская комната». Суть эксперимента в следующем. Представьте, что вы не знаете китайского языка и вас поместили в комнату с большим количеством информации на китайском языке (символы). Вам дают небольшое количество взаимосвязанных китайских символов и правила (программу) действий. Вы можете осуществлять определенные операции с символами согласно программе (правилам) и вернуть результат (ответы на вопросы). Вы выступаете в роли компьютера, выполняющего программу ответа на вопросы на китайском, но невозможно утверждать, что вы понимаете китайские слова (Searl, 1997, p. 11).

Серл считает, что наличие программы (алгоритма) перевода с китайского не означает понимания китайского языка, так как семантика человеческого знания не эквивалентна формальным синтаксическим программам компьютера (Searl, 1997, p. 127). Автор отвергает бихевиористскую логику Деннета, согласно которой система, которая действует так, как будто имеет психическое состояние, должна обладать психикой. Действительно, если компьютер выполняет определенные интеллектуальные операции, следовательно, компьютер обладает сознанием; так как это невозможно, то следует признать, что сознания не существует.

Противоположным полюсом концепции Деннета можно рассматривать теорию Чалмерса. Однако Серл не менее активно критикует и этот подход, основанный на представлении о том, что сознание является нефизической характеристикой мира (Searl, 1997, p. 164). По Чалмерсу, сознание — это нечто дополнительное, но не имманентная часть физического мира. Если физический мир может быть тем же без участия сознания, то сознание не является частью физического мира (Searl, 1997, p. 147). Свое предположение Чалмерс подкрепляет воображаемым экспериментом, в котором система, физически идентичная обычной человеческой вплоть до молекул, за отсутствием лишь состояний сознания, т.е. мир с другими физическими законами, другой мир, в котором законы природы другие, может иметь все физические свойства в целом, но без сознания. Из этого Чалмерс заключает, что сознание не является физическим свойством мира (Searl, 1997, p. 148).

Серл считает объяснения Чалмерса проблемы сознания абсурдными и самым большим абсурдом — идею панпсихизма; главная рекомендация автора — забыть об устаревших картезианских категориях и постоянно напоминать себе, что мозг — такой же биологический орган, как и другие, а сознание вполне биологический

процесс, как пищеварение или фотосинтез. В этом Серл усматривает «корректный подход к решению проблемы» (Searl, 1997, p. 163).

Серл полагает, что Чалмерс использует комбинацию дуализма (физическое и психическое суть две различные субстанции) и функционализма — психические состояния различных «систем», будь то человек, машина или что-то другое, заключаются в физических функциональных состояниях системы; а функциональные состояния определяются в терминах множества причинных связей.

Серл также подвергает сомнению однозначное соответствие функциональной организации мозга и сознания, так как при стабильной функциональной организации могут быть различные проявления сознания и резко критикует широкий информационный подход Чалмерса к проблеме сознания (Searl, 1997, p. 150–151): Чалмерс выделяет два аспекта информации — физический и феноменальный. Серл не принимает трактовки информации Чалмерса как предпосылки сознания, апеллируя к примеру с древесными кольцами, которые информируют о возрасте дерева только того, кто способен воспринять эту информацию (Searl, 1997, p. 176). По мнению Серла, «Чалмерс пытается превратить сознание в “информацию”, которая не имеет специальной связи с мозгом» (Searl, 1997, p.179).

Одинаково отвергая два противоположных концептуальных плана решения проблемы сознания в проектах Деннета и Чалмерса, Серл снова поясняет, что «проблема сознания» — это проблема точного объяснения того, как нейробиологические процессы в мозге *определяют* (cause) наши субъективные состояния сознания (awareness) или чувствительности (sentience), как в деталях (exactly) эти состояния *реализуются* в мозговых процессах и каково (exactly) место *функций* сознания в общей организации функций мозга и всей жизни человека. Серл также считает, что если будет найден ответ на первую часть вопроса, т.е. вопроса о том, что является причиной сознания, то ответить на оставшиеся вопросы будет относительно легче (Searl, 1997, p. 192). Таким образом, Серл увязывает решение проблемы сознания с дальнейшим развитием нейронауки, т.е. с междисциплинарным подходом. В то же время автор явно симпатизирует исследовательской программе Розенфельда, представляющей образец унитарного подхода. Розенфельд, придавая особое значение связи между сознанием и памятью, вводит понятие «телесный образ». Серл иллюстрирует это понятие, проведя реальный эксперимент с читателем (задание: ущипнуть себя в левом предплечье, естественно, вызовет ощущение боли, но в действительности боль появляется в головном мозге, что очевидным образом

доказывают примеры фантомных болей в ампутированных конечностях). Мозг формирует образ тела в целом. И когда мы чувствуем боль или любое другое ощущение в теле, действительное возникновение ощущения реализуется в телесном образе в головном мозге.

Серл поясняет тезис Розенфельда о телесном образе: наше ощущение себя в точности такое же ощущение, затрагивающее телесный образ. Розенфельд называет это «само-референцией» («self-reference») всего сознания. Все наши осознаваемые явления — это «само-референция» в том смысле, что они связаны с опытом самоощущения, который есть то же самое, что и телесный образ. Однородность (coherence) сознания во времени и пространстве также связана с телесным опытом посредством телесного образа, а без памяти эта однородность невозможна (Searl, 1997, p. 183). Согласно Розенфельду, память нужно понимать не как хранилище информации, а как непрерывную активность мозга; память и самоощущение (self) взаимосвязаны и особенно сцеплены с телесным образом.

Серл считает, что предположения Розенфельда о главных основаниях природы сознания, основанные на изучении расстройств сознания, позволяют осуществить наиболее важные применения для будущих исследований, в которых должна доминировать мысль, что опыт нашего собственного тела является главной (центральной) отправной точкой всех форм сознания.

Серл убежден: «теоретическая важность этого утверждения основывается на факте, что любая теория сознания должна принять как факт, что сознание начинается с сознания тела», которое, в свою очередь, взаимосвязано с миром (Searl, 1997, p. 184). Не все сознание — сознание о телесном, но все сознание начинается с опыта ощущений тела посредством телесных образов (Searl, 1997, p. 185).

Подводя предварительный итог обзору работ по проблеме сознания в зарубежной психологии, отметим наиболее заметные различия в разработке проблемы.

Если в российской психологии исследовательское внимание концентрируется главным образом на вопросах определения, эволюции и структуры сознания, то в зарубежной науке на так называемой «трудной проблеме сознания», т.е. на вопросах: «Почему появляется сознание и как оно связано с физическим миром?» (B. Baars, D. Chalmers, D. Dennett, J. Searle, J. Shear, F. Varela, M. Velmans и др.), достаточно разработанных в российской психологии с философских позиций диалектического и исторического материализма.

В целом, определяя состояние зарубежных исследований по проблеме сознания, можно констатировать, что сформировано общее проблемное поле с множеством активных участников, пред-

ставляющих различные центры изучения сознания и периодически выступающих на симпозиумах, научных форумах и конференциях по данной проблеме. Другим важным моментом является существование ряда периодических журналов по проблеме сознания («Science & Consciousness», «Journal of Consciousness Studies» и др.).

Вместе с тем само пространство исследований еще не приобрело общепринятой структуры не просто взаимосвязанных областей, но органично взаимообусловленных. По количеству исследований наиболее полно представлены нейронаучная, феноменологическая и когнитивная области, значительно менее — области, связанные с исследованиями по искусственному интеллекту, нарушениям и расстройствам сознания и др. Интегративные теории носят либо глобалистический (космический) характер (Wilber), либо арифметически объединяют различные языки, фактологию, закономерности в едином описании, как, например, в теории «глобального рабочего пространства» Б. Баарса (Baars), моделирующей когнитивные функции в нейробиологических структурах. Отдельного обсуждения заслуживает вопрос об использовании метафор и метафорического мышления в исследованиях сознания⁶. На этом акцентирует внимание и автор концепции «глобального рабочего пространства», использующий метафору театра в объяснении работы мозга и метафору прожектора (светлого пятна) в проявлениях сознания. Менее метафоричный поиск (если не относить к метафоре используемое Е.Н. Соколовым понятие «нейронов сознания») независимо от Б. Баарса был предпринят Е.Н. Соколовым и завершен в «сферической модели субъективных процессов, интегрирующей психофизические и нейрональные уровни» (Соколов, 2007).

Встречаются крайние точки зрения: от традиционного феноменологизма до рудиментарного биологизма. В то же время крайне мало социологических и культурно-исторических (кросс-культурных) работ по данной проблеме. Отдельного «упрека» заслуживает психотерапевтическая «лакуна» как в проблемном поле, так и в пространстве исследований, за исключением психоанализа, представленного скорее в теоретико-методологическом аспекте. Современные психопрактики и психотехнологии, в том числе и манипулятивного характера, психотерапевтические системы (гештальттерапия, психосинтез и др.) могли бы, на наш взгляд, в случае их теоретического осмысления в контексте проблемы сознания, определить дополнительные ресурсы ее решения.

⁶ По мнению В.И. Молчанова, метафора потока («поток сознания») принесла больше вреда, чем пользы (Молчанов, 2007, с. 16).

Обращаясь к отечественным исследованиям по проблеме сознания и выделяя наиболее основательно проработанные — психосемантическую концепцию В.Ф. Петренко и психологику В.М. Аллахвердова, обнаруживаем также существенные различия в языке (понятийном аппарате), привлекаемой фактологии, выявленных законах и закономерностях. Можно ли предположить на основании этих различий, что концепции В.Ф. Петренко и В.М. Аллахвердова моделируют различные реальности сознания, семантическую в одном случае и логическую в другом, как биологическую с точки зрения Серла и рефлексивную М. Велманса? Если мы понимаем, о чем идет речь, то включение фактора коммуникации может обеспечить обретение «реципиентом» того же смысла (эмоционально-действенная составляющая научного познания), что и у «коммуникатора» (автора). В таком контексте это будет совместное, консолидированное знание и соответствующее осознание реальности. В противном случае реальность, переживаемая индивидом, не *вполне* осознана и он, возможно, находится на пути конструирования своей модели, что вполне соответствует включению фактора инстаурации — свободы в выборе, в творчестве (продуктивное мышление), созидании (нешаблонное конструирование).

Исследовательский агностицизм и объяснительная провидентность К. Ясперса

С именем выдающегося психиатра, психолога и философа К. Ясперса связано множество работ, посвящений, интерпретаторских изысканий. Значительно меньше, а в хрестоматийном плане — практически ничего не сказано о научно-психологическом наследии К. Ясперса.

Современного психолога не могут не привлекать работы Ясперса, прежде всего, в силу острой актуальности методологических вопросов психологии, которые обстоятельно обсуждаются и решаются им, включая выходящую на первый план проблему сознания. Не менее привлекателен для психологов и размах исследовательской мысли Ясперса, охватывающей как проблематику индивидуального бытия в его инверсированной от нормы форме, так и историческое бытие человечества («осевое время» и др. вопросы). Наконец, в работах Ясперса можно найти и уникальные по психологической постановке, даже в масштабном исследовательском пространстве научной психологии, изыскания, например, по проявлениям ностальгии.

Методологическая позиция Ясперса, условно обозначенная нами как «исследовательский агностицизм» (условно в том плане, что она, как выяснится далее, не носит абсолютного характера), не совпадает ни с одной из целого спектра обсуждаемых в последнее время (А.В. Юревич, В.А. Мазилев и др.).

Ясперс считает, что теоретическая основа в психологии и психопатологии возможна разве что на правах «спекулятивной конструкции, выдвинутой тем или иным исследователем» (Ясперс, 1997, с. 43), так как, «пытаясь свести психическую жизнь к нескольким универсальным началам или всесторонне объяснить ее на основе ограниченного числа четко сформулированных законов, мы предаемся совершенно бесплодному занятию» (там же). Поясняя свою позицию, Ясперс отмечает: «Наши методы не ведут к открытию каких бы то ни было фундаментальных начал, механизмов или законов, предназначенных для объяснения психической жизни; они лишь выводят на определенные пути, двигаясь по которым, мы получаем возможность познать некоторые ее аспекты. С нашей точки зрения, психическая жизнь — это бесконечное целое, совершенно не поддающееся систематизации. Ее можно сравнить с морем: независимо от того, плывем ли мы вдоль берега или уходим в открытое море, мы лишь скользим по поверхности» (там же). Это «не явление природы, аналогичное биологическим процессам, и вообще не предметно-постигаемое, не субстанциональное явление, а всеобъемлющее, внутри которого мы осуществляем наше познание, но которое мы не познаем. Тайна мировой истории, тайна, которую мы углубляем, но не раскрываем и при осмыслении которой мы не должны полностью подчиняться чему-то мыслимому в качестве мнимо необходимого, если не хотим отказаться не только от открытости наших познавательных возможностей, но и от свободы нашей сущности и воли, нашего выбора и решения» (Ясперс, 1994, с. 152).

Ясперс считает бессодержательной проблематику, «которая, следуя преходящей моде, «стравливает» друг с другом различные методологические подходы» (Ясперс, 1997, с. 203) и выступает резко против абсолютизации как принципа единства психического и физического (душа и тело), так и против картезианского дуализма до получения достаточных эмпирических оснований (там же, с. 278–280). Он также отвергает «любую попытку гипотетического представления души в виде какой-то системы локализаций в мозгу», что, по мысли Ясперса, равносильно «абсолютизации происходящих в мозгу событий, возведения их в ранг истинной субстанции человека, отождествлению “человеческого” с “мозговым”» (там же,

с. 600). Принципиальное отличие человека от любого другого объекта во Вселенной Ясперс усматривает в наличии у него свободы, поэтому «мы можем систематизировать методы изучения «человеческого», но нам не дано создать его всеобъемлющую схему» (там же, с. 895). Такая позиция соответствует основному тезису Ясперса о «незавершенности человека»; «природа человека *незавершенна* или фрагментарна» (там же, с. 908), так как «человек всегда *больше того*, что он знает и *может знать о себе*; он больше того, что знает или может знать о нем кто-либо иной» (там же, с. 916); «никогда нельзя подвести окончательный итог и полностью понять как человека вообще, так и отдельного человека» (Ясперс, 1994, с. 448).

Логическим основанием такой позиции является представление о человеке как открытой системе, «его ничто не принуждает строить свою жизнь по заданной модели; человек наделен пластичностью и способен бесконечно меняться... он всецело зависит от собственного свободного выбора» (Ясперс, 1997, с. 909).

Необходимо отметить, что и в определении методов изучения человека у Ясперса особая позиция: помимо научного исследования, он полагает возможным и необходимым также философское озарение (прозрение). В психологии и психопатологии, отмечает Ясперс, «трудно обойтись без оценочных суждений, которые часто оказываются выражением тех или иных глубинных философских воззрений» (там же, с. 42). Вместе с тем Ясперс отчетливо видит плюсы и минусы такого прозрения: «всякий раз, пытаюсь постичь смысл, мы исходим из чего-то такого, что уже присутствует в нашем сознании и сообщает нашим усилиям направленность и форму. Речь идет о предрассудках и предпосылках. *Предрассудки* искажают наше видение вещей; *предпосылки* же помогают осмыслить наблюдаемые явления и связи» (там же, с. 41).

Ясперс относит к тому, что «искажает наше видение вещей» в попытках постижения смысла, следующие предрассудки:

1 *философские предрассудки* (= дедуктивное мышление = понимание и объяснение без привлечения опытных методов проверки = «туманные теоретические построения»);

2 *теоретические предрассудки* (сциентизм);

3 *соматические предрассудки* (биологизация);

4 «*психологистические*» и «*интеллектуалистические*» *предрассудки* (= перевести в понимание и объяснение = морализаторство). Комментируя этот «предрассудок», Ясперс пишет: «Широкое распространение получила тенденция усматривать “осознанную причинность” в любой человеческой деятельности. Но на деле рациональное поведение играет в действиях людей очень незначительную

роль. Иррациональные порывы и эмоциональные состояния, как правило, превалируют даже в тех случаях, когда индивид пытается убедить себя в чисто логической мотивировке собственных действий» (Ясперс, 1997, с. 45).

5 склонность к ложным аналогиям (уподобления и символы, язык образов, метафоры);

6 медицинские предрассудки, связанные с количественными оценками, объективными наблюдениями и диагностикой.

Скептически оцененная Ясперсом «предрассудочность познавательной деятельности в психологии не препятствует рассмотрению сопряженных проявлений физического и психического как доступного исследованию факта» (там же, с. 279). Здесь следует отметить особую позицию Ясперса, активно выступающего против абсолютизации психосоматической проблемы. Не разделяя ни материалистического единства, ни идеалистического абсолютизма, Ясперс отвергает и декартовский дуализм. Проблема взаимоотношения тела и души, считает Ясперс, «имеет значение только для тех областей исследования, в которых единство этих двух начал утверждается в качестве первичного объекта или для их разделения предусматривается методически ясная форма. Помимо этого существует великое множество областей, для которых ни разделение, ни единство не представляют проблемы, ибо не имеют никакого касательства к теме исследования — реалиям человеческой жизни, никак не пересекающимся с вопросом о соотношении обеих субстанций» (там же, с. 281). К таким областям, в частности, Ясперс относит поведение, осуществление способностей, творчество, историю жизни личности и т.д.

Принципиально важным, но в другом контексте («эпохальное сознание», «сознание конца»), является положение Ясперса о том, что «человек, для того чтобы остаться человеком, должен пройти через осознание» (Ясперс, 1994, с. 376).

Тема сознания оставалась главной на всех этапах творческой деятельности Ясперса; он одним из первых отметил парадоксальность самоочевидности и одновременно загадочности сознания (Ясперс, 1997, с. 129). Дialeктизм не отвергался Ясперсом и, видимо, определял некоторые основания для раскрытия тайны сознания. Характерно следующее высказывание: «Для объяснения психической жизни мы должны работать с механизмами, внешними по отношению к сознанию...» (там же, с. 35). Возможно, что одним из таких механизмов, по Ясперсу, является сопротивление, с которым человек сталкивается в окружающем мире, сопротивление, которое предоставляет человеку «широкое поле реального, простирающееся

от конкретности осязаемых предметов до восприятия значений в вещах, поведении и реакциях людей». Отсюда, по Ясперсу, приходит осознание реальности. Более того, «реально то, что *оказывает нам сопротивление...*» (там же, с. 130). Нельзя не отметить, что в последние годы эта идея находит интересное теоретико-эмпирическое воплощение в работах Р.Х. Шакурова (Шакуров, 2003).

Другим заслуживающим особого внимания процессом в теоретической системе Ясперса является *дифференциация* психического опыта, переживаний. По мнению Ясперса, «рост дифференциации приводит к большей ясности и осознанности», более того, «анализ высококодифференцированной психической жизни позволяет осветить более низкие уровни развития...» (Ясперс, 1997, с. 39–40). В связи с этим отметим, что большое значение явлению дифференциации придает в цикле своих исследований Н.И. Чуприкова (Чуприкова, 1999).

Несомненно, что уровень дифференциации взаимосвязан с уровнем психического развития не только в онтогенетическом и социально-историческом планах, но и в научно-исследовательском. Последнее отчетливо сформулировано Ясперсом: «Мы тем яснее познаем психическую действительность, чем выше уровень ее развития» (Ясперс, 1997, с. 38). Поэтому путь к раскрытию тайны психики лежит через разрешение загадки сознания.

Ясперс определяет три значения термина «сознание». Первое — осознание собственных переживаний в противоположность потере сознания и всему тому, что пребывает за пределами сознания.

Второе значение определяется осознанием объектов (предметное сознание), знанием о чем-то предметном и внешнем в противоположность неосознанным субъективным переживаниям, в рамках которых Я и объект пребывают во все еще недифференцированном состоянии.

Третье значение включает самосознание, осознание личностью собственного Я в противоположность бессознательному, в рамках которого субъект и объект переживаются как отдельные сущности, но личность не осознает различия между ними сколько-нибудь отчетливо (Ясперс, 1997, с. 34).

Такая категоризация значений сознания может быть интерпретирована как уровневая градация сознания, отчасти совпадающая с тремя уровнями из шести предложенных в 1888 г. В.М. Бехтеревым (Бехтерев, 1888).

Описание феноменов сознания, по Ясперсу, может опираться на следующую дифференциацию «совокупности отношений»:

- переживание времени и пространства;
- осознание собственной телесности и окружающей действительности;
- множество вариаций соотношения чувств и влечений (Ясперс, 1997, с. 91).

Ясперс выделяет мышление и волю среди других феноменов психической жизни по признаку непосредственности-опосредованности переживания. Эти феномены, как считает Ясперс, обусловлены более первичным и фундаментальным феноменом рефлексии («обращение переживания вспять, на себя и на свое содержание»), без которого аналитическое мышление и целенаправленная воля невозможны (Ясперс, 1997, с. 91). Как отмечает Ясперс, «вместе с рефлексией начинается опосредующее вмешательство в любое непосредственное переживание», т.е. «новое измерение переживания» (там же, с. 170). Переживание, по-видимому, выступает критерием психического, или сознания в широком значении. Ясперс дифференцирует события, в действительности пережитые личностью, но оставшиеся незамеченными, и события, происходившие за пределами сознания и, значит, не пережитые (события соматической сферы). «Первые могут быть замечены при определенных условиях и, таким образом, доказать свою реальность. Вторые же никогда не могут быть замечены по определению» (там же, с. 35).

В связи с этим весьма любопытна трактовка Ясперсом категории «бессознательное». В многообразии значений этого термина Ясперс выделяет четыре группы определений. К первой группе относятся определения, затрагивающие «прошлое» сознания, по определению Ясперса, «производное от сознания»:

- некогда осознававшееся, затем ставшее автоматическим, т.е. неосознанным;
- забытый опыт, не утративший своей действенности (комплексы, остаточные аффекты);
- воспоминания, готовые «всплыть на поверхность» памяти (там же, с. 36).

Во вторую группу Ясперс включает определения бессознательного, обусловленного недостатком внимания:

- незамеченное переживание;
- непреднамеренно выявляемое;
- ускользающее из памяти;
- необъективированное и, соответственно, невербализуемое.

Еще одна группа определений бессознательного может быть обозначена, по Ясперсу, как *сила, первоисточник*, определяющий творческое или жизненное начало; все устремления, озарения, импульсы, творческое воображение, а также «убежище» или защиту.

В четвертой группе объединены «бытие» или смысл бытия (там же, с. 36).

Сопоставляя выделенные Ясперсом группы определений *бессознательного* с предложенными им же тремя составными частями определения *сознания*: «действительный опыт внутренней психической жизни»; «дихотомия субъекта и объекта» («субъект преднамеренно “направляет себя”, свое внимания на объект своего восприятия, воображения или мышления»); «знание собственного сознательного Я» (там же, с. 178), обнаруживаем не только количественное, но и содержательное несоответствие, если сознание и бессознательное трактовать как пару противоположных понятий⁷.

Любопытно отметить, что Ясперс не включает нарушения сознания в проблематику бессознательного. Вместе с тем определяя нарушения сознания как «утрату осознания того, что те или иные проявления психического принадлежат именно “мне”, — между тем, как в норме такое осознание сопровождает любое событие психической жизни» (там же, с. 170), он косвенно обозначает и эту проблему. Сложность соотношения сознательного и бессознательного прямо определена и в суждении Ясперса о том, что «в терминах одного только сознания невозможно понять ни действие волевого акта на органы движения, ни действие внимания на последовательность мыслей, ни действие мыслительного акта на языковую игру» (там же, с. 201). В этом контексте понятно вводимое Ясперсом «понятие внесознательного механизма» (там же, с. 445), разработанное в цикле теоретико-экспериментальных исследований В.М. Аллахвердова, А.Ю. Агафонова и др., и оценка значимости бессознательного лишь постольку, «поскольку оно получает определенный образ в сознании и тем самым перестает быть бессознательным» (Ясперс, 1994, с. 279).

Противопоставляя сознание Я предметному сознанию, Ясперс выделяет различные типы сознания Я, т.е. «способы, посредством которых Я осознает само себя» (Ясперс, 1997, с. 159). Это следующие четыре типа:

7 Несовпадение предметных областей значений каждого из членов антонимичной пары понятий «сознание–бессознательное» с инверсированным содержанием другого члена пары показано также в обзоре отечественных исследований по проблеме сознания (см. далее).

- осознание себя в качестве активного существа (чувство деятельности);
- осознание собственного единства;
- осознание собственной идентичности;
- осознание того, что Я отлично от остального мира, от всего, что не является Я.

Психологию личностного мира Ясперс рассматривает в двух аспектах — *смысловом и действенном*. Первый, смысловой аспект, предполагает постижение объективного смысла, рационального содержания, т.е. осознание цели. Сюда же Ясперс включает эстетическое отношение.

Рассматривая объективированные смыслы, Ясперс подразделяет их на *«действия в окружающем мире и порождения чисто духовного творчества»* (там же, с. 337).

Важнейшим метасмысловым образованием в психологии и в других гуманитарных науках, согласно Ясперсу, выступает **категория свободы**. «Почти все, к чему стремятся люди, совершается во имя свободы. Во имя свободы они становятся даже на путь рабства. Возможность силою свободного решения отказаться от свободы представляется иным высшей свободой. Свобода порождает энтузиазм, но свобода порождает и страх. Иногда даже создается впечатление, что люди совсем не хотят свободы, более того, стремятся избежать самой возможности свободы» (Ясперс, 1994, с. 166); может быть, потому, что «свобода человека неотделима от осознания *конечности человека*» (там же, с. 450).

Как отмечает Ясперс, «свобода — не предмет научного исследования... но свобода, данная в личном опыте, вызывает к философскому озарению»; и далее: «...Свобода формально присутствует во всем, что доступно пониманию. Всякий раз, когда я что-либо понимаю, я допускаю существование свободы. Радикальное отрицание свободы неизбежно привело бы к отказу от понимания, так как, познавая себя, человек перестает быть “просто” собой; познание себя оказывает преобразующее воздействие на человека, который в связи с этим понимает, что, овладев свободой, можно изменить собственное бытие, так как все “эмпирическое бытие” человека следует понимать в связи с его (человека) свободой; и само бытие служит либо свободе, либо ее ограничению» (Ясперс, 1997, с. 902).

Ясперс определяет двустороннюю сущность свободы как «преодоление внешнего» и «преодоление собственного произвола», и в силу этого «притязание на свободу означает желание действовать не по произволу или из слепого повиновения, а в результате понимания», так как «каждое мнение правомочно, поскольку

кто-нибудь его защищает. Однако мнение еще не есть понимание. И свобода требует преодоления того, что есть просто мнение» (Ясперс, 1994, с. 167). В связи с этим Ясперс отмечает: «Свобода требует двоякого: глубины человеческой коммуникации между сущими в своей самости единичными людьми и сознательной деятельности во имя свободы общественных условий посредством совместного понимания и формирования воли». Подлинная свобода, по Ясперсу, осознает свои границы при том, что содержание свободы «открывается в жизни, *преисполненной полярностей и противоречий*» (там же, с. 168). «Свобода теряется там, где от полярностей отказываются в пользу ограниченности, будь то в общественном устройстве, которое забывает о своих собственных границах, будь то в крайностях, пристрастно отрицающих это устройство, будь то в каком-либо одном полюсе, который рассматривает себя как целое» (там же, с. 168).

Продолжая эту диалектическую линию рассуждений, Ясперс связывает свободу со способностью принятия решения, но при этом, «принимая решение, человек берет на себя выбранную им тем самым несвободу. Отказавшись от различных возможностей, он свободно осуществляет свое решение, но при этом ограничивает себя. Посредством этого осуществления свобода получает содержание, но получает его на пути к несвободе» (там же, с. 169). Весьма важным представляется противопоставление Ясперсом «негативной свободы», когда «человек сохраняет сферу своего произвола», и «позитивной свободы, гарантированной правом на негативную свободу». Лишь при этом последнем условии, считает Ясперс, «обретает смысл тезис: человек свободен в той мере, в какой он видит свободу вокруг себя, т.е. в той мере, в какой свободны все» (там же, с. 173). Механизмом такого осуществления свободы, согласно Ясперсу, является открытая, ничем не ограниченная *дискуссия* (там же, с. 175).

Как утверждает П.П. Гайденко, **тема общения или коммуникации** проходит красной нитью через все творчество Ясперса (Гайденко, 1994, с. 10), причем, речь идет об «экзистенциальной коммуникации» в трактовке экзистенции как свободы. Общение, экзистенция и свобода удивительным образом объединены у Ясперса. Он пишет: «Мы распознаем в себе некий элемент, которого не можем узнать, обнаружить или испытать иначе, как в общении с другими людьми. Этот элемент не познается рационально; и все же мы не можем не ощутить его самым непосредственным образом, когда исследуем человека во всей его специфической непредсказуемости, «неупорядоченности», со всеми его многооб-

разными отклонениями, когда пытаемся понять другого по возможности точно и объективно» (Ясперс, 1997, с. 901). Искать истину, по Ясперсу, означает постоянно быть готовым к коммуникации и ждать этой готовности от других, привести людей к свободе — значит привести их в такое состояние, когда они будут в разговоре открываться друг другу. Истина рождается лишь в полной обоюдной открытости и борьба за истину в условиях свободы есть борение любви (Ясперс, 1994, с. 170), а «свобода — это разум безграничной открытости» (там же, с. 168), или, по-видимому, то, что Ясперс называет «подлинной коммуникацией», которая есть нечто большее, чем простое соприкосновение, договоренность, симпатия, общность интересов и развлечений (там же, с. 231). В этом контексте понятен тезис Ясперса о том, что «разум становится безграничной волей к коммуникации» (там же, с. 507).

Характеризуя «эпохальное» сознание, Ясперс отмечает, что «распространилось сознание того, что все стало несостоятельным; нет ничего, что не вызывало бы сомнения, ничто подлинное не подтверждается; существует лишь бесконечный круговорот состояний во взаимном обмане и самообмане посредством идеологий. *Сознание эпохи отдаляется от всякого бытия и заменяется только самим собой*» (там же, с. 296). В связи с этим, согласно Ясперсу, основной вопрос времени сводится к тому, «возможен ли еще независимый человек, сам определяющий свою судьбу. Под вопрос вообще поставлено, *может ли человек быть свободным*; это вопрос, который, будучи действительно понят, сам снимает себя, ибо с действительным пониманием ставит такой вопрос только тот, кто может быть свободным» (там же, с. 417).

Переходя от философского знания к научному, Ясперс заключает: «Каждое знание о человеке, будучи абсолютизировано в мнимое знание о человеке в целом, ведет к исчезновению его свободы» (там же, с. 448). Можно предположить, что доверие к научному знанию, согласно мысли Ясперса, обусловлено существенным дополнением этого знания философским знанием (созерцанием, прозрением, основанном на философской вере, в том числе и вере в свободу, являющейся «решающим признаком свободного состояния»). С этих позиций, кризис науки, по Ясперсу,— «это кризис людей, который охватил их, когда они утратили подлинность безусловного желания знать» (там же, с. 372), т.е. «кризис науки состоит... не в границах умения, а в сознаниях смысла», в искажении смысла науки (там же, с. 370). Это может быть вызвано тем, что «мир бездонен. Однако человек находит в себе то, чего он не находит нигде в мире,— нечто непознаваемое, недоказуемое, всегда непредметное,

нечто ускользающее от всякой исследовательской науки: свободу и то, что с ней связано» (там же, с. 449).

Вместе с тем, согласно Ясперсу, «в свободе заключены истоки наших действий и сознания нашего бытия» (там же, с. 449) и «постольку, поскольку мы исследуем себя, мы уже не видим свободу, а видим образ, связь, каузальную необходимость. Созаем же мы наше человеческое бытие из нашей свободы» (там же, с. 449).

2.1 ДЕФИНИЦИИ СОЗНАНИЯ

Определение сознания представляет не только научную проблему, но и весьма важную прикладную, практическую задачу, в частности, в таких сферах социальной жизни, как правовая регламентация (вменяемость, степень осознания и т.д.); детство, старение, болезнь (сознательность); образование, организационное управление, менеджмент и т.д. (полнота осознания), межличностное взаимодействие, психотерапия (самосознание, саморегуляция) и др. Унитарность и междисциплинарность подходов, не всегда надежно рефлекслируемых, со всей очевидностью проявляется в различных дефинициях сознания, во многих из которых трудно выделить качественную специфику, сущностную характеристику сознания.

Междисциплинарный план дефиниций сознания, помимо хрестоматийного определения советской психологии, основанного на философской теории отражения, наиболее содержательно представлен в работах Д.И. Дубровского. Автор трактует психические процессы как информационные, осуществляемые головным мозгом. Через понятие информации осуществляется объяснение в едином концептуальном плане свойств «содержания» информации и свойств ее материального носителя, свойств ее кодовой организации (пространственные, энергетические и другие физические характеристики), что соотносится с феноменом сознания, с «содержательным» описанием (в контексте понятий смысла, ценности, интенциональности). Мозговые процессы предполагают описание в естественнонаучных терминах (в контексте понятий о пространственных и физических свойствах) (Дубровский, 1994). В этом смысле, согласно Дубровскому, информационный подход позволяет решить проблему «мозг и сознание». Возражения, связанные с влиянием содержания информации на носитель (мозг), т.е. с проблемой «психической причинности (каким образом пси-

хическое явление, которому нельзя приписывать физические свойства — массу, энергию и т.п., способно служить причиной телесных изменений)», снимаются автором по аналогии информационного управления, которое носит кодовый характер (Дубровский, 1994).

Вполне корректное, с позиций научной логики, определение сознания было сформулировано А.В. Петровским (Петровский А.В., 2000). В этом определении сознание трактуется как «целостный образ действительности..., реализующий *мотивы и отношения субъектов* и включающий в себя его *самопереживание*, наряду с *переживанием* внеположности мира, в котором существует субъект». В качестве логического ядра определения категории «сознание» А.В. Петровский полагает такую «базисную категорию», как «образ», а оформляющими категориями — «действие», «мотив», «взаимоотношения», «переживание», «субъект» (там же, с. 281). Весьма важно, что в данной работе представлен также новый опыт построения категориальной системы психологии. В советский период достаточно полная категориальная система была выстроена К.К. Платоновым и Б.Ф. Ломовым (методологический план). Опыт А.В. Петровского осуществлен в рамках концепта «теоретической психологии». В этой категориальной системе *сознание* отнесено к метапсихологической категории в «кластере когнитивности», который включает в порядке восхождения следующие категории: Сигнал — Ощущение — Образ — Сознание — Разум. В системе А.В. Петровского совокупность метапсихологических категорий включает: Я — Ценность — Деятельность — Сознание — Чувство — Общение — Предметность (там же, с. 286). Проследив путь восхождения от Сигнала к Миропостижению, автор фиксирует освобождение картины мира от «гнета сиюминутных нужд, диктата потребностей, пристрастности мотивов, наводки ценностей человека». В цепочке Сигнал — Ощущение — Образ — Сознание — Разум автор усматривает «ступени продвижения к истине («ясному и отчетливому», «подлинному», «аутентичному», «всеобщему» или, наоборот, «уникальному» знанию)» (там же, с. 292).

Не лишены интереса более ранние междисциплинарные трактовки *сознания* в отечественной психологии.

Широкий спектр определений сознания приводится в работе А.Г. Спиркина (Спиркин, 1972, с. 33). В этом перечне к философским определениям можно отнести следующие: осознанное бытие и отношение Я к не-Я, субъективный образ объективного мира, свойство высокоорганизованной материи, идеальная сторона целеполагающей практической деятельности человека, высшая форма психического отражения действительности.

Философский характер традиционных определений *сознания* в отечественной психологии констатирует В.Ф. Петренко в своем обзоре проблемы (Петренко, 1988).

Подоплека философских определений сознания в отечественной психологии достаточно прозрачна. Как отмечает Е.С. Авербух, для диалектического материализма важно в гносеологическом плане подчеркнуть первичность материального и вторичность идеального, а также зависимость формирования индивидуального сознания от общественного бытия. Анализируя различные определения сознания, Е.С. Авербух приходит к выводу о том, что эти определения не позволяют понять сущность изучаемого явления, они являются лишь интроспективными, образными описаниями. Автор считает, что качественную особенность сознания психологи преимущественно характеризуют в социально-генетическом, а не в психологическом плане (Авербух, 1966).

Современный философ В.И. Молчанов считает, что «сознание нельзя определить через род и видовое отличие не потому, что оно самое общее понятие, а потому, что сознание (как и бытие) не есть понятие, но источник всех понятий, схем, образов и т.д.» (Молчанов, 2007, с. 237). Но в таком случае снимается также вопрос происхождения, генезиса, т.е. фило-, а также онтогенеза сознания.

Достаточно определено, хотя и реже, выражен другой полюс — физиологических определений сознания. Так, дифференцируя сознание правой и левой, Н.Н. Брагина и Т.А. Доброхотова утверждают, что сознание человека есть «свойство пространства и времени его головного мозга» (Брагина, Доброхотова, 1994).

Близким к синтетичным можно назвать определение Б.В. Зейгарник: «Сознание рассматривается как высшая, связанная с речью функция мозга, отражающая в обобщенном виде реальную действительность и целенаправленно регулирующая деятельность человека» (Зейгарник, 1976, с. 53).

Возвращаясь к перечню определений сознания в работе А.Г. Спиркина, можно выделить большую группу собственно психологических дефиниций, в которой выделяется подгруппа определений сознания посредством сведения его к отдельным психическим явлениям (процессам, состояниям, свойствам) либо их определенной совокупности, либо их интегративной системе. К этой подгруппе относятся: способность отдавать отчет в своих мыслях, чувствах и актах; способность правильно расценивать окружающее, способность к целенаправленной, планомерной деятельности, особенности сочетания психических процессов; арена, на которой разыгрываются ассоциативные процессы; поток впе-

чатлений или чувствований, сменяющихся душевных состояний и т.д. (Спиркин, 1972).

В группе унитарных дефиниций, наиболее выстроенной в теоретическом и экспериментальном планах, можно считать концепцию А.Р. Лурии. Автор считает, что «в отличие от животных, человек обладает новыми формами отражения действительности — не наглядным чувственным, а отвлеченным опытом. Такая особенность и характеризует сознание человека... Эта черта — способность человека переходить за пределы наглядного, непосредственного опыта и есть фундаментальная особенность его сознания» (Лурия, 1979, с. 13). «Переход от чувственного к рациональному... составляет основную черту сознательной деятельности человека, являющейся продуктом общественно-исторического развития» (Лурия, 1979, с. 264). Таким образом, с точки зрения А.Р. Лурии, сущностная характеристика сознания определяется мышлением, которое в своем социогенетическом и онтогенетическом развитии проходит фазы от наглядно-действенного (чувственного) к словесно-логическому, т.е. отвлеченному от реальных объектов (рациональному).

Другой психический процесс, часто избираемый в качестве сущностной характеристики сознания, может быть определен как рефлексия или самосознание. Так, В.М. Розин определяет человеческое сознание через сознание в языке, сознание культурное и сознание как самосознание (Розин, 1999).

А.С. Горбатенко определяет сознание как «особенность психики, позволяющую ей быть направленной *на саму себя*, отделив контролируемые аспекты психики от неконтролируемых, и *на свое «тело»*, выделяя его из окружающего мира». «Сознание — особое свойство психики, специально направленное на самоконтроль жизнедеятельности индивида, в том числе, на контроль функционирования самой психики» (Горбатенко, 1994, с. 49).

Согласно Р.С. Немову, в основе сознания лежит «рефлексивная способность», т.е. познание сознанием психических явлений и самого себя, а именно «ощущение себя познающим субъектом, способность мысленно представить существующую и воображаемую действительность, контролировать собственные психические и поведенческие состояния, управлять ими...» (Немов, 1997, с. 133).

Достаточно редкую для психологии дефиницию сознания находим у Ю.М. Орлова, считающего, что «сознание с самого начала осуществляется одновременно с произвольным движением». «Жесткое увязывание» произвольности и осознанности Л.С. Выготским отмечает А.Г. Асмолов (Асмолов, 2002, с. 412). Согласно Ю.М. Орлову, «акт сознания возникает преимущественно в процессе осуществления

произвольных действий», «сознание всегда есть осознание действия и его обстоятельств... после того как прекращаются умственные или практические действия, сразу же исчезает и сознание» (Орлов, 1991, с. 75). Вместе с тем Ю.М. Орлов для объяснения феноменов сознания привлекает также категорию переживания, в частности, отмечая, что наиболее отчетливое сознание связано с действием и переживанием. Однако последнее Ю.М. Орлов также сводит к действию, рассматривая переживание как действия, направленные на достижение или преодоление тех или иных эмоциональных состояний. Ю.М. Орлов, так же как несколько позже В.М. Аллахвердов, обнаруживает, что «монотонные действия или однообразные состояния души приводят к исчезновению сознания, так как отсутствует необходимость что-то регулировать...» (Орлов, 1991, с. 75).

В связи с концепцией Ю.М. Орлова необходимо отметить, что знаменитый автор теории поэтапно-планомерного формирования психических действий связывал с сознанием не само действие, а его ориентировочную часть (Гальперин, 1999).

К этой же группе определений сознания, т.е. через психические процессы (мышление, рефлексия, действие и т.д.) можно отнести представление П.В. Симонова о сознании как знании, которое с помощью слов, материальных символов и обобщенных образов художественных произведений может быть передано, может стать достоянием других членов общества. Контакт, коммуникация составляет существенную характеристику сознания, так как содержание коммуникативных актов может наполнять образы, которые, «не будучи полностью вербализованы, безусловно, принадлежат сфере сознания» (Симонов, 1987).

Комментируя «критерий П.В. Симонова»: сознание есть оперирование знанием, способность к направленной передаче информации от одного лица к другому в виде абстрактных символов (слов, художественных образов и т.п.), — А.М. Иваницкий предполагает, что эти символы или знаки должны быть выучены или найдены самим субъектом, а не быть врожденными, и в этом случае контакт, коммуникацию пчел, муравьев и других насекомых невозможно квалифицировать как проявление сознания (Иваницкий, 1994).

Выделяя объективный (внешний наблюдатель) и субъективный (сам человек) критерии сознания, по которым можно определить наличие сознания, А.М. Иваницкий никак не объясняет с позиций критерия П.В. Симонова факт узнавания себя в зеркале как один из важных признаков сознания; должна ли иметь место и в этом случае явная или скрытая коммуникация, либо это еще один критерий — «критерий зеркала»?

Если не акцентировать процесс *коммуникации* как существенной характеристики сознания в концепции П.В. Симонова, можно обнаружить ее частичное совпадение с определением А.Г. Спиркина: «Сознание есть знание о внешнем и внутреннем мире, о самом себе. Вне знания нет сознания» (Спиркин, 1972, с. 81). «Осознать объект — значит включить его в систему своих знаний и отнести к определенному классу предметов» (там же, с. 82).

Концепцию П.В. Симонова отличает от многих других также то, что в ней понятие «сознание» определяется соотносительно с определением бессознательного, к чему призывает автор одной из публикаций в материалах симпозиума «Проблемы сознания» А.Н. Шогам (Шогам, 1966). Он указывает на ошибочность изолированных дефиниций сознания и бессознательного. И в качестве примеров таких ошибок отмечает отождествления: «сознание» и «психика», «общественное сознание» и «индивидуальное сознание», «сознание и сознательность». Считая автоматизмы проявлениями бессознательного, А.Н. Шогам относит к «заслугам» автоматизмов приобретаемую человеком возможность «свободы выбора, творчества, активности, которыми характеризуются самые высокие акты сознания» (Шогам, 1966). Связка «сознание — бессознательное» в определениях П.В. Симонова глубоко раскрывается через описание структуры сознания (см. главу 3).

Сознание и бессознательное

Следует отметить, что речь идет не о попытках с помощью понятия «бессознательное» определить понятие «сознание», о которых В.И. Молчанов справедливо заметил, что в этих случаях «не принимают во внимание, что не-сознание осознается как не-сознание все же сознанием» (Молчанов, 2007, с. 231).

Дихотомия «сознание-бессознательное», несомненно, полезна в содержательном толковании равно как для одного, так и для другого члена бинарной пары. Разночтения могут возникать, когда в одних случаях члены дихотомической пары наделяются признаками полной взаимной противоположности; в других случаях (бинарной оппозиции) — частичной противоположностью (см. 1.2.4).

А.Г. Асмолов вполне обоснованно отмечает, что способность или неспособность давать отчет себе (другим) является всего лишь «рабочим приемом» психолога, но никак не сущностной характеристикой, «раскрывающей природу» той или иной формы отражения действительности (Асмолов, 2002, с. 397–398). В качестве такого сущностного признака автор рассматривает форму объединения

Мира и субъекта как «неделимого целого» в случаях *неосознаваемого* психического отражения («слитность субъекта и мира»), либо разделение, либо даже противопоставление субъекта окружающей действительности в *осознаваемой* активности человека (Асмолов, 2002, с. 400, 412, 417).

Другими, противопоставляющими сознание и бессознательное признаками являются: рациональность (объяснимость) — алогичность (другая логика); чувствительность — нечувствительность к противоречиям; временной — вневременной (сосуществование прошлого, настоящего, будущего) характер переживания.

Важным, хотя и не вполне ясным является также тезис А.Г. Асмолова о дифференцирующем сознание и бессознательное признаке «европоцентризма», т.е. распространенное или возможное «игнорирование» (неучет, не-сознание) европейцем других (неевропейских) логик (рациональностей, способов объяснения себя и/или окружающего мира) тех или иных культур, сформировавшихся на протяжении длительной биосоциальной эволюции. Автор также объясняет причины негативной оценки бессознательного (неучет культурных различий и, соответственно, различных логик восприятия, мышления и т.д.) «эволюционным снобизмом» (все, что предшествует сознанию — более примитивно, архаично) (Асмолов, 2002, с. 399).

Явление, описанное А.Г. Асмоловым, носит более широкий характер, и в другом контексте отмечено В.М. Розиним: «В рамках определенного сообщества и социального опыта какие-то планы поведения человека мы оцениваем как неосознаваемые, в частности, потому, что они существуют (в нашей реконструкции), а человек их не видит, действует, исходя из каких-то других оснований» (Розин, 2003).

Таким образом, понятие бессознательного оказывается относительным как в научном плане («научный эгоцентризм» со временем преодолевается), так и в социальном плане в связи с расширением коммуникаций, в том числе и межкультурных, освоением новых языков и схем «логических» объяснений, нового опыта, новых контекстов и др. Принцип асимметрии, предложенный В.П. Зинченко как дополнение (уточнение) принципа единства сознания и деятельности, может быть распространен также на сознание-бессознательное; последнее (бессознательное) с расширением и углублением (изменением) социального опыта и научных знаний все более сужается, но затем вновь охватывает другие, бывшие осознанными, но ставшие неактуальными области сознания новой (другой) действительности.

Сознание и осознание. Проблема «Я». Единство сознания

Понятия «сознание» и «осознание» часто используются как синонимичные. Однако, с точки зрения норм словообразования, существуют известные различия между этими понятиями. Любопытным представляется проведенный А.Г. Чесноковой анализ различий трактовок понятия «осознание» в работах С.Л. Рубинштейна и Л.С. Выготского. Как считает автор, в работах С.Л. Рубинштейна понятия сознания и осознания принципиально не различаются, хотя сознание, видимо, начинается с осознания. По работам Л.С. Выготского можно предположить, что сознание и осознание отличаются по объекту: сознание относится к деятельности внешней, а осознание проявляется как сознание собственных действий по осуществлению деятельности.

Попутно отметим, что исследование А.Г. Чесноковой — один из немногих впечатляющих примеров «преодоления разобщенности психологического знания» (Чеснокова, 2003а).

В обсуждаемой группе унитарных дефиниций сознания необходимо также выделить те определения, в которых в качестве сущностных характеристик сознания рассматриваются личность, субъект и Я человека.

Действительно, как отмечает Э. Гуссерль, «всякий анализ сознания одновременно или, в конце концов, пусть даже имплицитно, затрагивает также и центральное Я» (Гуссерль, 1992, с. 62–80). В другом контексте Гуссерль еще более категоричен: «Для меня очевидно, что всякое сознание есть сознание моего Я» (там же).

В философских этюдах Г.Г. Шпета, в работе «Сознание и его собственник», прямо затрагивающей эту проблему, автор, резко критикуя взгляды Н. Лосского, рассматривающего Я в качестве объединенного содержания сознания, неявно оппонирует Э. Гуссерлю. Шпет пишет, что, «если мы начнем анализ сознания с анализа “Я”, мы придем к тому, что мы везде присутствия этого “Я” откроем... если же исследуем само сознание, то мы только найдем, что это есть всегда сознание *что-нибудь*. Это “что-нибудь” раскрывается как система отношений, присутствие в которых для “Я” необязательно, — оно может быть здесь, но может и не быть» (Шпет, 1994, с. 67). И далее, Г.Г. Шпет категорично заключает: «Сознание, субъект и «Я» — вещи совершенно разные, и нельзя одну из них подменять другой» (там же, с. 72). Можно предположить, что проблема сознания значительно шире, чем проблема Я, так как Я не представляет «единственной формы единства сознания» (там же, с. 68). К сожалению,

Г.Г. Шпет на длительное время был «отстранен» от официальной психологии и подвергался критике за идеализм, феноменологизм, гуссерлианство.

В последующей «советской» формуле единства сознания и деятельности потерялась собственно проблема единства сознания. Проведенный В.И. Молчановым сравнительный анализ трактовки словосочетания «единство сознания» у Канта и Гуссерля показал возможность его толкований либо как единства (связности) представлений, либо отнесенности к одному Я (Молчанов, 2007, с. 104–107).

Если рассматривать Я как проявление личности, то, обращаясь к творческому наследию П.Я. Гальперина, находим ту же, что и у Г.Г. Шпета, ограниченность сферы личности по сравнению со сферой сознания. Так, П.Я. Гальперин отмечает, что «личность невозможна без сознания, но не сводится к нему — сознание не равно личности. Действует не сознание, а личность, которая регулирует свои действия на основе сознания, составляющего ориентировочную часть его действий» (Гальперин, 1999, с. 204).

Если П.Я. Гальперин определяет сознание как основу регуляции действий личности, то, по мнению Л.И. Божович, «сознание является центром, в котором интегрируются все психологические новообразования, определяя тем самым личность субъекта как «высшую психологическую систему» по Л.С. Выготскому, ее структуру, ее возрастные и индивидуальные особенности» (Божович, 1995, с. 118).

Противоположный подход находим в работе В.И. Слободчикова и Е.И. Исаева, у которых Я выступает как «центральная инстанция сознания человека». Авторы, рассматривая «традиционную трактовку сознания», отождествляющую его с *самосознанием*, т.е. «знанием субъекта о мире и своем месте в нем», как проявлением способности «отделить в представлении себя, свое «Я» от своего жизненного окружения; сделать свой внутренний мир, свою субъективность осмысления и понимания, дополняют его главной способностью «*практического преобразования*» этих проявлений (Слободчиков, Исаев, 1995, с. 177–180).

Более однозначно объединяет Я и сознание С.Э. Поляков («Сознание — это Я...»), аргументируя такое тождество тем, что сознание «само по себе может находиться в разном состоянии», что, по мысли автора, равно тому или иному «сосуществующему с Я в данный момент психическому содержанию» (Поляков, 2004, с. 265).

Согласно Н.Б. Шкопорову, «Я и составляет сущность сознания, его внутреннюю природу» (Шкопоров, 2008, с. 17).

Невозможность отождествления сознания и личности, т.е. Я, весьма образно выражена в суждении В.П. Зинченко, характеризующем сознание: «Оно многослойно, полицентрично, полифонично, абсолютно свободно. Оно легко преодолевает самые суровые определения бытия, такие как пространство, время, социум, но оно преодолевает их в себе и для себя, что далеко не всегда совпадает с их преодолением для субъекта сознания, для его собственного Я» (Зинченко, 1998, с. 71).

Отходя от отмеченного А.Г. Асмоловым «европоцентризма» и обращаясь к системе понятий китайского даосизма, можно согласиться с объяснением В.В. Малявина, что в даосизме «речь идет об опыте сознания, самопревращающегося и потому никогда себе не равного, принципиально диалогического. Подобная открытость бытию может показаться европейцу неожиданной и непривычной, поскольку идея самотождественного Я, реально продолжающегося во времени, с античных времен была краеугольным камнем западной философии. Однако границы самотождественного Я могут быть установлены только догматически. Китайская традиция не знает подобного догматизма. В соответствии с этой традицией самосознание трактуется без самоотождествления, сознанию всякий опыт дан как «другое», оно хранит свой свет, пребывает в «помрачении» (Малявин, 1988)

Возвращаясь к дефинициям сознания, отметим, что попытка интегрирующего подхода (высшая интеграция психических процессов, состояний, свойств личности — Я) была осуществлена К.К. Платоновым (Платонов, 1986). Однако, рассматривая в качестве атрибутов сознания, т.е. неотъемлемых свойств, без которых не существует сознание, переживание, познание и отношение, автор скорее исследует структуру сознания, нежели его существенную характеристику, сознание вновь рассматривается в широком плане, как и вся психика. Эта тонкость, замечаемая не всеми исследователями, отчетливо артикулирована в определении Е.А. Климова. Автор формулирует следующие возможные определения сознания:

- сознание как психика человека, в отличие от психики животных, синоним термина «психика человека»;
- процесс рефлексирования, т.е. способность человека отдавать себе тот или иной отчет о происходящем вокруг него или в его внутреннем мире и в организме (Климов, 1999).

Способность отдавать себе (или другим) отчет весьма часто используется в определениях сознания и может варьировать от вполне ясного высказывания мыслей себе и другим до смутно выраженных словами образов, чувств, ощущений.

В работе П.Б. Шошина о бессознательном находим три феномена, совместно индицирующих наличие *сознания*:

- чувство собственного существования;
- чувство присутствия в данном месте и в настоящий момент;
- идентификация себя в мире (различие себя и мира).

Согласно автору, выпадение любого из этих компонентов означает деструкцию целого, т.е. «выпадение сознания» (Шошин, 1994).

Новые методические и технические возможности в сравнительном психологическом изучении животных и, в частности, человекообразных обезьян, позволяют утверждать наличие у них зачатков по следующим свойствам сознания:

- приобретение знаний, в том числе обобщенных и опосредованных;
- целенаправленное поведение, включая преднамеренность действий, спланированность и прогнозирование;
- преднамеренность коммуникаций (передача информации), в том числе с использованием языков-посредников;
- самоузнавание в зеркале, на фото;
- способность оценивать знания, намерения, мысленные процессы у других индивидов (Зорина, Полетаева, 2002, с. 223–224).

Таким образом, прогресс зоопсихологии оставляет все меньше принципиальных различий за пределами орудийной деятельности человека и животных.

Операциональный подход к определению сознания, представленный в форме эмпирических характеристик сознания, находим в работе Н.И. Чуприковой. Десять выделенных автором характеристик задают достаточно полную картину сознательных возможностей человека:

- выделяет себя из окружающего мира;
- отделяет себя, свое Я от внешних предметов;
- отделяет свойства вещей от самих вещей;
- способен увидеть себя находящимся в определенном месте пространства и времени;
- способен увидеть себя находящимся в определенной системе отношений с людьми;
- способен устанавливать адекватные причинно-следственные отношения явлений внешнего мира;
- способен устанавливать адекватные причинно-следственные отношения между своими действиями и явлениями внешнего мира;

- отдает отчет в своих ощущениях, мыслях, переживаниях, желаниях;
- знает особенности своей личности и индивидуальности;
- способен планировать свои действия, предвидеть их результаты и оценивать последствия (Чуприкова, 1999).

Можно спорить о независимости (избыточности), полноте (достаточности), уровневой однородности и др. свойствах приведенных характеристик, и это выгодно отличает данный набор от триады П.Б. Шошина.

С критериями Н.И.Чуприковой перекликается более компактное понятие фундаментальных структур сознания, введенное Е.В. Субботским и объединяющее «представления человека об объекте, причинности, пространстве и времени...» в смысле «структур, которые, существуя как неосознанные, определяют содержание осознаваемого (и переживаемого) человеком» (Субботский, 2007, с. 11).

На этом пути можно найти еще более лапидарную формулу определения сознания — это не только способности или функции, но и *структуры* (Еу, 1983).

Дифференциация теоретического и эмпирического подходов к определению и решению проблемы сознания отчетливо проводится в работе В.М. Аллахвердова, который считает, что все существующие определения в психологии по сути эмпирические. «Сознание как эмпирический термин отражает эмпирическое явление — осознанность, эмпирический факт представленности субъекту картины мира и самого себя... как выраженная в словах способность испытуемого отдавать себе отчет в том, что происходит» (Аллахвердов, 2000, с. 116); то, что можно назвать «осознанностью», «самоочевидностью», «непосредственной данностью» сознания (там же, с. 253).

Сознание также рассматривается как *«некий теоретический (гипотетический) механизм, порождающий или трансформирующий осознаваемую информацию, например, преобразующий результаты каких-либо информационных или физиологических процессов в осознаваемые явления»* (т.е. «работа механизма сознания») (там же, с. 254).

Такое разделение соответствует логике «концептуального замысла» в концепции В.М. Аллахвердова, в соответствии с которой, как уже говорилось, содержание сознания (включающее и мистические переживания) изучается методами гуманитарных наук, а процессы, механизмы сознания — методами естественных наук.

Обсуждая различные дефиниции сознания, необходимо также рассмотреть те или иные синонимы или производные этого поня-

тия, часто замещающие исходный термин или используемые для отсылки при его определениях, что не обязательно приводит к тавтологическим циклам. К таким синонимам или производным понятиям сознания можно отнести: «сознательность», «осознанность» и др. Согласно Е.В. Шороховой, сознательность характеризует степень того, насколько человек, производя тот или иной поступок, действовал в соответствии со своими намерениями, насколько эти действия адекватно отражали объективную закономерность процессов, с которыми человек имел дело (Шорохова, 1966). Данное определение во многом совпадает с ранее приведенным эмпирическим определением сознания.

Более неоднородным является определение сознательности в работе В.В. Столина: «Самая общая характеристика сознаваемости (сознательности) психических процессов состоит в констатации двух феноменов:

- человек может осознать то, что он воспринимает, то, что он вспоминает, о *чем* мыслит, к *чему* внимателен, *какую* эмоцию испытывает;
- человек может осознать, что *именно он* воспринимает, вспоминает, мыслит, внимателен, чувствует» (Столин, 1983, с. 16).

Таким образом, сознательность в этом случае может характеризовать либо направленность сознания на объект, либо на самого субъекта осознания. Данная трактовка соответствует основному положению деятельностного подхода к сознанию в теории А.Н. Леонтьева, дифференцирующего содержание, *актуально* сознаваемое, и содержание, *лишь оказывающееся* в сознании. Согласно А.Н. Леонтьеву, актуально сознается только то содержание, которое является предметом целенаправленной активности субъекта, т.е. занимает структурное место непосредственной цели внутреннего или внешнего действия в системе той или иной деятельности (Леонтьев А.Н., 1975).

Другое измерение в дифференциацию понятий «сознание» и «осознание» вносит В.П. Седов, который, ссылаясь на примеры новаторской деятельности педагога-словесника Е.Н. Ильина, актуализирует понятия «чувственной», или «невербальной», осознанности для тех случаев человеческой активности (учебный процесс), когда осуществляется направленный поиск того, что еще не осознается, еще не названо, не несет отчетливого образа, но уверенно характеризуется как некий «предобраз», «предзнак». Согласно В.П. Седову, этому поиску сопутствует некое чувство — знак и представление «так» или «не так» (Седов, 2001).

Вновь возвращаясь к работе А.Г. Спиркина, находим в качестве еще одной (помимо знания) неотъемлемой и существенной характеристики сознания свободу воли. Автор полагает, что «сознание и свобода воли — тесно связанные между собой явления: чем выше уровень сознания, тем свободней воля» (Спиркин, 1972, с. 287), причем «свобода — это не только осознанная необходимость, но и *созданное* самим человеком бытие (общественные отношения, мир материальной и духовной культуры)» (там же, с. 288).

Поэтому вполне оправдан дополнительный акцент в определениях сознания, которые приводят независимо друг от друга В.Е. Клочко и Ю.М. Швалб, подчеркивая не только функцию *отражения*, но и функцию *порождения* внешней и внутренней реальности человека (Клочко, 2005; Швалб, 2003).

Завершая данный обзор, можно констатировать, как это сделал более десяти лет назад В.П. Зинченко, что мы не имеем сколько-нибудь строгого определения понятия «сознание». Сознание не только неопределимая, но и свободная система. Проблема структурирования и ограничения свободной системы решается самой жизнью. Она опровергает миф об абсолютной свободе сознания (Зинченко, 1991).

Тем не менее сознание периодически «рвется» и иногда вырывается из клетки бытия, во всяком случае постоянно стремится к абсолютной *свободе*. В этом процессе *произвольность* действительно выступает сущностной характеристикой сознания, а реальная достижимость свободы обусловлена системой адекватных связей, коммуникаций или *контактов* человека с внешним миром и самим собой психическими средствами внимания, памяти, перцепции, аффекта, мышления и воли. Только в коммуникативно-интегрированной совокупности этих образующих обнаруживается (конструируется) единство сознания.

2.2. Функции, свойства и типы сознания

Функции и свойства сознания определяются как следствие тех или иных дефиниций сознания. С другой стороны, имманентность определенных свойств и функций сознанию обогащает представления о сущностных характеристиках сознания. Сознание, согласно С.Л. Рубинштейну, — это способность человека выходить за пределы своего собственного одиночного существования, отдавать отчет о своем отношении к миру и другим людям, подчинять

свою жизнь обязанностям, нести ответственность за содеянное, ставить перед собой задачи, не ограничиваться приспособлением к наличным условиям жизни, изменять мир или, обобщенно, способность к рефлексии на окружающий мир и на собственную жизнь (Рубинштейн, 1957). Аналогичные характеристики находим у А.Г. Спиркина: способность ставить осуществимые ближайшие и отдаленные цели; умение контролировать свои чувства, мысли, поступки; отдавать отчет в своих действиях; предвидеть последствия своих поступков; осуществлять самовоспитание воли, характера, личности в целом. А.Г. Спиркин усматривает жизненный смысл сознания в том, «чтобы верно ориентироваться в мире, утверждать себя в нем, познавать и преобразовывать его на основе общественной практики» (Спиркин, 1972, с. 81). Относительно последней функции — важнейшей среди других — А.Г. Спиркин утверждает, что «именно в преобразующей деятельности заключен основной жизненный смысл сознания» (там же, с. 90). В категориях системного подхода можно заключить, что в теоретической схеме А.Г. Спиркина преобразующая деятельность человека является системообразующей характеристикой сознания, инициированной методологическими позициями диалектического и исторического материализма. В этом плане и антиципация как предвидение конечного результата поступков (там же, с. 82), предвидение, предвосхищение будущего, и целеполагание как «идеальная модель желаемого будущего» (там же, с. 122), «условие любого сознательного поступка» (там же, с.119), и опережающее отражение в форме «преднастройки» к предстоящим действиям (там же, с.123) и т.д. и т.п. суть следствия преобразующей функции сознания.

В одной из своих работ Н.И. Чуприкова, констатируя неудовлетворительность тех или иных конкретизаций сущности сознания, утверждает, что обычно отмечаемые признаки сознания: выделение себя из окружающей действительности, т.е. отнесение природных и социальных явлений к Я и не-Я; «данность объекта субъекту», т.е. совокупность чувственных образов; способность к предвидению, планированию; способность к абстрактному мышлению (вербальное мышление); знания, которые можно передать другим людям — не образуют внутренне связную систему (Чуприкова, 1999).

Проблему исчерпывающего описания сущности сознания ограниченным набором функций усложняет разнообразие функциональных структур в работах различных авторов, обосновывающих необходимость тех или иных функциональных элементов, определяющих работу сознания. Так, в работе Л.И. Божович находим, что «интегрирующая и регулирующая функция сознания осуществля-

ется на основе не только интеллектуальных, но и аффективных обобщений» (Божович, 1995, с. 118).

Достаточно сложным является отнесение к функциям сознания, а не к его структурным элементам переживания, познания, отношения, как это можно предположить из заключения К.К. Платонова, что «сознание имеет три основных функции: регуляторную, познавательную и оценочную и, соответственно, три взаимодействующих атрибута: переживание, познание (имеющее результатом знание) и отношение» (Платонов, 1982, с. 182). В последующей работе автор включил эти атрибуты сознания в разветвленную структурную схему сознания в качестве одной из подструктур сознания (Платонов, 1986).

Весьма специфичный функционал, описанный Ю.М. Орловым, можно отнести к классу «иррадирующих» функций сознания, основанных на механизмах осознания «элементов» бессознательного, способствующих индивидуализации и самосовершенствованию человека. «Расширение сознания — это включение в область осознанного все большего количества жизненных функций человека, его привычек и психических состояний. Расширение сознания делает человека более зрелым и способным в большей степени управлять своими психическими силами» (Орлов, 1991, с. 79–80). В приведенных утверждениях Ю.М. Орлова не дифференцируются количественная и качественная стороны расширения сознания.

Последняя, качественная сторона расширения сознания, представлена в работах В.В. Знакова по психологии понимания. Согласно автору, «понимание — есть процесс и результат сопоставления существующего с должным», и «для того чтобы понять, сформировать для себя смысл понимаемого, мы, во-первых, должны включить то, что нужно понять в какой-то уже известный нам из опыта контекст. И, во-вторых, соотносить понимаемое со своими ценностно-нормативными представлениями» (Знаков, 1998, с. 166–167). Таким образом, понимание как функция сознания реализуется как «вширь», выходя за непосредственные границы ранее известного содержания и включая объект (предмет) понимания в более широкий контекст; так и «вглубь», в случае соотнесения понимаемого с субъективным представлением о должном, т.е. сопоставления понимаемого с ценностными представлениями субъекта (Знаков, 1993).

Если вернуться к перечню функций сознания в работах А.Г. Спиркина или Н.И. Чуприковой, то можно заключить, что понимание не определяет элементарной или унитарной функции сознания и может быть представлено как композиция (или супер-

позиция) двух или более унитарных функций, к примеру, познания и прогнозирования или познания и отношения.

К этому можно отнести две выделенные в качестве основных функции сознания по В.С. Ротенбергу:

- «объективирование и закрепление в речи сознания об объективной реальности и выделение из окружающей среды самого себя как субъекта познания этой реальности. С этой функцией сознания связано формирование значений;
- выделение себя из окружающей среды в качестве субъекта — личности. Эта функция сознания обеспечивает возможность самовосприятия и самооценки, и с ней связано формирование личностного смысла» (Ротенберг, 1994).

В связи с последним, т.е. с самовоспринимающей и самооценивающей функцией сознания, следует отметить, что рефлексия, по мнению В.П. Зинченко, в отличие от таких функций сознания, как отражение, порождение (творчество), регуляция и оценка, является основной функцией сознания, характеризующей его сущность (Зинченко, 1991). В одной из своих публикаций В.П. Зинченко определяет более общую формулу для выражения основной функции — механизма сознания, сохраняющую основные позиции отечественной психологии (сознание отражает мир) и определяющую пути дальнейшего развития психологических исследований (сознание создает, творит человеческий мир) (Зинченко, 1999). Основной тезис В.П. Зинченко о том, что «*внешний мир строится внутри... в феноменальном, символическом поле — пространстве — теле... Внутренний мир строится вовне*»; «обращает (инверсирует) гипотезу А.Н. Леонтьева об уподоблении как механизме отражения (действия субъекта уподобляются свойствам объекта). В.П. Зинченко совместно с А.В. Запорожцем дополняют этот механизм процессом уподобления объекта субъекту (субъектом же) (Зинченко, 1999).

Аmplифицирующая идея в иной стилистике и более категорично утверждается в работе В.М. Аллаhverдова: «сознание *конструирует* смыслы, а не находит их в окружающем мире. Именно в этом конструировании сознание проявляет свою свободу, потому что в реальном мире нет никакого смысла... Но свобода сознания в выборе догадок всегда оставляет возможности для ошибок, неточностей, неправильного понимания» (Аллаhverдов, 2000, с. 501–502). Самоподтверждение собственных гипотез является основной функцией механизма сознания: задача сознания как механизма состоит в том, чтобы, прежде всего, логически оправдать догадку

и так ее скорректировать, чтобы согласовать ее с опытом, считает В.М. Аллахвердов, опираясь на ряд экспериментов.

Последнее объясняет категориальную необходимость, на наш взгляд, помимо *свободы* как созидательной функции сознания, также *контакта* для ее (свободы) обеспечения в отражательной функции сознания.

В этом смысле можно трактовать отрицание А.Ю. Агафоновым возможности беспричинной свободы: «Свободный выбор, оставаясь свободным, с необходимостью должен иметь причинные основания» (Агафонов, 2003, с. 58). Вместе с тем, как считает автор, «человек сам способен инициировать свою активность». Агафонов проблематизирует данное противоречие следующим образом: «На основании того, что психическая деятельность — свободная активность, одной из важнейших задач теоретической психологии является определение характера причинности свободы» (там же, с. 59).

Функции свободы (созидания) и контакта (отражения) обусловливают практически все множество свойств сознания. Так, широта — узость сознания определяется, с одной стороны, глобальностью — локальностью свободных, созидательных устремлений человека, с другой — пространством, временем, многообразием форм, плотностью и т.д. *контактов* (познавательных интересов и соответствующей активности). Не случайно В.П. Зинченко связывает узость, ограниченность, неразвитость, несовершенство сознания с нарушениями открытости сознания к различным мирам — идей, эмоций, воображения и практической деятельности. Социально и индивидуально определенная мера соотношения узости — широты сознания в различных сферах жизнедеятельности человека задает свойства гармоничности сознания (Зинченко, 1991).

В этом плане можно интерпретировать понятие гармоничности — дисгармоничности сознания (личности) и в работах Л.И. Божович, связывающей это свойство с соотношением сознательных и бессознательных образований (мотивов, желаний), с отсутствием аффективного конфликта между сознательно и бессознательно действующими мотивами (Божович, 1995).

Близким к свойству широты — узости сознания является предложенное еще В.М. Бехтеревым понятие «объем сознания», т.е. предельное количество представлений, одновременно содержащихся в сознании (Бехтерев, 1888, с. 14).

Сближая понятия сознания и «волевого внимания» («произвольного действия»), Ю.М. Орлов отмечает, что «чем больше... жизненных функций становится объектом... волевого внимания, тем шире и полнее... сознание, чем больше привычного и механи-

ческого, тем уже сознание» (Орлов, 1991, с. 69). Здесь мы впервые встречаем понятие «расширение сознания». Соответствующую задачу В.П. Зинченко считает насущной проблемой сегодняшнего дня и выделяет следующие направления расширения сознания:

- мир науки (знаний);
- мир производительного существования (предметно-производственная деятельность);
- мир человеческих *ценностей* (*эмоции*);
- мир культуры (культурные символы и знаки) (Зинченко, 1990, с. 87).

В.П. Зинченко считает, что если охвачен только один мир, то сознание узкое, одностороннее, ограниченное. Автор выделяет, помимо узости сознания, также такие возможные его характеристики, как неразвитость, разорванность.

Работа сознания по устранению или «прикрытию» внутреннего конфликта связана с таким свойством, как невозможность сохранения противоречия в содержании сознания (закон Фрейда — Фестингера, по В.М. Аллахвердову). Действительно при наличии противоречия в содержании сознания оно перестает быть свободным, теряя тем самым свою определенность как сознание, либо нарушается система внешних контактов ввиду отсутствия единого источника и «приемника» содержания контакта.

Аналогичным образом можно объяснить другое свойство (закон), формулируемое В.М. Аллахвердовым следующим образом: «Все неизменное исчезает из сознания, то есть перестает осознаваться, или же происходит изменение данного сознанию представления об этом неизменном», другими словами, «сохранение осознаваемого обеспечивается только путем его изменения» (Аллахвердов, 2000, с. 358). Действительно, неизменное перестает быть содержанием контакта, либо нарушается свобода (возможность) его варьирования. Поэтому, как справедливо напоминает В.М. Аллахвердов, постоянный раздражитель (одежда, часы и т.д.) перестает ощущаться; цветовой фон при длительной фиксации теряет свою цветность, становится серым; при многократном повторении слова или фразы теряется смысл и др. Однако при малейшем восстановлении контакта или свободном манипулировании осознанность возвращается.

В связи со сказанным следует обратить внимание на понятие «опустошение сознания», используемое В.М. Аллахвердовым для обозначения ситуаций повторения, описанных выше (потеря сознания в результате *многократного* повторения, например, ходьбы, периодических движений, восприятий и т.д.). В этих случаях учет

функции свободы сознания, обеспечивающей при любой возможности автоматического (бессознательного) выполнения действий, операций и т.д. способность освобождаться для более полной ориентировки в фоновых или других внешних или внутренних изменениях. Это позволяет вновь убедиться в объяснительных возможностях двухфакторной модели сознания.

Отработанная до автоматизма внешняя или внутренняя деятельность (активность) человека, лишаясь сознательного контроля, перестает быть подвластной контакту и свободе сознания, поэтому «возвращающемуся к этой деятельности сознанию приходится либо терять в общей эффективности деятельности, вмешиваясь в отлаженный механизм, либо жертвовать свободой «командования» этой деятельностью, освобождаясь для свободы и контактов в других сферах деятельности (Аллахвердов, 2000). Принципы контакта и свободы в работе сознания позволяют разрешить и этот парадокс изменения исходного состояния сознания в случае внутреннего или осознанного внешнего вмешательства в работу сознания.

Диалектика свободы и необходимости (закономерности) в проявлениях сознания, как отмечалось выше, сопряжена с функцией контакта, коммуникации и смыслового общения. Поэтому вполне разрешима имплицитная полемика концепций В.М. Аллаhverдова (закономерно устроенная психологика сознания) и В.Ф. Петренко (у сознания нет законов, его нельзя обуздать, навсегда подчинить логике мышления, памяти, воображения и даже смыслообразования, так как сознание всегда стремится выйти за пределы любых ограничений, в конечном счете оно свободно хотя бы потенциально при всех ограничениях реального бытия).

Таким образом, принципы *свободы и контакта*, имманентные сущностной характеристике сознания и связанные с ними функции познания и созидания, позволяют вывести из этих двух важнейших функций достаточно полный спектр таких традиционно перечисляемых функций сознания, как: творческое или созидательное целеполагание (отличающееся от целеустремления как целенаправленной активности и целеопределения как выбора одной цели из нескольких), планирование, программирование, антиципация и прогнозирование, принятие решения, контроль и самоконтроль, отношение, оценка, самооценка, самоанализ, самоактуализация, самокатегоризация, идентификация и самоидентификация, осознание и самосознание, самодеятельность, самокоррекция и самореализация и др. Однако не вполне объяснимыми представляются такие свойства сознания, как ясность, самоочевидность, достоверность; уверенность, несомненность, убежденность и др.

В многообразии представлений о предмете психологии сознания можно выделить два аспекта. Первый, представленный выше, связан с дефиницией сознания как некоторого предметного поля психических явлений, таких как значения, отношения, смыслы и т.д. Второй, который условно можно назвать дискурсивным аспектом, связан с типом мышления, способом рассуждений или, более широко, «организацией» сознания. Проблемы дискурсивного мышления и коммуникативных аспектов дискурсивной активности личности продуктивно решает К.Ф.Седов (Седов, 1999; 2004).

В современных представлениях о системе научных знаний подвергнут сомнению «безусловный приоритет рационального сознания над всеми иными формами дорационального и внерационального сознания» (Швырев, с. 75). Как отмечает В.С. Швырев, «современное “зрелое” рациональное сознание должно обязательно включить в себя момент критической рефлексии, метарациональности, фиксирующей, средствами рационального же сознания, пределы рационализации как самого сознания, так и действительности...» (Швырев, 1997).

В психологическом плане убедительные доказательства наличия различных типов дискурсивного сознания у детей и взрослых приводит Е.В. Субботский. Автор считает, что аналитически-объяснительный и феномено-описательный подходы к сознанию дополняют друг друга (Субботский, 2007, с. 12). Во всяком случае «оба противоположных модуса причинного мышления — научный и магический — могут сосуществовать в сознании детей и взрослых» (там же, с. 238). Феноменальное сознание, считает Субботский, дополняет рациональное сознание в тех ситуациях, когда рациональное мышление неприемлемо или неэффективно и человек прибегает к «магическим манипуляциям с целью взять под контроль свои страхи и переживания» (там же, с. 368).

Аналогичную функцию или тип сознания в культурно-историческом контексте рассматривает Н.В. Кулагина (Кулагина, 2006).

Возвращаясь к типам научного дискурсивного сознания, уместно вспомнить метафоры С. Пеппера об исторической смене формизма — механицизмом, затем уступившим место органицизму, переходящему в контекстуализм. В спектре современных концепций, объясняющих явления сознания, можно обнаружить логические построения различного дискурсивного типа. Это, в частности, субстанционализм Д. Чалмерса и биологизм

Дж. Серла. Субстанционализм как разновидность формизма трактует сознание в качестве субстанции (по аналогии с пространством, физической массой и т.д.); как «выражение предельного основания, позволяющего сводить феноменологически наблюдаемое многообразие и изменчивость к постоянному, устойчивому, самостоятельно существующему» (Гинецинский, 1994, с. 126). В.И. Гинецинский дифференцирует субстанциональность и свойство субстантивированности сознания, которое «фиксирует особый модус существования психики», заключающийся в том, что «психика, существуя как продукт взаимодействия носителя психики с окружающей его средой (компонентом которой он сам является), предстает как некая новая (третья) реальность, относительно автономная и по отношению к носителю психики, и по отношению к той реальности, которая отражена (воспроизведена) в ней» (там же, с. 122).

Другая плоскость дискурсивной дифференциации сознания — утилитарное сознание и/или ценностное сознание. Утилитарность рассматривается как в бытовом, так и в научном планах. Научный утилитаризм определяется атрибутированием сознанию тех или иных прагматических функций. Ценностный, этико-эстетический план выводит сознание за рамки утилитаризма.

Главным дифференцирующим признаком здесь, на наш взгляд, может выступать используемое В.И. Молчановым понятие «неагрессивного сознания». Автор концептуально связывает неагрессивность сознания с характеристикой опыта различений, в то время как понятийный синтез характеризует агрессивное начало сознания (Молчанов, 2007, с. 229). Мысль автора становится несколько более ясной после обращения к категории Я: «неагрессивное сознание как опыт различений не нуждается в “Я” как регулирующей силе. С “точки зрения” опыта, “Я” — это граница неагрессивного сознания, сознания как опыта, различающего сознания..., “Я” — это центр управления, объединяющий как познавательные силы, так и устремления деятельности. Усиление “Я”, как усиление идентификации ведет к выходу за пределы опыта, и наоборот: выход за пределы первичного опыта требует усиления “Я”, то есть более жесткой идентификации» (Молчанов, с. 453).

На наш взгляд, любое деятельное (целеполагающее) или ответственное сознание можно атрибутировать как агрессивное, а созерцающее сознание — как неагрессивное (Акопов, Агапов, 2007).

2.3. ОНТОГЕНЕЗ СОЗНАНИЯ

Не затрагивая проблемы возникновения сознания в филогенезе, все же отметим, что та легкость и бесспорность, с которой решалась эта проблема в философско-психологическом плане в советской психологии, столь же легко вызывает споры и серьезные сомнения в возможности или единственности такого пути зарождения сознания. В.М. Аллахвердов, критически оценивая возможности концептуального подхода Л.С. Выготского по проблеме генеза сознания в культурно-историческом плане, приходит к заключению, что «социальные процессы оказывают огромное влияние на сознание, но они не могут его породить» (Аллахвердов, 2000, с. 210), и «сознание как самоочевидность (непосредственная данность) не может само по себе возникнуть ни в трудовом процессе, ни в общении, ни в других социальных контактах. Оно должно существовать **до начала** социального взаимодействия. Ведь даже выражаемые в словах значения и смыслы могут появиться в **сознании**, только если оно уже существует» (там же, с. 211).

Не аналогизируя данного вопроса с дилеммой первичности яйца или курицы, отметим, что сущность сознания и генезис сознания — несколько разные проблемы и, возможно, что Л.С. Выготский прав по сути, но не в общем вопросе генезиса сознания, так как у Л.С. Выготского этот вопрос всегда обретал конкретную форму. Так, соотнося детское и взрослое сознание (мышление), Л.С. Выготский отмечает, что «ребенок мыслит в качестве значения слова то же, что и взрослый (те же предметы), благодаря чему возможно понимание между ними, но мыслит то же самое содержание иначе, иным способом, с помощью иных интеллектуальных операций» (Выготский, 1982а, с. 163). Согласно Л.С. Выготскому, «слова ребенка могут совпадать со словами взрослого в их предметной отнесенности и не совпадать в значении», и поэтому «различение значения слова и отношения его к тому или иному предмету, различение значения и названия слова дают нам ключ к правильному анализу развития детского мышления на ранних ступенях» (там же, с. 164). Поэтому можно согласиться с В.М. Аллахвердовым в том, что «однажды порожденное по одним причинам сознание далее развивается по другим причинам, внутренне присущим уже самому сознанию» (Аллахвердов, 2000, с. 358) и в соответствии с представлением о том, что А.Н. Леонтьев называл «конкретно-психологической теорией сознания».

В одной из работ А.Н. Леонтьева онтогенез сознания, согласно теории Л.С. Выготского, разворачивается следующим образом.

То, в чем выражается развитие сознания,— это развитие значений. У ребенка первоначально значения имеют простейшее строение. В них преломляются и делаются предметом осознания лишь «поверхностные» свойства и связи окружающего мира. В дальнейшем строение значений усложняется, образуя относительно сложные системы, предметный мир обобщается более полно и глубоко. Теперь он выступает в сознании ребенка не как «коллекция», а как все усложняющаяся система. Вместе с тем осознается и сам человек, его внешние качества, его социальные качества, наконец, его внутренние качества. На этой основе рождается самооценка, самосознание. Возникают «третичные», как говорил Л.С. Выготский, межфункциональные связи и отношения, строится сознательная личность. Теперь человек поднимается до высшего осознания мира и себя в этом мире; как и его сознание, жизнь человека становится понятийной. Итак, благодаря значениям, в которых преломляется в сознании внешний мир, поведение человека делается **разумным**. Как бы обращаясь на поведение, значения делают его сознаваемым, подконтрольным, и оно приобретает черты воли. Наконец, в системе значений обобщается, осознается мир внутренних переживаний: человек выходит из рабства аффектов и обретает внутреннюю свободу (Леонтьев А.Н., 1983).

В детерминационном плане можно говорить о внутренней (психологической) или внешней (социальной) обусловленности житейского и/или научного сознания. В конечном счете, если отвлечься от специфики языковой формы научного сознания в отличие от житейского, научные знания порождены житейскими в повседневной жизни «человека с улицы» или ученого и индуцированы из них. С другой стороны, как отмечает Л.И. Божович, лежащие в основе житейских понятий обобщения, как правило, носят неосознанный характер и тем не менее позволяют ребенку достаточно хорошо ориентироваться в окружающем мире и действовать в нем (Божович, 1995).

В экспериментах, на которые ссылается Л.И. Божович, детям показывали различные предметы: палку, гвоздик, мячик, консервную банку, пробку и т.д. и спрашивали: утонет или будет плавать? Дети, не зная закон Архимеда, никогда не ошибались, но основания своих правильных суждений не осознавали, т.е. «в основе совершенно правильного прогноза лежит определенное (как бы непосредственное) знание, опирающееся на некоторое неосознаваемое обобщение». У взрослых также существует много таких понятий, которыми они интуитивно правильно пользуются, но не умеют их до конца осознать и дать им точное, исчерпывающее объяснение

в речи. Однако такого рода понятия не занимают в их сознании доминирующего положения. У детей же до обучения в школе и формирования научных понятий эти обобщения составляют специфическую особенность сознания, определяют характер их восприятия действительности и отношения к ней (Божович, 1995).

Осознание внешнего мира, как считает А.Р. Лурия, усложняется на протяжении онтогенетического развития ребенка. Умение различать созревает раньше, чем операция обобщения, так как в основе операции различения — наглядно-действенное мышление (достаточно указать хоть одно различие, и его, как правило, видно), а за указанием на общее — операция введения в отвлеченную категорию (Лурия, 1979).

Определенным дополнением к заключению Л.И. Божович можно считать точку зрения Е.В. Субботского, утверждающего автономность и одновременность «сосуществования» в поведении ребенка феноменального и рационального восприятия предметных и причинных отношений. Феноменальное восприятие — генетически исходное — определяет поведение ребенка, направленное на достижение практической цели, а рациональное восприятие руководит вербальным поведением. Автор утверждает наличие в индивидуальном сознании разных уровней функционирования (вовлеченного и невовлеченного), разных сфер реальностей и рассматривает различные модели соотношения между старыми и новыми способами репрезентации реальности в сознании индивида (Субботский, 2001).

В более ранней работе Е.В. Субботский на большом эмпирическом материале обосновывает наличие двух типов сознания у дошкольников: анимистического (магического) и реалистического (научнообразного). В остроумном эксперименте автор доказывает соответствие поведения дошкольников первому типу сознания (вера в одухотворенность вещей, их способность превращаться в живое и т.д.).

Е.В. Субботский, обстоятельно анализируя содержание детского сознания, высказывает предположение о целесообразности, определенной функциональности магического сознания, помогающего ребенку справиться с неуверенностью, неопределенностью и страхом. В детском сознании автор выделяет знание:

- о собственном бытии;
- о бытии внешнего мира;
- о тождестве бытия и мышления, бытия и истины и др.

Сравнивая детское и взрослое сознание, Е.В. Субботский заключает, что уверенность ребенка в существовании вещей, в существовании мира, в существовании самого себя и других людей и такая же уверенность взрослого — вот та исходная первооснова, на которой строится сложное здание человеческого общения и человеческой практики. В структурно-генетическом плане важнейшие перемены в сознании ребенка происходят на грани 6-летнего возраста в связи с переходом от магического к естественнонаучному объяснению мира, с разделением физического и психического и др. (Субботский, 1985).

В этом контексте становится вполне ясной мысль Л.И. Божович о том, что «сознание ребенка не просто заполнено отдельными образами, представлениями и отрывочными знаниями, но и характеризуется некоторым целостным восприятием и осмыслением окружающей его действительности, а также отношением к ней. В известном смысле можно сказать, что у него есть свой взгляд на мир, и из этого мира не исключен и он сам, и его взаимоотношения с другими людьми» (Божович, 1995, с. 99). Однако качественная специфика детского сознания, в которое входит некоторое общее представление о мире, отношение к нему и отношение к себе в этом мире», по мнению Л.И. Божович, основана на житейских обобщениях в отличие от научных обобщений, которые приобретаются в процессе обучения (там же, с. 99).

Рассматривая развитие личности в онтогенезе с позиции психических новообразований: «система Я», «внутренняя позиция», «способность к целеполаганию», «жизненные перспективы», Л.И. Божович приходит к выводу, что «обобщенное знание о себе... происходит вместе с появлением речи и благодаря ей. Сначала дети узнают название предметов внешнего мира, затем начинают соотносить свое имя с самим собой. Однако наличие такого соотношения еще не означает, что в этот период уже закончился процесс выделения себя из мира предметов и осознания себя как субъекта. По-видимому, такое осознание приходит лишь вместе с появлением местоимения “Я”» (там же, с. 82).

Весьма важным представляется замечание Л.И. Божович о том, что «процесс самопознания, завершающийся понятием Я, осуществляется на основе не только интеллектуальных, но и аффективных обобщений... аффективное выделение себя (“аффективное самосознание”) возникает даже раньше, чем рациональное» (там же, с. 83). По мнению Л.И. Божович, в чувственном (интуитивном, нерациональном) плане «ребенок сначала осознает себя как субъекта действия, а затем как социального субъекта (субъекта взаи-

моотношений)» (там же, с. 102), что, однако, на наш взгляд, требует дополнительной проверки.

Исследование Л.И. Божович направлено главным образом на решение проблемы самосознания. Так, автор заключает, что «развитие сознания в онтогенезе характеризуется тем, что в нем все большую и большую роль начинают играть процессы познания и осознания субъектом самого себя как некоторого единого целого, способного и стремящегося к активному самовыражению» (там же, с. 119).

Эта линия анализа сознания (уровней развития личности в онтогенезе) через самосознание, «осознание своей “самости”», присутствует и в работе Д.И. Фельдштейна (Фельдштейн, 1999, с. 117–119).

С позиции речевого развития, как утверждают А.М. Шахнарович и Н.М. Юрьева, у ребенка «формируется несколько языковых систем, каждая из которых отлична от языковой способности взрослого, обладает своими правилами и своим строением» (Шахнарович, 1990, с. 43). Авторы определяют этапность этого процесса: «прежде всего, выделяется предмет, затем действие, “отделенное” от предмета, на котором оно усвоено, затем выделяется объект действия и в последнюю очередь — деятель» (там же, с. 44). Таким образом, можно предположить, что онтогенез сознания выстраивается как кумулятивный ряд: **предметное** сознание — **действенное** сознание — **внешне субъектное** сознание (другие люди) — **внутренне субъектное** сознание (самосознание).

Значительно раньше подобный генезис сознания в процессе развития ребенка усматривал А.В. Запорожец: от осознания внешних объектов к осознанию собственных действий и к осознанию связей между первым и вторым (Запорожец, с. 160).

Принципиально важным является другой вывод А.В. Запорожца: «Характерное для ранних стадий онтогенетического и функционального развития отставание осознания в дальнейшем сменяется противоположным процессом: осознание начинает опережать формирование двигательного навыка» (Запорожец, с. 161).

Фактором, инициирующим начало и продолжение этого ряда, можно считать «сенсомоторные реакции», которые, согласно Г.К. Ушакову, играют роль той матрицы, непрерывное усложнение, формирование, совершенствование которой создает условия для последующего развития сознания и определяет его. Как считает Г.К. Ушаков, сенсомоторный этап познания себя и ближайшего окружения, этап первичного сравнения, выделения себя из окружающей среды знаменуют **первые ростки сознания** (Ушаков, 1966).

Здесь существенно указание на «первые ростки сознания», так как, согласно Б.Г. Ананьеву, даже тогда, когда уже есть дифференцированная кинестезия (о чем свидетельствует координация движений и их относительно произвольный характер), еще нет полного и равномерного осознания ребенком своего «телесного», физического внешнего Я. Согласно Б.Г. Ананьеву, еще до того как ребенок овладевает языком, первоначальным источником формирования у него сознания являются элементарные предметные действия по схеме: простые результативные действия (толкает погремушку — звук) — целевые действия (действует для извлечения звука с погремушкой) (Ананьев, 1980а). Ребенок, по предположению Б.Г. Ананьева, переживает и узнает предмет своих действий, не осознавая первоначально сами действия. Последние, т.е. сами действия, формирующиеся в оперировании с предметами, становятся особым объектом внимания и эмоций ребенка лишь на основе складывающихся оценочных отношений восприятия, руководства развитием ребенка в процессе воспитания. Ребенок научается отделять свое действие от предмета этого действия во взаимодействии со взрослыми (что не противоречит теории Л.С. Выготского) в процессах руководства и коммуникации, т.е. показа действий с предметом или качеств предмета; приучения к нормативности и регулярности жизни; постоянных оценочных воздействий на ребенка в формах мимики, интонации, взгляда, жеста, слова, выражающих одобрение, ласку, недовольство, возмущение. Основным условием отделения предмета от действия (и наоборот) Б.Г. Ананьев вслед за И.М. Сеченовым считает торможение, задержку действия, отсроченные действия, преодоление собственного желания, т.е. первые проявления воли (и, соответственно, свободы) у ребенка. Б.Г. Ананьев определяет путь развития целевых предметных действий в виде следующих стадий:

- от неосознанных влечений ребенка к развитию и овладению своими движениями;
- к избирательным, целенаправленным и обладающим известным постоянством желаниям, в основе которых лежит одна доминирующая эмоция удовольствия от обладания предметом в наличной ситуации;
- к хотя бы краткой, но все же отсрочке — задержке осуществления своего желания (простое ожидание, терпение);
- к одновременному переживанию двух противоположных эмоций со способностью не только отсрочки своего желания, но и преодоления своего нежелания действовать ради цели вне наличной ситуации.

Опираясь на работы И.М. Сеченова, Б.Г. Ананьев определяет переход ребенка от отделения своих действий от себя к образованию мыслей о собственном Я (отделение многообразия действий от **неизменного себя**), т.е. ко все более и более постоянному члену сознания, и в этом процессе именно слово — собственное имя — выступает в роли носителя и оформителя этого постоянного члена сознания (Ананьев, 1980а).

По Б.Г. Ананьеву, употребление собственного имени есть огромный скачок в развитии детского сознания и переход к выделению себя как постоянного целого из текущего потока изменяющихся действий. Этим и отличается активное словесное употребление собственного имени от сенсорной реакции ребенка еще в первое полугодие жизни на свое имя в устах взрослого; активное употребление собственного имени, соотнесенного с определенным действием, ситуацией, намерением, — сознательный акт. Этот акт является, видимо, одним из главных моментов первоначального становления детского самосознания, особенно обобщения «самоощущений» и представлений о своих действиях и желаниях.

Б.Г. Ананьев рассматривает условия, благоприятствующие развитию сознания и самосознания, — это расширение сферы жизнедеятельности, развитие оценочных отношений в семье и коллективной жизни ребенка. Осознание собственных действий посредством оценки создает основу для формирования самооценки, и эта последняя, в свою очередь, является важным источником осознания ребенком себя как субъекта деятельности (игры или, особенно учения), — отмечает Б.Г. Ананьев. Автор показывает, почему маленький ребенок предпочитает говорить о себе, нежели о других. Ему еще трудно говорить о других ребятах, которых он «видит, потом не видит, потом снова видит» (там же).

В отличие от малышей большинство подростков предпочитают говорить о других, а не о себе, причем не из желания скрыть что-либо, но вследствие трудности определения самого себя при относительной легкости определения внешних качеств другого. В этом отношении подросток противоположен дошкольнику, скорее затрудняющемуся говорить о другом, нежели о себе. И в том случае, если подросток определяет собственные качества, он может это проделывать лишь при условии сравнения, сопоставления себя с другими. Как считает Б.Г. Ананьев, за множественностью приемов оценок другого у подростка находится еще не определившееся осознание собственных индивидуальных особенностей (там же).

С акцентом на речевую детерминацию определяет развитие сознания В.Н. Мясищев. Он считает, что возникновение сознания

у человека тесно связано с развитием речи. Первые объективные проявления сознания совпадают по времени с **называнием предмета** и с операциями с **называемым предметом**. Дальнейшим существенным моментом является выражение отношений **люблю, хочу**, которые в начале выражаются в третьем лице, но скоро приобретают формулу: я хочу, я люблю. Этот важный момент развития сознания характеризует развитие самосознания, в дальнейшем развитии которого существенными моментами являются разграничения: **хочу и можно; не хочу, а нужно**, т.е. отчетливое разграничение субъективно-личностных тенденций и объективных требований. Еще позже формируется отношение **должно — хочу**, т.е. различение и возможное противопоставление идейно-принципиальных и конкретно-личных моментов в сознании и самосознании (Мясищев, 1966).

Иной структурный подход, предполагающий функционирование также иных (неречевых) типов сознания, находим у А.Р. Лурии, согласно которому «сознание меняет свое смысловое и системное строение в онтогенезе. На раннем этапе развития ребенка сознание носит аффективный характер, оно аффективно отражает мир. На следующем этапе сознание начинает носить наглядно-действенный характер, и слова, через посредство которых отражается мир, возбуждают систему практических наглядно-действенных связей. Только на завершающем этапе сознание приобретает отвлеченный вербально-логический характер» (Лурия, 1979, с. 64).

А.Р. Лурия также считает, что «вещественные слова» (существительные) выделяются и осознаются ребенком гораздо раньше, чем слова, обозначающие действия или качества. Ребенок 3–5 лет на вопрос, сколько слов во фразе «стул — стол» отвечает правильно — два, а во фразе «собака бежит» или «лимон кислый» — одно, т.е. ребенку 3–5 лет трудно абстрагировать слово от обозначаемого им объекта (там же, с. 88). «Слово, обозначающее действие (равно как и качество), легко употребляется ребенком практически, но еще не выделяется как слово, не осознается... Еще сложнее осознаются ребенком вспомогательные слова (предлоги, союзы)» (там же, с. 89). «Эмансипация от влияния непосредственного опыта и укрепление речевой инструкции появляется примерно только к 3,5 годам» (там же, с. 124), а «побуждающая функция речи возникает раньше, чем ее тормозящая функция» (там же, с. 128). Автор отмечает, что «удержание дифференцирующей инструкции в устной речевой форме еще не означает выработки дифференцированной формы реакции по этой инструкции» (там же, с. 129). А.Р. Лурия считает, что «развитие произвольного действия ребенка начинается с практического

действия, которое ребенок производит по указанию взрослого; на следующем этапе он начинает пользоваться своей собственной внешней речью, сначала сопровождающей действие, а затем опережающей его...; наконец, на дальнейшей стадии развития эта внешняя речь ребенка «интериоризируется», становится внутренней речью, которая принимает функцию регуляции поведения... Так возникает сознательное опосредованное речью произвольное действие ребенка» (там же, с. 119).

Важным дополнением к этой закономерности является структурный анализ осознания различных знаковых ситуаций детьми старшего дошкольного возраста, выполненный в обширном экспериментальном исследовании Н.Г. Салминой. Она установила, что «осознание семиотических аспектов речевой деятельности, игры и рисования в этом возрасте отстает от практического владения ими; в различных видах деятельности более успешно развивается осознание одних семиотических аспектов и менее успешно — осознание других. Так, различие между замещаемым и заместителем более успешно осознается в игровой, а используемый алфавит — в речевой деятельности» (Салмина, 1988, с. 162).

По данным Н.Г. Салминой, количество адекватных объяснений старшими дошкольниками (6–7 лет) различий между замещаемым (реальный предмет, явление) и заместителями (игрушка, копия предмета, условный предмет и т.д.) существенно увеличивается от речи к игре, в то же время «речевая деятельность опережает игру, особенно рисование, в формировании способности осознания используемых алфавитов и правил сочетания его единиц и принципов перевода замещаемого содержания на знаково-символический язык» (там же, с. 157). Тенденция к осознанию используемого алфавита и правил сочетания наиболее выражена для речевой деятельности и наименее — для изобразительно-графической; игровая деятельность занимает промежуточное положение. Как считает Н.Г. Салмина, осознание связей между замещаемым предметом и заместителем, будь то мотивированные (предмет — признак предмета; сходство с предметом его заместителя), произвольные (условные) или сформировавшиеся в ходе исторического развития, может базироваться на индивидуальном опыте самого ребенка, тогда как для осознания исторически развивающихся связей замещаемого и заместителя требуется более широкий круг знаний (там же, с. 156).

Таким образом, в осознании **связи** замещаемого и замещающего детям легче дается действие (игра), затем восприятие (образ) и, наконец, речь; а в осознании **механизма** замещения порядок иной: речь — действие (игра) — восприятие (образ, рисование).

Н.Г. Салмина фиксирует начальные этапы освоения знаково-символических систем в разных видах деятельности как характерные с точки зрения освоения разномодальных средств: «в игровой — действия, затем добавляется объектная взаимозаменяемость, замещаемость, расширение и изменение характера заместителей и уже позднее воспроизведение отношений между людьми (взятие роли на себя). В изобразительной деятельности — сначала отображение объектов, развитие симулянтанизации, узнавание, освоение графических штампов и лишь позднее умение выделять и фиксировать действия, отношения знаково-символическими средствами. В речевой деятельности осуществляется освоение линейных средств. Здесь быстрее, чем в других деятельности, происходит выделение различных категорий замещаемого (объектов, действий, свойств и отношений) и фиксация их различными языковыми элементами. Развитие семиотической функции происходит через изменение семиотических линий внутри отдельных видов деятельности к формированию общесемиотического плана — развитию компонентов семиотической функции, деятельности со знаково-символическими средствами» (Салмина, 1988, с. 168).

Другим важным открытием в изучении детского сознания можно считать вывод А.Н. Поддьякова о наличии у детей достаточно высокого уровня исследовательского сознания.

Изучая возможности детей в самостоятельном познании сложных объектов и ситуаций, он выявил более высокий уровень этих возможностей, чем это предполагалось ранее. Согласно экспериментальным данным А.Н. Поддьякова, наиболее высокие результаты исследовательской деятельности детей по осуществлению полного комбинаторного перебора четырех факторов в процессе самостоятельного исследования сложного объекта выявлены у младших школьников по сравнению с дошкольниками и взрослыми. Более того, дети рефлексировали способы организации собственных действий (Поддьяков, 2000).

С.Д. Латушкин и В.В. Рубцов, исследуя креативную функцию сознания, определяют основные этапы развития данной функции в онтогенезе при предположении, что креативная функция сознания реализуется по схеме «действие — объект — знак».

На наш взгляд, предполагаемый авторами онтогенетический ряд может быть перенесен на сознание в целом. Согласно С.Д. Латушкину и В.В. Рубцову, сознание возникает и функционирует в системе опосредованных, взаимозамещаемых и нередацированных структур отношений. Креативный уровень сознания,

по мнению авторов, определяется обратимыми динамическими трансформациями трех типов структур: предметных (задаваемых свойствами объектов), операциональных (задаваемых операциями с этими объектами) и специфических знаковых структур, задаваемых связанными символами (знаками объектов и операций). Генезис сознания обусловлен ситуацией разрыва изоморфизма структур отношений и необходимостью создания специальных средств сокоординации взаимонесводимых структур. Функционирование сознания требует формирования субъектом особых знаковых (знаково-символических) объектов, фиксирующих несводимость различных структур, с одной стороны, и их тождество, «схваченное» сознанием, с другой (Латушкин, 1988).

Логика креативной функции сознания, согласно исследованию С.Д. Латушкина и В.В. Рубцова, соотносится с идеей «авторской модели мира» по Ю.А. Аксеновой, которая наряду с «мифопоэтическим образом мира» (субъект неотделим от мира) и «научным образом мира» (субъект познания отделен от мира) считает возможным конструирование каждым субъектом новой — «объективной — картины мира и, таким образом, умножение субъектов конструирования» (Аксенова, 2000, с. 22). Как считает Ю.А. Аксенова, «процесс осознания человеком себя как субъекта создания модели мира с целью познания, освоения объективной реальности, по-видимому, связан с разграничением в сознании субъектоориентированной картины мира и картины мироустройства» (там же).

Таким образом, предметное (объект), операциональное (действие) и знаковое сознание «контактируют» («сокоординируют», в терминологии С.Д. Латушкина и В.В. Рубцова), порождая новый знаково-символический объект (сконструированная субъектом новая «объективная» картина мира по Ю.А. Аксеновой), **освобождая** человека от жесткой привязанности к внешним условиям жизни (посредством искусственного конструирования новой реальности, соответствующей новой картине мира).

Субъектоориентированная, или индивидуальная, картина мира возникает (конструируется), конечно, не случайно. Можно предположить, что «авторская модель мира» отвечает определенной смысловой направленности сознания в пространстве собственной жизни человека, т.е. соответствует определенной смысложизненной ориентации. Смысл как структурный элемент деятельности, сознания и личности связывает между собой эти три психологические реальности, а также объективную действительность (Леонтьев Д.А., 1999). Смысл не существует в сознании в готовом виде. Именно в процессе осмысления себя в этом мире, в процессе соотношения

себя с другими людьми происходит подтверждение или изменение диспозиций в смысловом строении сознания.

Наиболее показательным в этом аспекте является подростковый возраст, когда происходит овладение «внутренним миром», «возникновение жизненного плана» (Выготский, 1982а), становится необходимо «мыслить свою жизнь не как серию случайных, разрозненных событий, а как целостный процесс, имеющий определенное направление, преемственность и содержание» (Кон, 1984, с. 205.)

Возникновение проблемы смысла жизни обычно является одним из показателей роста личности. Личность как бы «вырастает» из прежней жизни, оставляет «накатанный» путь и стоит у развилки дорог: продолжать идти в том же направлении или избрать иной путь?

Смысл жизни — самое обобщенное смысловое образование системы личностного целеполагания. Оно может быть представлено во внутреннем мире индивида в различных формах (может осознаваться или не осознаваться), но, являясь системой идеалов, построенных на взаимопроникновении познания и реальности, составляет смысловой стержень жизни личности. Именно содержательная и структурная организации смысложизненных ориентации отличают цельное внутреннее бытие от «рассеянного» существования.

В.А. Петровский рассматривает поиск личностного смысла собственной жизни как одну из форм проявления «активно-неадаптивных тенденций самосознания» (Петровский В.А., 1996, с. 161).

Иерархическая структура смысложизненных ориентации (в отличие от линейной у М. Рокича) характеризует не только ранг ведущих ценностей, но и соотношение между ведущими и подчиненными компонентами.

Системный характер смысложизненных ориентации предполагает наличие целей-ценностей в качестве элементов системы ценностей и отношений между ними. Таким образом, смысложизненное пространство личности образует целостность, которая обладает свойствами, несводимыми к свойствам элементов, составляющих эту систему; а также обладает многомерностью, многоуровневостью, относительной устойчивостью, как и сознание в целом.

2.4. Язык и сознание

Язык — материальная форма существования (Шорохова, 1961) и необходимое условие возникновения сознания (Рубинштейн, 1957). В синхроническом плане достаточность языка

для существования сознания представляется проблематичной. М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский отмечают, что «языковая форма понимания сознания... не должна накладываться целиком на область сознания. Мы не можем сказать: “Где есть язык — там есть сознание”» (Мамардашвили, 1999, с. 37).

С.Л. Рубинштейн, утверждая, что без языка нет сознания, что язык — форма сознания человека, вместе с тем отмечает неправомочность отождествления сознания с языком, сведения его к функционированию языка. «Не слово само по себе, а общественно накопленные знания, объективированные в слове, являются стержнем сознания» (Рубинштейн, 1957, с. 280).

Согласно М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорскому, «отличие сознания от языка может быть зафиксировано в отдельных описуемых случаях мышления и языка» (Мамардашвили, 1999, с. 38). Авторы считают, что «сознание невозможно понять посредством лингвистического исследования текста», так как «текст может быть создан без сознания, в порядке объективного знания или спонтанно... Сознание появляется в тексте не в силу каких-то закономерностей языка, то есть изнутри текста, но исключительно в силу каких-то закономерностей самого сознания» (там же).

А.Н. Портнов, рассматривая основные парадигмы философского исследования проблемы, определяет формулу «язык и есть сознание» как догматическое истолкование идеи о «языке как действительном сознании» (Портнов, 1994, с. 31). Он «опирается» на «странным образом обойденное почти всеми интерпретаторами» положение Гумбольдта о диалогическом, интерактивном характере языкового сознания (там же, с. 40). Одним из первых Гумбольдт обратил внимание на «диалогически-коммуникативную природу сознания» (там же, с. 84). Что касается проблемы самого сознания, то А.Н. Портнов, констатируя наметившийся «прорыв к теории сознания», видит методологическую основу описания сознания в «соединении диалектического и феноменологического методов» (там же, с. 14, 363).

На наш взгляд, проблема языка и сознания включает в себя как минимум две подпроблемы:

- являются ли словесная и другие знаковые формы сознания тождественными (эквивалентными) по сути или между различными знаковыми формами проявления сознания существуют качественные различия, детерминированные качественной спецификой того или иного языка как знаковой системы;
- являются ли структурно-эквивалентными диахронический (эволюционный, филогенетический) и синхронический под-

ходы к анализу соотношения языка (знаковой формы) и сознания. Если нет, то могут ли в уже существующем (сформированном) сознании функционировать индивидуальные (уникальные) или сходные онтогенетически сформированные несловесные знаковые формы сознания.

Недифференцированность проблем языка и сознания, в частности, недифференцированность словесных и других знаковых систем в проблеме сознания приводит к слишком общим суждениям типа: сознание есть всегда словесно означенное отражение (где нет знака, там нет и сознания) (Спиркин, 1972); системообразующим фактором и движущей силой становления сознания в антропогенезе была знаково-речевая сигнализация (Чуприкова, 1999).

В контексте дифференциации различных проблем языка и сознания актуально суждение Е.П. Велихова, В.П. Зинченко и В.А. Лекторского о недостаточности слова как прибора для изучения сознания, неполноте данности сознания в слове и необходимости анализа также предметного действия и чувственного образа при изучении сознания (Велихов и др., 1988).

Несомненно, что концептуальная линия культурно-исторической психологии Л.С. Выготского прежде всего и более всего связана с материалом словесного, речевого сознания. А.Р. Лурия связывает открытие Л.С. Выготского с положением о смысловом и системном развитии значения слова (Лурия, 1979). По мнению А.Р. Лурии, Л.С. Выготский «сближал факт развития значения слова с фактом развития сознания... поэтому учение о развитии смыслового и системного значения слова может быть одновременно обозначено как учение о смысловом и системном развитии сознания» (там же, с. 52). В этом контексте понятен тезис автора о слове как элементе, формирующем сознание посредством аннотативной, референтной функции слова, т.е. обозначении через слово предмета, действия, качества (свойства) и отношения. В отличие от человеческого «язык» животных не обозначает постоянной вещи, признака, свойства, отношения, а лишь **выражает состояние** или **переживания** животного. Поэтому он не передает объективную информацию, а лишь **насыщает** ее теми же переживаниями, которые наблюдаются у животного в то время, когда оно испускает звук... и производит известное обусловленное аффектом движение» (там же, с. 28). У человека же благодаря слову «мир удваивается». «Человек без слова имел дело только с теми вещами, которыми он мог манипулировать. С помощью языка, который обозначает предметы, он может иметь дело с предметами, которые непосредственно не воспринимались и которые ранее не входили в состав его собственного опыта» (там же, с. 37).

Удвоение мира посредством слова существенно расширяет возможности человека и позволяет ему:

- произвольно вызывать те или иные образы независимо от их реального наличия, т.е. произвольно управлять этим вторым миром;
- оперировать предметами даже в момент их отсутствия;
- передавать опыт от индивида к индивиду, усваивать опыт.

Как отмечает А.Р. Лурия, «с появлением языка как системы кодов, обозначающих предметы, действия, качества, отношения, человек получает как бы новое измерение сознания» (там же, с. 38).

Вслед за Л.С. Выготским А.Р. Лурия отмечает абстрагирующую, обобщающую, анализирующую функции слова, фиксируя, таким образом, **категориальное значение слова**. «Каждое слово не только обозначает предмет, но... и выделяет признак, существенный для этого предмета, анализирует данный предмет», т.е. слово анализирует и обобщает, относит к предметной категории, а «обобщение есть важнейшая операция сознания» (там же, с. 43). Удвоение мира посредством слова, в свою очередь, может виртуализировать **контакт** и неизмеримо расширять внутреннюю **свободу** человека. Как пишет А.Р. Лурия, «переход значения слова на стадию отвлеченных понятий не только обеспечивает значительно более совершенную переработку получаемой информации, но вместе с тем придает познавательным процессам ту свободу, о которой говорил еще А. Гельб...» (там же, с. 81).

А.Р. Лурия не прошел мимо вопроса о механизмах продуцирования речи, порождения сознания и высказывает предположение о том, что высказывание исходит из «первичной **мысли**, или замысла, которые лишь затем превращаются в систему слов, образующих фразу» (там же, с. 154).

Таким образом, и в работе А.Р. Лурии, помимо идеологии языкового сознания (слово — клеточка сознания), мы обнаруживаем положение о других средствах (формах) сознания, которые, в частности, «регулируют селективность (определяют верность — неверность выбранного слова в случаях равновероятного «всплытия слов»)» (там же, с. 114), определяют замысел или «первичную мысль», определяют наглядно-действенный характер «сознания умственно отсталого ребенка» (там же, с. 70).

В медико-психологической практике наблюдается достаточное количество фактов, доказывающих нетождественность сознания и речи как материального средства существования языка при всей их тесной взаимосвязи. А.М. Иваницкий, ссылаясь на исследования

О.А. Сидоровой, утверждает, что потеря речевой функции еще не приводит непосредственно к нарушению сознания. Больной сохраняет свою ориентировку во времени и пространстве и в случае обратного развития болезни, как это нередко бывает при поражениях сосудистого генеза, может полностью воспроизвести свои переживания и ход событий за период выпадения речевой функции. С другой стороны, как отмечает А.М. Иваницкий, сознание может быть нарушено и при сохранении речевой функции. Так, при старческом слабоумии — болезни Альцгеймера — описан так называемый «симптом зеркала». Он проявляется в том, что больной, увидев в зеркале свое изображение, принимает его за другого человека и вступает с ним в беседу. В данном случае вряд ли можно говорить, что больной находится в полном сознании, хотя речь у него формально сохранена (Иваницкий, 1994).

В какой форме реализуется сознание в этом и множестве других случаев несловесной представленности фактов сознательной регуляции деятельности, поведения?

Все еще уникальной и проливающей свет на эту проблему является работа Е.Ю. Артемьевой по психологии субъективной семантики (Артемьева, 1999). В проведенном Е.Ю. Артемьевой исследовании приводится убедительное доказательство (в прямом и обратном экспериментах) существования визуальной семантики форм. При восприятии визуально-представленных объектов «существуют как бы два этапа квалификации объекта: его “допредметная”, грубая эмоционально-оценочная квалификация и собственно предметное, категориально-понятийное рассмотрение» (там же, с. 121).

Согласно Е.Ю. Артемьевой, «существует единый механизм семантического атрибутирования разномодальных объектов и вообще объектов любой природы. Объект мира презентуется субъекту своим единообразно оцениваемым семантическим кодом» (там же, с. 122). Исследования Е.Ю. Артемьевой показали, что пространство, время и социальный мир оцениваются человеком в разных «метрических» системах. Субъективная интерпретация объектов различного типа (изображения, временные интервалы, ситуации) при ретроспективном анкетировании оказалась связанной с существенно разными категориями, используемыми испытуемыми. Для изображений — это прямые и метафорические свойства объекта; для временных интервалов — свойства объекта «для меня»; для ситуаций — свойства объекта, воздействующие на оценивающего и свойства объекта «для меня» (там же, с. 146). Обоснование «визуальной семантики», т.е. доказательство существования стабильной структуры оценок отношения к визуально представленным фор-

мам осуществлено Е.Ю. Артемьевой совместно с Л.С. Назаровой в «обратном» эксперименте, когда испытуемые, не участвовавшие в оценивании, по оценкам других испытуемых узнавали объекты или их изображения (там же, с. 205).

Более того, в исследованиях Е.Ю. Артемьевой показано «взаимопроникновение частных семантик»: визуальной, вкусовой, цветовой и т.д. Испытуемые находили аналоги объектов одной природы среди объектов другой природы. При этом аналогами являлись объекты, имеющие идентичные семантические коды. По мнению Е.Ю. Артемьевой, существуют как модальные семантики (и соответственно сознания) — тактильная, обонятельная, визуальная, вкусовая и т.д., так и семантики немодальной природы: временные интервалы (сознание времени); семантика объектов социальной природы (восприятие человека человеком); объектов материальной культуры. Можно утверждать, что взаимопроницаемость (взаимопроектируемость) этих семантик обеспечивает «семантическое единство субъективного мира».

В контексте исследований Е.Ю. Артемьевой становится понятной категоричность утверждения Э.Б. Маркаряна о том, что сознание не имеет иного бытия, кроме как в языке. Нам непосредственно дан только язык, и только в нем — содержание сознания (Маркарян, 1976). К счастью, языков оказывается много — язык образов, звуков, запахов, касаний и т.д., и оказывается, что действительно, как утверждает О.А. Донских, язык — это любой способ намеренного обращения одного существа к другому или к самому себе, и сознательность оказывается более важным критерием языка, чем передача информации и коммуникация (Донских, 1993).

Некоторую систему или «семейство возможных языков, с помощью которых люди описывают мир и себя в нем или мир в себе» выстраивает В.П. Зинченко:

- язык тела и мозга;
- язык движений, действий, жестов;
- язык мимики, выразительных движений;
- язык образов, синестезий;
- вербальные языки;
- языки моторных программ;
- иконические языки;
- символические языки;
- метаязыки;
- глубинные семантические структуры;
- язык смыслов (Зинченко, 2002, с. 298–299).

Как отмечает автор, различные науки и сам человек, пытаясь понять другого человека или самого себя, используют различные языки (там же). В этом смысле, согласно В.П. Зинченко, «трансляция самому себе — это перевод значения на язык смысла» (там же, с. 318). Предположение В.П. Зинченко о «структурном сходстве моторного, визуального и вербального языков описания мира» (там же, с. 304–306) перекликается с ранее приведенными утверждениями Е.Ю. Артемьевой.

Имея в виду существование и, возможно, параллельное функционирование не одного, а целого семейства языков, можно объяснить множество фиксируемых В.М. Аллахвердовым парадоксов сознания, в частности, то, что «с помощью языка, то есть всего лишь инструмента для выражения “доязычных” мыслей, в наших мыслях может появиться то, чего в них не было» (Аллахвердов, 2003, с. 146). Здесь, очевидно, язык — это «синкретичное» объединение множества языков. В этом контексте становится понятной идея В.М. Аллахвердова о множественности сознания. Автор выделяет четыре, по-видимому, типа сознания: сенсорное, моторное, сенсомоторное и самосознание, причем «разные сознания, которые получают разную информацию от внешнего мира, содержат собственный канал обратной связи, позволяющий корректировать свои гипотезы, и при этом обрабатывают поступающую информацию разными способами» (там же, с. 311–312). Может происходить поочередное осознание содержания разных одновременно работающих сознаний (там же, с. 314).

В связи с вышесказанным любопытно отметить, что, практически разрабатывая тему внутренней активности субъекта в процессе амплификации индивидуального сознания, Т.М. Буюкас и О.Г. Зевина фиксируют синхронно-последовательное использование в психологической работе как базовых средств «спонтанно порожденных образов, с которыми субъект вступал в диалогические отношения, используя язык соматики, эмоций, желаний» до «смыслового принятия» (Буюкас, Зевина, 1999, с. 50–61).

В соответствии с культурно-историческим подходом Л.С. Выготского формы или языки проявления и развития сознания можно принципиально дифференцировать по критерию естественного (органического) или искусственного (высшие психические функции) происхождения и функционирования (Выготский, 1982а).

В социально нормированных формах поведения, как предполагает В.Ф. Петренко, носителями значения могут выступать ритуалы, выразительные движения, танцы, жесты и т.д. (Петренко, 1988, с. 9).

Определенная систематизация языков в этом плане содержится в работе Ю.С. Степанова (Степанов, 1971).

С позиций популяционного механизма формирования полиморфизма межполушарной асимметрии мозга человека эту проблему рассматривает В.В. Аршавский. Согласно автору, заложенный природой фундаментальный принцип функциональной межполушарной асимметрии человека определяется семантическими характеристиками, связанными с эволюцией образа и слова от знака естественного к знаку искусственному. Эта закономерность прослеживается и в онтогенезе каждого человека, и в филогенезе человека как вида (антропогенезе), и в развитии культуры человеческого общества в целом (Аршавский, 1999).

Естественно-языковую природу сознания исследуют Е.Ю. Артемьева, В.Ф. Василюк, В.П. Зинченко и др. Что касается искусственно-языковых механизмов функционирования сознания, то любопытный обзор и концептуальный поиск находим в работе Н.Г. Салминой. Она анализирует различные схемы (концепты) знакового порождения и функционирования: семантический «треугольник» Фреге — Огдена — Ричардса (предмет — знак — значение); «квадрат» Л.А. Абрамяна (предмет — знак — адресат — отношение); «сикстет» Р. Якобсона (отправитель — получатель — контакт — шифр — контекст — сообщение) — и конструирует оригинальную схему, позволяющую осуществлять содержательный психологический анализ «знаковой ситуации» (Салмина, 1988).

Графически можно представить концепт Н.Г. Салминой следующим образом (рисунок 1).

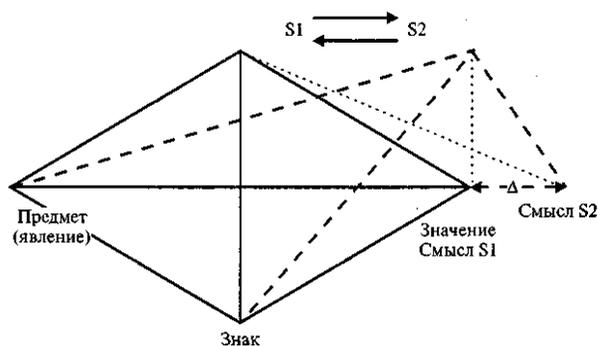

Рис. 1. Модель взаимосвязи идеальных (знаково-символических) и реальных (предметных) явлений в системе субъект-субъектных отношений

На рисунке обозначено смещение значения (смысла), т.е. степень несовпадения воспринимаемой информации (сообщения) отправителем и получателем, в терминологии Р. Якобсона. Этот сдвиг значения (смысла) может быть вызван как «внешними» по отношению к субъектам — адресату и адресанту — обстоятельствами (например, различной идентификацией предмета/явления или знака), обусловленными различными контекстами, так и индивидуальными особенностями взаимодействующих субъектов, включая намеренное смещение значений (смыслов) одним из партнеров для достижения определенных целей (изменение направленности сознания или расширение сознания).

В нашем исследовательском опыте изменение направленности сознания достигалось простой процедурой опроса, в котором студенты 2-го курса педуниверситета последовательно самостоятельно определяли словосочетания: «хороший учитель», «уважаемый учитель», «красиво» работающий учитель», «высококвалифицированный учитель». В соответствии с ранее выявленной структурой учебно-профессионального сознания (Акопов, 1989а; 1991а) ответы были сгруппированы по категориям: знание специальности, методические умения, использование психологии в работе, профессионально важные личностные качества и организационные умения.

Количественная представленность структурных составляющих (категорий) учебно-профессионального сознания студентов оказалась зависимой от качественной определенности (направленности) сознания (таблица 1).

Если в структуре учебно-профессионального сознания студентов объединить компоненты узкопрофессионального характера (операциональная, действенная установка), а именно: знания по специальности, методику работы, организационные умения; и компоненты, выражающие ценностную (созерцательную) установку (психология в работе, личностные качества специалиста), то, согласно данным, приведенным в таблице 1, окажется, что языковой форме сознания «высококвалифицированный учитель» более (частотно) соответствует технократическая установка, а форме «хороший учитель» — гуманистическая установка сознания.

Серьезные изменения в образе жизни человека начала нового тысячелетия (информатизация, глобализация, полиидентификация и т.д.) определяют новые языки коммуникации и, соответственно, типы индивидуального, группового, социального, профессионального, родительского и множества других сознаний. Соотношение операционального (действенного) и ценностного (созерцающего) сознаний становится все более слож-

Таблица 1

ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ ФОРМ СОЗНАНИЯ К ЯЗЫКОВЫМ ФОРМАМ
СОЗНАНИЯ СУБЪЕКТА (%)

Компоненты представлений	Направленность сознания			
	Хороший учитель	Уважаемый учитель	«Красиво» работающий учитель	Высококвалифицированный учитель
Знания по специальности	60	30	16	65
Методика работы	51	14	37	39
Психология в работе	46	19	42	30
Личностные качества	65	77	63	51
Организационные умения	15	9	7	28
Объем представлений	237	149	165	213

но опосредованным. Уходит в прошлое развернутый сложно-составный и сложноструктурированный обилием контекстов письменный язык, «письменная ментальность» (см.: Шкуратов, 1990; Шкуратов, 1997). Текст вытесняется все более изощренно технически воплощенными образами. Соответственно, резко возрастает значение невербальной коммуникации (см. работы В.А. Лабунской). Смыслы и контексты группируются уже в ином пространстве — звуковом, кинестетическом и пространстве «видеодигмы» (В.А. Шкуратов), вытесняющем семиосферу (А.Г. Асмолов, В.П. Зинченко, Ю.М. Лотман). Звуковой ряд, интонация, пластика движений, ритм дыхания и т.д. и т.п. все более определяют основное содержание социальной и индивидуальной жизни человека. Можно говорить о прогрессе или диалектическом движении вспять, но с существенно новым техническим и технологическим сознанием, невозможно лишь оценочно подойти к этим «превращенным формам»; т.е. это не плохо и не хорошо по сравнению с причинной (детерминационной) бесконечностью прошлого и целевой (свободной) бесконечностью будущего

(Д.С. Мережковский). Это уже другое качество сознания, в связи с чем понятен весьма возросший интерес или «поворот к языку», точнее, к языку как системе знаков. Как отмечает Г.М. Андреева, язык предстает не только как средство коммуникации, но и как «важнейшее средство социального познания и конструирования социального мира...» (Андреева, 2009, с. 78).

3.1. ОБЩЕЕ СТРОЕНИЕ СОЗНАНИЯ

Сознание — одна из наиболее широких и наименее определенных категорий в психологии. История фиксирует как крайние подходы к решению проблемы: сознание — синкретичное предметное поле психологии (от Х. Эренфельса до В. Налимова); сознание — поведение или «рефлекс рефлексов»; так и целый веер концептуально разнородных построений: интегратор («хозяин») психических процессов (Джемс, 1896), иерархия форм-содержаний сознания: существование, тело, окружающее пространство, время, собственная личность, собственное сознание (В.М. Бехтерев); структурированное (организованное) знание (В. Вундт); единство переживания и знания (С.Л. Рубинштейн), значение и смысл (А.Н. Леонтьев), оппозиции: Я – второе Я (В.П. Зинченко) и др. Достаточно общим моментом всех концепций является констатируемая авторами бинарность структуры сознания, что, видимо, отражает основной рефлексивный механизм проявления сознания; общий недостаток — операциональная непроработанность концепций; в тех же случаях, когда операционализация осуществима, она, как правило, связана с теми или иными составляющими сознания (внимание, отношение, ценности и т.д.). Не определены или недостаточно проработаны такие фундаментальные характеристики сознания, как объем, уровни, связность, динамика, нарушения и др. Новыми и достаточно перспективными являются исследования, расширяющие понятийное пространство сознания (групповое сознание, экономическое сознание, профессиональное сознание, провинциальное сознание и др.).

В фундаментальных работах Л.С. Выготского, помимо методологической последовательности, привлекает отсутствие схоластического теоретизма как старого, так и нового толка и, соответственно, возможность практического моделирования большинства выдвигаемых положений актуально доступными средствами.

Представляется неслучайным переход Л.С. Выготского от проблемы сознания к проблеме осознания в конкретном исследовании мышления и речи. Осознание вместе с произвольностью Л.С. Выготский считал основными и отличительными чертами высших психических функций. Трактовка осознания как системного обобщения, проходящего через «ворота научных понятий», конечно же, определяет формы и методы его измерения. Но обобщение еще не дает полной картины осознания. Согласно Л.С. Выготскому, в основе осознания лежит обобщение, приводящее к овладению осознаваемыми процессами. Данное положение можно отнести не только к процессам, но и к состояниям, и к свойствам личности. Бинарность структуры осознания подтверждается необходимостью каждой из выделенных Л.С. Выготским отличительных черт. Так, например, овладение состоянием беспокойства, опасений и др. тем или иным ритуализированным действием без понятийного освещения (обобщения) не приводит к осознанию явления, даже когда саморегуляционный механизм запущен и эффект достигнут. С другой стороны, обобщение без овладения остается «голым» именованием с неадекватным мотивационным обеспечением.

Эти и ряд других идей Л.С. Выготского, относящихся к разработке проблем сознания, требует дальнейшего осмысления и экспериментальной проверки.

В ряду теоретических изысканий отечественных психологов, посвященных проблеме сознания, особняком стоит ранняя работа В.М. Бехтерева «Сознание и его границы», не вписывающаяся в логику его последующих исследований (см. главу 1), но не потерявшая своей актуальности и сегодня. Под сознанием В.М. Бехтерев понимает «субъективную окраску», или субъективное, т.е. внутреннее непосредственно воспринимаемое состояние, которым сопровождаются многие психологические процессы (Бехтерев, 1888, с. 7), что более детально рассмотрено в разделе 3.2.

Небольшая работа В. Вундта «Сознание и внимание» интересна не столько в связи с тем, что в ней дается определение сознания («Сознание представляет собой сумму сознаваемых нами состояний»), сколько теми выводами, которые можно сделать из обсуждаемых экспериментов (Вундт, 1976). В опытах В. Вундта испытуемые осознавали либо отдельные удары метронома, либо пары ударов, т.е. определенный ритм, причем выяснилось, что осознание зависит от вопроса экспериментатора, первоначальной инструкции или задачи. Вывод, к которому можно прийти из этой серии опытов, заключается в том, что сознание представляет собой некоторое содержание (знание) и его организацию (схему), причем сама схема

может не осознаваться. Автор не затрагивает роли коммуникации в организации работы испытуемых.

Двойственность (бинарность) строения сознания (по Л.С. Выготскому, системная и смысловая структура) интерпретируется Д.Б. Элькониным как структура психических процессов: восприятия, памяти, мышления и т.д. (системность) — и обобщение как главная функция сознания (смысловая структура) (Эльконин, 1989, с. 28). Бинарную структуру сознания, но в ином составе находим у С.Л. Рубинштейна. Он, в частности, отмечает, что «...специфично для сознания как такового, в его отличие от психики в целом, предметное значение, смысловое, семантическое содержание...» (Рубинштейн, 1946, с. 11); и несколько далее: «...будучи выражением субъекта и отражением объекта, сознание — это единство переживания и знания» (Рубинштейн, 1946, с. 13). Общим является содержание сознания, выражающее процесс «осознания человеком окружающего мира и самого себя» (Рубинштейн, 1957, с. 280).

Анализируя «марксовскую концепцию сознания», С.Л. Рубинштейн фиксирует в качестве основных функций — отражение и отношение. Важнейшим психологическим дополнением философских изысканий для С.Л. Рубинштейна является вывод: «... реальное отношение человека к среде становится опосредованным через идеальное ее отражение, которое практически осуществляется в языке. Язык служит тем планом, на котором я фиксирую отражаемое мной бытие и проецирую мои операции» (Рубинштейн, 1973, с. 28).

Следует отметить, что языковой план, как главный признак сознания, часто теряется в работах психологов, явно или неявно использующих более широкую трактовку сознания как психического. Однако, если под языком понимается только речь, то теряется богатство проявлений сознания, имплицитно использующего другие языки (см. раздел 2.4).

Психологическое осмысление С.Л. Рубинштейном тезиса «Бытие определяет сознание» приобретает сегодня новое звучание. Анализируя состояние общественного сознания в итоге краткого периода перемен, можно обнаружить точное соответствие происходящего формуле: «Изменения в сознании, определенные изменениями бытия сами, в свою очередь, означают изменения условий, в которых осуществляется определение деятельности людей детерминирующими их — в значительной мере опосредованно через их сознание — объективными факторами» (там же, с. 36).

Не фиксируя внимания на проблеме необходимых и достаточных признаков проявления сознания, С.Л. Рубинштейн не обсуждает также задачи определения полноты выделенных проявлений

сознания: знание, отношение, целеполагание, планирование, самосознание и др. Ограничиваясь кругом общепсихологических проблем, он, к сожалению, не операционализирует понятия.

Разработка учения о сознании неотрывно связана с «учением о психологическом содержании и строении деятельности человека», так как, по выражению С.Л. Рубинштейна, «бездейственная сознательность, с одной стороны, и бессознательная действенность слепых реакций — с другой, были лишь двумя проявлениями одного и того же разрыва, одного и того же «обособления» сознания» (там же, с. 137).

Выдвинутый С.Л. Рубинштейном принцип единства сознания и деятельности определил выход из кризисного состояния психологии, заданного неконструктивным противопоставлением интроспективного и бихевиорального. Взаимообусловленность деятельности и сознания как общепсихологический принцип без учета диалектики общественного и индивидуального как в плане сознания, так и деятельности (практики), а также сложного соотношения действенного и созерцательного сознания не объясняет явлений неполноты, «разрыва», противоречивости сознания; двойной морали, антагонизма, экстремизма, мазохизма и т.д.; законного (истинного) и справедливого и др. Внутреннее психологическое содержание действий и поступков не всегда представлено в плане актуально осознаваемых явлений, поэтому поиск подтекста, т.е. такое изучения сознания, которое раскрывает «смысл его показаний в контексте мотивов и целей», хотя и «составляет преимущественную, наиболее специфическую задачу собственно психологического изучения сознания» (там же, с. 149), однако не исчерпывает всего предмета психологического исследования сознания (См.: Большой психологический словарь, 2003).

Другая проблема взаимосвязи деятельности и сознания, обусловлена этическим и «эстетическим планом человеческой жизни, человеческого отношения к миру» (там же, с. 62). Отчетливо поставленная С.Л. Рубинштейном в связи с вопросами отношения к природе, эта проблема, к сожалению, не нашла своего продолжения в установках деятельностного подхода. Его развитие в программах нравственной (христианской) психологии было весьма успешно осуществлено в работах Б.С. Братуся. Сегодня, говоря о духовной культуре, мы имеем в виду также характер отношения к объекту и средствам деятельности, будь то игра, познание, труд или общение. Без постановки соответствующей проблемы невозможно понять, почему одну и ту же деятельность различные люди выполняют по-разному (политические, экономические, социальные, психологические и др. цели и результаты).

Категория «общение» в ее связи с сознанием не внесена С.Л. Рубинштейном в список общепсихологических понятий первого ранга и, соответственно, не обсуждается как проблема общей психологии. Естественная утрата традиционных культурных форм, в частности, обрядовых и церемониальных форм общения в своих последствиях все более остро убеждает в правоте тех, кто отстаивает право общения на «автономное» от деятельности существование. «Самостоятельность» общения обеспечивается тем в большей степени, чем более общение исследуется в его неосознаваемой части. В этом смысле общение является дополнительным к деятельности видом человеческой активности и задает реально существующее противоречие. Достаточно проанализировать многочисленные случаи несовпадения «благих» намерений и конечного результата, в частности, те случаи, когда способ или стиль общения не включен в структуру деятельности.

Апелляция к личностным особенностям или деформациям и индивидуальной чувствительности мало что объясняет вне связи с законами общения.

Личность как «целостная совокупность внутренних условий», по С.Л. Рубинштейну, включает компоненты, обусловленные природными и общественными условиями. Такая структура позволяет С.Л. Рубинштейну различать индивидуальные свойства личности и личностные свойства индивида (человека). К последним относятся система мотивов, свойства характера и способности человека. Выработка данного подхода с последующей операционализацией понятия была завершена в работах К.К. Платонова. Однако и здесь практически не находит места важнейшее качество личности как носителя сознания, субъекта деятельности и общения. Сегодня уже трудно отказаться от тех свойств личности, которые обусловлены статусом человека, его ролевыми установками и системой отношений. «Без сознания, без способности сознательно занять определенную позицию нет личности», — подчеркивал С.Л. Рубинштейн. Очень важным представляются пояснения С.Л. Рубинштейна в связи с понятиями «субъект» и «индивидуальность», по разному определяемыми в различной учебной литературе, что относится также к определениям содержательных сторон проявлений характера и способностей.

Формирование–развитие, становление–воспитание — что предпочесть, как обеспечить? Эта проблема как проявление объективного противоречия между институтами государства и общества, свободой и необходимостью находит свое решение в работах С.Л. Рубинштейна. Вновь с неизбежностью возвращаемся сегодня

к положению С.Л. Рубинштейна о взаимообусловленности обучения, воспитания и одновременного психологического изучения детей (Проблемы общей психологии, 1976). В условиях массовой школы организационное обеспечение этого принципа реализуется иначе — через специализированную психологическую службу школы.

Формулируя принцип единства развития и обучения-воспитания, С.Л. Рубинштейн имеет в виду обучение, которое «предполагает в качестве начального или завершающего звена «научение» в процессе выполнения такой деятельности, которая выходит за пределы собственно «учения» как специфической учебы» (там же, с. 192). Мы находим подтверждение этой мысли в идеях педагогики сотрудничества, коллективных творческих дел и др., выражающих установку включения учащихся в разнообразную и полноценную жизнь общества, а не только подготовку к ней как таковую.

Необозримость объектов сознания ставит перед исследователем, казалось бы, неразрешимую задачу изучения содержательных компонентов сознания. Любопытно в этом плане суждение В. Дильтея, который отмечает, что «при всей безмерной изменчивости содержания сознания всегда повторяются одни и те же соединения, и таким образом постепенно вырисовывается достаточно ясный облик их. Точно так же все яснее, отчетливее и вернее становится сознание того, как эти синтезы входят в более обширные соединения и в конце концов образуют единую связь» (Дильтей, 1924, с. 40).

Один из подходов к изучению смысловых компонентов сознания был обозначен А.Н. Леонтьевым: «Сознание должно быть психологически раскрыто в его собственной характеристике. Оно должно быть понято не как знание только, но и как отношение, как направленность» (Леонтьев А.Н., 1975, с. 265). Здесь позиция А.Н. Леонтьева тесно смыкается с точкой зрения В.Н. Мясищева, работавшего в русле теории отношений (Мясищев, 1965).

Таким образом, понятие сознания вновь характеризуется бинарной структурой, выраженной В.Н. Мясищевым следующим образом: «В понятие сознания входит как знание, “осознавание” объектов внешнего мира, так и отношение человека к осознаваемым объектам» (Мясищев, 1968, с. 13). Вторая характеристика сознания — отношение — очевидно, не всегда и не в полном объеме осознаваема, и ее непосредственное исследование требует иных средств. Однако заметим, что изучение первой, вполне осознаваемой характеристики, весьма часто дает возможность оценить также систему отношений. Для окончательного прояснения вопроса о сущности и структуре сознания обратимся к каноническим определениям.

В «Кратком психологическом словаре» (1985) сознание определяется как высший уровень психического отражения, присущий только человеку и эмпирически проявляющийся в совокупности чувственных и умственных образов.

Более определенно, как «отношение к миру со знанием», определяет сознание другой психологический словарь (Психологический словарь, 1997). Знаменательно, что в приведенных определениях противопоставлены две стороны сознания, а именно: процессы сознания (внимание, память, аффект и т.д.) и содержание сознания (если отношение понимать как «осознанное бытие»).

Недооценка второй стороны — содержания сознания — достаточно распространенная в психологии тенденция. На это обращает внимание М.И. Бобнева: «В работах некоторых психологов прослеживается тенденция исключить из сферы психологического анализа и исследования содержание сознания» (Бобнева, 1978, с. 80). Содержание субъективного мира личности, по мнению М.И. Бобневой, аналогично или выводится из «отношения» В.Н. Мясищева, «установки» Д.Н. Узнадзе, «смысла», «значения» А.Н. Леонтьева.

Рассмотренные ранее функции и свойства раскрывают те или иные структурные характеристики сознания. Они выражают качественную определенность сознания в целом и его структурных составляющих. В отношении психики проблема составных элементов, или «единиц», выражающих ее существенные свойства, была поставлена еще Л.С. Выготским, в отношении сознания ничего подобного сделано не было. Возможно, что здесь срабатывает отмеченная ранее тенденция отождествления психики и сознания, недостаточность учета специфики сознания. Поэтому для сознания мы находим много структурных построений, аналогичных структурному выстраиванию психики в целом. Так, еще А.А. Ухтомский в своих ранних работах в «едином сознании» выделял «потoki познания, чувствования и воли», отмечая, что «непосредственное сознание вполне удовлетворяется таким трехчастным делением душевной жизни и, мало того, желая иногда всю сознательную жизнь воплотить в одном из этих потоков, постоянно и принудительно вносит туда элементы двух других». В то же время, согласно А.А. Ухтомскому, эти три «взаимно простых» потока несводимы друг к другу (Ухтомский, 2002, с. 17).

А.Г. Спиркин в структуре сознания выявляет психические процессы ощущения, восприятия, памяти, воображения, внимания, мышления (Спиркин, 1972). В то же время в связи с вопросом осознания он отмечает, что «ощущения и восприятие не достигают

уровня сознания, не становятся фактом сознания и в том случае, когда человек, переживая то или иное воздействие, не соотносит свое переживание с вызвавшей их причиной» (там же, с. 98). Аналогично для мышления, которое, будучи оформлено в «сложные процессы обработки поступившей информации», в определенные моменты может не осознаваться (там же, с. 103). Таким образом, отдельный процесс, входящий в структуру сознания, не являясь *осознаваемым* некоторыми исследователями не включается в класс *сознаваемых* явлений (см. работы Аллахвердова).

В новых осмыслениях этой проблемы можно отметить релевантную ее постановку в контексте парадокса (апории) одновременной статичности и динамичности движущихся объектов в работе А.И. Бреннера. Автор рассматривает (структурирует) сознание как со-знание, т.е. как состоящее из двух видов знания:

- знания содержания переживаемых психических процессов и состояний;
- знания их отнесенности к себе.

Парадокс изменчивости содержания (I вид знания) и неизменности (устойчивости) знания о его отнесенности к Я (II вид знания) автор соотносит со статусной неоднородностью этих двух типов знаний следующим образом: «Из того, что всевозможные содержания сознания соотносятся с одним и тем же “Я”, никак не следует, чтобы это “Я” было не просто одним из содержаний сознания, а чем-то большим» (Бреннер, 2002, с. 6–8).

Похожее структурное деление находим у Н.П. Татаренко, согласно которому компонентами сознания выступают: сознание окружающего мира и сознание Я, его связей и отношений с окружающим миром, включая сознание схемы тела и сознание своей личности. Оба компонента, согласно Н.П. Татаренко, объединены в пространстве (место) и времени, что обеспечивает единство и непрерывность сознания (Татаренко, 1966).

В работе Л.Л. Рохлина находим значительно более развернутую структуру сознания. Выделяются следующие признаки:

- различие человеком субъекта и объекта, т.е. того, что принадлежит его Я и не-Я (выделение из окружения);
- самосознание, т.е. познание собственных психических процессов (выделение человеком его Я);
- сознание как регуляция поведения, как целеполагающая деятельность;
- сознание как сочетание знаний, как познание для ориентировки;

- сознание как упорядочивающая все психические отправления и познавательные процессы функция (единство психической деятельности, преемственность) (Рохлин, 1966).

Видимо, автор в этом перечне объединил функции и свойства сознания, обозначив их термином «структурные характеристики сознания», что, как мы убедимся далее, не лишено серьезных оснований. Но смущает количественный, хотя и в пределах «магического» числа 7 (± 2) рост признаков сознания.

В работе В.Н. Мясищева встречаем привычную бинарную структуру: «знание, осознание объектов внешнего мира... и отношение человека к осознаваемым объектам», т.е. единство **отражения** человеком действительности и **отношения к этой действительности**. Отражение В.Н. Мясищев тесно и непосредственно связывает с процессами познавательной деятельности; отношение — с избирательной и субъективной активностью личности (потребности, склонности, убеждения и т.д.) (Мясищев, 1966).

Возвращаясь к Л.С. Выготскому, находим исходную бинарность и для случая «семического анализа» как «единственного адекватного метода изучения системного и смыслового строения сознания» (Выготский, 1982). Системная и смысловая структура строения сознания интерпретируется Д.Б. Элькониным как структура психических процессов: восприятия, памяти, мышления и т.д. (системность) — и обобщение как главная функция сознания (смысловая структура) (Эльконин, 1989).

Б.Г. Мещеряков, предпринявший логико-семантический анализ концепции Л.С. Выготского, считает, что структурный анализ сознания у Л.С. Выготского строится, с одной стороны, как структурно-функциональный, т.е. системное (внешняя структура) строение в виде функциональных психологических систем и межфункциональных отношений, а с другой — как структурно-семантический анализ — смысловое (внутренняя структура) строение в формах значения и смысла (Мещеряков, 2000).

Ту же двойственность находим у С.Л. Рубинштейна, подчеркивающего, что специфичным для сознания как такового в его отличие от психики в целом является «предметное значение, смысловое, семантическое содержание» (Рубинштейн, 1946, с. 13), выражающее процесс «осознания человеком окружающего мира и самого себя» (Рубинштейн, 1957, с. 280).

В работе «Система психологии и теория отражения» К.К. Платонов, ссылаясь на С.Л. Рубинштейна, в качестве атрибутов сознания (неотъемлемые свойства, без которых не существует сознания)

рассматривает переживание, познание и отношение, выделяемые автором как атрибуты функций сознания (Платонов, 1982).

Переживание определяется К.К. Платоновым как акт сознания, не содержащий образа отражаемого и проявляющийся в форме удовольствия или неудовольствия (страдания), напряжения или успокоения. Перечисленные явления могут быть отнесены к потребности и эмоционально-волевой сферам.

Познание в обсуждаемой схеме К.К. Платонова включает четыре формы отражения: ощущения, мышление, восприятие и память. Наиболее важную роль в работе этих процессов играет образ.

Отношение, согласно К.К. Платонову, есть активная сторона сознания, обеспечивающая его регуляторную функцию. У человека отношение как мотив деятельности и как стремление к достижению цели проявляется через волю.

Таким образом, в первом варианте структуры сознания, по К.К. Платонову, можно идентифицировать такие известные образования психики, как знание, отношение (переживание) и действие (осознанность). Возможность перевода триады в диаду не представляет, на наш взгляд, большой сложности в логике установления эквиваленций между переживанием и отношением либо отношением и действием (оценкой, установкой).

В последующей работе К.К. Платонов расширил состав компонентов и выделил в целостном сознании четыре подструктуры, включив **переживания, познание, отношение** в первую группу атрибутов сознания, вне которых оно не существует. Ко второй группе отнесены свойства, определяемые динамикой **потока (содержания) сознания**: от кратковременных психических процессов через состояния до стойких свойств личности. Третья группа обозначена К.К. Платоновым как субъективный компонент форм психического отражения: **память, эмоции, ощущения, мышление** и т.д. Наконец, четвертая подструктура включает свойства, определяемые уровнем **ясности сознания** от полной потери сознания, неосознаваемых явлений до ясного сознания.

В системе К.К. Платонова подструктуры атрибутов, функций, уровней стойкости и уровней ясности определяют структуру сознания (Платонов, 1986).

Объединение функций, свойств и уровней, конечно, усложняет структурные построения, и эта сложность требует решения вопросов полноты (почему не учтены виды, типы сознания) и однородности — неоднородности составных компонентов как внутри подструктур, так и между подструктурами. Так, в последней подструктуре системы К.К. Платонова уровни неосознанного (бес-

сознательного) не могут быть отнесены к структурным образующим сознания по определению, если мы не отождествляем сознание и психику, а константная подструктура (уровень ясного сознания) не представляется необходимой для структурного описания сознания. Весьма важным компонентом структуры сознания, выделенным К.К. Платоновым, является редко упоминаемое «содержание сознания».

Как уже говорилось, необозримость объектов сознания ставит перед исследователями, казалось бы, неразрешимую задачу изучения содержательных компонентов сознания. Тем не менее, видимо, прав А.Г. Спиркин, утверждая, что «в постоянно меняющемся содержании есть нечто **инвариантное**», и определяя анализ сознания прежде всего как анализ его содержания, а уже затем — уровней и форм сознания (Спиркин, 1972, с. 84).

По поводу инвариантной составляющей сознания можно привести любопытные суждения А.А. Ухтомского о том, что «своему «случайному», обыденному существованию, задающему ряд вопросов, но не разрешающему их, сознание противопоставляет нечто непреложное, необходимое (то есть независимое от его **собственной** переменчивости), к которому оно стремится» (Ухтомский, 2002, с. 28). Объяснение этой константности А.А. Ухтомский находит в том, что «индивидуальное человеческое сознание во все времена не удовлетворялось и не удовлетворяется одиночным блужданием, обыденным объяснением всего из себя и через себя, но всегда искало и ищет твердых объективных истин, на которые оно могло бы положиться как на основания, заложенные раз и навсегда. С другой стороны, оно всегда находило и находит глубокое успокоение в том, что истина **существует** и что если оно, индивидуальное сознание, еще не достигло своего идеала — **познания** истины, то это лишь следствие случайных, чисто **субъективных** ее причин, реальная же истина не теряет от этого своей действительности» (там же).

Впоследствии так же, как у В.М. Бехтерева рефлексология, у А.А. Ухтомского доминанта «съела» сознание, которое заменилось понятием «разума инстинктов», неким стержнем, слепым и немотивированным для сознания, который продолжался через всю биографию и настойчиво определял ее (там же, с. 173).

Можно предположить, что именно проблема содержательного анализа сознания была первичной при разработке А.Н. Леонтьевым деятельностного подхода к изучению, в частности, смысловых компонентов сознания. Ключевое суждение А.Н. Леонтьева в этом вопросе формулируется следующим образом: «Сознание должно быть психологически раскрыто в его собственной характеристике.

Оно должно быть понято не как знание только, но и как отношение, направленность» (Леонтьев А.Н., 1975, с. 265).

Другой план проблемы сознания представлен в определении В.В. Давыдова, согласно которому сознание — воспроизведение человеком идеального образа своей целеполагающей деятельности и идеального представительства в ней позиции других людей (Давыдов, 1986). Следует отметить, что используемое в этом определении понятие идеального означает коллективно созданный людьми мир духовной культуры, мир исторически складывающихся и социально зафиксированных всеобщих представлений (там же).

Здесь, на наш взгляд, скорее представлен механизм порождения и функционирования сознания, что выражено в тезисе В.П. Зинченко о том, что интериоризации сознания, прорастанию его в индивиде всегда сопутствует возникновение и развитие оппозиции: Я – второе Я. Это означает, что сознание отдельного индивида сохраняет свою диалогическую природу и соответственно социальную детерминацию (Зинченко, 1991). Ценным представляется предложение В.П. Зинченко найти новые пути к анализу сознания, когда подсознание и бессознательное вообще не обязательны как средство (и тем более как главная цель) в изучении сознания (там же).

Рассмотрим в связи с этим развиваемую В.П. Зинченко (вслед за А.Н. Леонтьевым) структурную схему, которую можно назвать **бинарно-двойственной** структурой сознания. В этой структуре выделяется два слоя: **бытийный и рефлексивный**. Каждый из слоев, иногда называемых уровнями, в свою очередь, состоит из двух различных компонентов: **биодинамической ткани живого движения и чувственной ткани образа**, которые представляют **образующие** бытийного слоя, а **значение и смысл — образующие** рефлексивного слоя (там же).

Биодинамическая ткань определяется В.П. Зинченко как «наблюдаемая и регистрируемая высшая форма живого движения», т.е. как «материал, из которого строятся целесообразные, произвольные движения и действия». Согласно В.П. Зинченко, «мир производительной, предметно-практической деятельности соотносим с биодинамической тканью движения и действия как образующей бытийного слоя» (там же). Здесь, на наш взгляд, важно подчеркнуть, что **образующие** сами по себе могут не включаться в строение сознания в узком смысле этого понятия (нетождественного психике). Их осознание может происходить через «внутреннюю форму» движения и действия, которая «заполняется когнитивными, эмоционально-оценочными, смысловыми образованиями» (там же). Интерпретируя понятие биодинамической ткани,

В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев отмечают, что «внутренняя форма» движения и действия по мере их построения становится все более сложной; «подлинная целесообразность и произвольность движений и действий возможна тогда, когда слово входит во внутреннюю форму живого движения», что равносильно «взаимодействию бытийного и рефлексивного слоев сознания» (Слободчиков, Исаев, 1995, с. 190).

Другая образующая бытийного слоя сознания — чувственная ткань (основа образа) — включает «мир представлений, воображения, культурных символов и знаков» (там же). Согласно В.И. Слободчикову и Е.И. Исаеву, чувственная ткань образа есть «обобщенное наименование для различных перцептивных категорий (пространство, движение, цвет, форма и т.д.), из которых строится образ... Чувственная ткань образа в сознании объективно выражается в безотчетном переживании человеком «чувства реальности» (там же). Таким образом, чувственная ткань, как и биодинамическая, выступая в качестве образующей сознания, может не осознаваться человеком, обеспечивая тот или иной структурный слой собственно *сознания*.

Образующими рефлексивного слоя сознания, согласно В.П. Зинченко, выступают: мир идей, понятий, житейских и научных знаний (значения) и мир человеческих ценностей, переживаний, эмоций, аффектов (смыслы). Значение включает и значение слова, и содержание общественного сознания, усваиваемые индивидом. Значения классифицируются на операциональные, предметные и вербальные. В другой своей работе он выделяет четыре вида значений: операциональные, перцептивные, предметные и вербальные, что соответствует последовательности их возникновения в онтогенезе⁸ (Зинченко, 2006). Первые два класса значений (операциональные и предметные) связывают рефлексивный слой сознания с образующими бытийного слоя — биодинамической и чувственной тканью соответственно; третий класс (вербальные значения) образуют связку со смыслом внутри рефлексивного слоя. Смысл выражает пристрастность, личностную обусловленность знания: «по своей природе комплиментарен: он всегда смысл чего-то: образа действия, значения, жизни, наконец. Из них он извлекается или в них вкладывается» (Зинченко, 1991).

Возвращаясь к идее **контакта** и **свободы** как факторов и имманентных характеристик сознания, можно предположить, что значение выражает контакт человека с обществом (общественное

⁸ См. также классификацию значений А.П. Стеценко (1983).

сознание); смысл выражает, с одной стороны, контакт с бытием («укорененность индивидуального сознания в бытии человека», по В.П. Зинченко), с другой — свободу в присвоении, выборе, открытии, конструировании или созидании личностной самоопределенности.

Как отмечает В.П. Зинченко, биодинамическая ткань и значение доступны постороннему наблюдателю, различным формам регистрации и анализа. Биодинамическая ткань и значение «выступают перед посторонним наблюдателем лишь своей внешней формой. Внутреннюю форму движения, действия, значения, слова приходится «расшифровывать, реконструировать» (Зинченко, 1991).

В.П. Зинченко с соавт. утверждает, что сознание нельзя редуцировать ни к одной из его образующих: будь то значение, смысл, чувственная ткань или биодинамическая ткань. *Сознание* есть возможность и условие подъема над собственной структурой, а соответственно и над отраженным или сконструированным им миром, возможность ее оценки, смены доминанты, различных модификаций (Велихов, Зинченко и др., 1988).

Таким образом, авторы провозглашают отказ от абсолютизации структурной детерминации (образующие) сознания, расширяя пространство для новых построений и схем. По мысли авторов, «сознание — это свободное явление», и в то же время свобода сознания ограничивается бытием и культурой, в которых укоренены его образующие. Значит, сознание может быть свободно по отношению к самому себе, по отношению к своей собственной структуре. Оно, «рефлексирующее в себя», может ее развивать, может и разрушать (там же).

В последующих работах В.П. Зинченко счел необходимым расширить структуру сознания, дополнив ранее выделенные бытийный и рефлексивный слои духовным слоем (Зинченко, 1997), считая тем не менее смысл «первым, или главным, измерением человеческого сознания и бытия» наряду с пространством, временем и социумом, образующими второе измерение (Зинченко, 1998, с. 99). Здесь, как и ранее, В.П. Зинченко подчеркивает значение проблемы «означения смысла и осмысления значения» в работе понимания сознания (там же, с. 103), процессов трансформации значений и смыслов, составляющих «самое существо диалога, выступающих средством, обеспечивающим взаимопонимание» (Зинченко, 1991). В духовный слой сознания В.П. Зинченко включает в качестве образующих «личностные, персоналистические взаимоотношения «Я — Ты» (в смысле М. Бубера), представления об идеальном «Я»,

о совершенном человеке. Поэтому с духовным слоем связаны ценностные ориентации, идеалы, совесть; он же обеспечивает направленность развития личности» (Зинченко, 1998, с. 150).

К сожалению, вне поля концептуального внимания автора в этой работе осталась идея полифонического диалога и полифонии сознаний М.М. Бахтина.

Возвращаясь к ставшей классической формуле структуры сознания в концепции В.П. Зинченко (Зинченко, 1991), заметим, что современными исследователями бытийный и рефлексивный слой уже ассоциированы с функциями правого и левого полушарий, и рассматриваются как отражение биологического начала и социального взаимодействия человека (Тугушев, 1999). В работе В.И. Слободчикова и Е.И. Исаева структурные слои поименованы как бытийно-деятельностный и рефлексивно-созерцательный (Слободчиков, Исаев, 1995). Далее, видимо, можно будет говорить о созерцательном бытии и бытийном созерцании, рефлексивной деятельности и деятельности рефлексирования.

В.Л. Райков, возвращаясь к истокам концепции структуры сознания, критикует А.Н. Леонтьева по следующим основаниям:

- неясно, что такое чувственная ткань и каким образом она создает «образ мира»;
- личностный смысл как субъективное отношение к чему-то и значение, придаваемое чему-то, еще не есть механизм появления сознания, а всего лишь «то содержание, которое мы усваиваем уже сформировавшимся механизмом сознания» (Райков, 2002).

В свою очередь, В.Л. Райков структурирует сознание, выделяя в нем **биологическую составляющую**, связанную с процессом эволюции и связывающую человека с органическим миром; **психологическую составляющую**, связанную с «обучением», формированием вербального, языкового сознания; **социальную составляющую**, связанную с увеличением правил социального существования человека в определенный период истории (там же). Нетрудно усмотреть и в этой схеме биодинамическую и чувственную ткань (биологическая образующая), а также значение и смысл (психологическая и социальная образующие).

Из других подходов достаточно интересной представляется попытка И.В. Петривни определить «систему сознания» как структурированную совокупность явлений сознания в матричной форме, включающей по горизонтали слои, формы и миры сознания, а по вертикали — рефлексию. Однако множество вопросов вызывает

критерий выделения составных элементов, так как перечень: научное, нравственное, религиозное, правовое, политическое и т.д. сознание — скорее определяет различные виды сознания; житейские и научные знания, ценности и аффекты оказываются в одном блоке, а чувственная и биодинамическая ткань разведены до предела (Петривня, 1993).

Нам не удалось избежать соблазна выстроить еще одну структурную схему сознания, избрав в качестве основания для структуризации явлений сознания исторически сложившиеся в науке различные типы носителя сознания. Взяв за основу концепцию человека как индивидуальности (Ананьев, 1968) и структурируя проявления человека как индивида, субъекта и личности, можно говорить об **«индивидном сознании»**, обусловленном половозрастной спецификой и включающем эмоционально-образную, когнитивную и установочную (действенную) составляющие; **«субъектном сознании»**, функционально обеспечивающем целеполагание, планирование, прогнозирование, отношение и др.; **«личностном сознании»**, включающем статусно-ролевые и социально-установочные явления сознания.

Четвертый компонент — **«сознание индивидуальности»**, «замыкающее контур» индивидно-субъектного и личностного сознаний в рефлексивно выработанное **мировоззренческое сознание**, интегрирующее индивидный, субъектный и личностный опыт и потенциальные возможности человека. Специфика индивидного сознания в его нерефлексивности (дорефлексивности); субъектное и личностное сознание характеризуются рефлексивностью с отличием в типах рефлексии: предметно-деятельностная в первом и социально-личностная рефлексия во втором случае.

Общим для представленных выше подходов к структуризации сознания является их неунитарность относительно сознания или внутриспихологическая (отрасли психологии) междисциплинарность: от психофизиологических (функциональные органы, по Н.А.Бернштейну) до социально-психологических (ценности и ценностные ориентации) включений. Удачным исключением из этого ряда является структурное построение Ф.Е. Василюка (Василюк, 1993). Отталкиваясь все от той же идеи А.Н. Леонтьева и анализируя исходное понятие чувственной ткани, Ф.Е. Василюк отмечает, что она:

- порождается в практическом взаимодействии с внешним предметным миром как непосредственное впечатление от него;
- служит материалом, из которого строятся сознательные, предметные («значимые») образы;

- выполняет функцию свидетельствования о внешней реальности, функцию «придания реальности сознательной картине мира».

Затем Ф.Е. Василюк, используя метод контрпримера, заключает, что «существующее понятие чувственной ткани фиксирует только часть, только аспект той реальности, которая в целом заслуживает имени «чувственная ткань»».

Ф.Е. Василюк, как и В.П. Зинченко, дополняет формулу А.Н. Леонтьева четвертым компонентом — словом (знаком), а также предметным содержанием образа сознания; что касается чувственной ткани, то она составляет **основу** каждого из четырех компонентов. Полученную структуру Ф.Е. Василюк называет «психосемантическим тетраэдром», формой, представляющей «модель образа сознания». В этой модели представлены: внешний мир в его отражении предметным содержанием сознания; внутренний мир человека — личностным смыслом; мир культуры — значением; мир языка — словом.

Форма модели (тетраэдр) показывает связь каждой образующей со всеми другими; внутренность тетраэдра заполнена «живой, текучей, дышащей плазмой чувственной тканью». Василюк определяет чувственную ткань по способу ее существования в сознании как «переживание, непосредственное внутрителесное чувство <...> чувственная ткань выступает как единица тела в образе сознания» (Василюк, 1988). В концепции Ф.Е. Василюка чувственная ткань обретает статус пятой образующей сознания, причем особой, нерядоположной четырем другим направляющим сознания: значению, предмету, личностному смыслу, знаку (слову), которые являются представителями в сознании мира культуры, внешнего мира, внутреннего мира личности и мира языка. Доминированием одной из «направляющих» создается особый тип образа (сознания).

Характеризуя чувственную ткань, Ф.Е. Василюк отмечает, что «она является чем-то единым и в то же время вовсе не гомогенным... сгущаясь вблизи полюсов (“направляющих”) тетраэдра и получая здесь сильные, специфические для каждого полюса характеристики... Вдали же от зон сгущения легко предположить наличие интерференции чувственных тканей, идущих от разных полюсов... именно эта зона выполняет функцию синестезии...» (Василюк, 1993). В концепции Ф.Е. Василюка ассоциативно обнаруживается связь со специфическим учением монизма В.М. Бехтерева, усматривавшего неразрывную связь проявлений живой материи и сознания (см. главу 1).

Структурный подход Ф.Е. Василюка, вызревший в практике психологической работы и проверенный практикой, позволил автору определить весьма интересную типологию сознания, а также психологические (не психиатрические) критерии нарушения сознания.

3.2. УРОВНИ СОЗНАНИЯ

Классифицируя уровни сознания, Ф.Е. Василюк использует схему «диалога» установок: наблюдатель (субъект) — наблюдаемый (объект) — и таким образом выделяет 4 состояния: субъект — субъект (рефлексия); субъект — объект (сознавание); объект — субъект (переживание); объект — объект (бессознательное) (Василюк, 1988).

Две первые характеристики выделяет В.В. Столин (Столин, 1983, с. 16).

Иная уровневая классификация предлагается В.А. Ганzenом и А.А. Гостевым. Они различают «актуальное сознание, под которым подразумевается прохождение определенного психического содержания через фокус сознания, и потенциальное сознание — запас содержаний психического, который всегда присутствует в памяти в любой момент актуального сознания и при определенных условиях может стать фактом последнего (проблематика неосознаваемого психического)» (Ганзен, Гостев, 1989, с. 12–21). В этой схеме, напоминающей поля темного и ясного сознания в концепции В.М. Бехтерева, помещаются попарно все уровни сознания по Ф.Е. Василюку: актуальное сознание — рефлексия и осознавание; потенциальное сознание — переживание и бессознательное.

Как отмечает Е.А. Климов, вопрос о градациях ясности, адекватности, разносторонности осознания человеком происходящего пока еще не нашел в науке общепризнанного решения (Климов, 1999).

Действительно, казалось бы, в достаточно простом вопросе уровневого соотношения сознания и самосознания находим самые разные, в том числе и противоположные, точки зрения.

В.Г. Маралов и В.А. Ситаров в своем обзоре этой проблемы (Маралов, Ситаров, 1987) констатируют существование следующих решений:

- самосознание предшествует возникновению сознания и представляет собой «неясное безотносительное чувство собственного существования»;

- самосознание есть уровень сознания, возникающий относительно поздно и на его основе;
- сознание и самосознание возникают одновременно в двух формах — предметного сознания и самосознания.

Самосознание, по В.В. Столину, может проявляться во всех трех позициях в зависимости от соотношения биологического и социального факторов жизнедеятельности человека: биологическому индивиду соответствует первая позиция; социальному индивиду — вторая; личностному — третья (Столин, 1983).

П.Р. Чамата считает, что «сознание возникло сразу в своих двух формах — в форме предметного сознания и самосознания» (Чамата, 1966).

И.И. Чеснокова вопреки традиции не считает самосознание уровневым проявлением сознания. Хотя сознание и самосознание по своему происхождению — однопорядковые явления психики, но оба — достаточно сложны и каждое из них представляет многоуровневую систему (Чеснокова, 1977).

На наш взгляд, И.И. Чеснокова несколько сужает трактовку самосознания, разграничивая его с сознанием лишь по признаку «внешнее — внутреннее», не рассматривая сам процесс осознания, рефлексии. Она пишет: «Самосознание не есть самостоятельное явление психики. Оно — тоже сознание, только с иной направленностью... Если сознание ориентировано на весь объективный мир, то объектом самосознания является сама личность. В самосознании она выступает и как субъект, и как объект познания» (там же, с. 29).

Отказ от включения рефлексии в самосознание является принципиальной позицией И.И. Чесноковой: «Самосознание есть всегда сознание самого себя как сознательного субъекта, человека, реального индивида, а вовсе не сознание своего сознания» (там же, с. 50).

В работе В.М. Бехтерева «Сознание и его границы» (1888) находим стройную, хорошо операционализируемую уровневую систему сознания, включающую все возможные направления приложений. В зависимости от содержания сознания («присутствие в сознании сфер тех или других представлений») В.М. Бехтерев считает возможным говорить о «специальных видах сознания». С качественной точки зрения В.М. Бехтерев выделяет шесть форм сознания, которые определяют также различные степени развития содержания сознания (от низшей к высшей):

- сознание своего существования;
- сознание своего тела;
- сознание окружающего пространства;

- сознание времени;
- сознание своей личности;
- сознание своего сознания.

Характеризуя простейшую форму сознания (сознание своего существования), В.М. Бехтерев пишет о «неясном безотносительном чувствовании собственного существования». Следующая форма (сознание своего тела) не вполне соответствует по сути своему названию (в современной терминологии), так как В.М. Бехтерев определяет ее как «группу представлений о “Я” как субъекте, в отличие от “не-Я”, или объекте, и с которой вырабатывается так называемое самосознание». Однако В.М. Бехтерев имеет в виду для этой второй формы именно рефлексированные телесные самоощущения — «состояния сознания, когда в нем присутствует или, что все равно, каждую минуту может быть вызван ряд представлений о положении собственного тела, о движении его членов и пр.» (Бехтерев, 1888, с. 9).

Сознание пространства В.М. Бехтерев объясняет как сознание пространственных представлений об окружающем мире.

Высшую степень (форму) сознания (самосознание) В.М. Бехтерев определяет как «то состояние внутреннего мира, когда человек, с одной стороны, обладает способностью по произволу вводить в сферу сознания те или другие из бывших прежде в его сознании представлений, с другой — может давать отчет о происходящих в его сознании явлениях, о смене одних представлений другими, иначе говоря, может анализировать происходящие в нем самом психические процессы» (там же, с. 12) В.М. Бехтерев называет сознание этого уровня способностью самопознания и считает ее «характеристичнейшим признаком полного сознания» (в современной терминологии это рефлексия). Обращает на себя внимание также выделение В.М. Бехтеревым в сфере осознаваемых явлений «темного поля сознания» (смутно припоминаемые впечатления, едва достигающие сферы сознания) и поля ясного сознания (там же, с. 12).

Явления актуального и потенциального сознания не исчерпывают всего континуума «сознательное — бессознательное». А.Г. Спиркин считает, что можно говорить о ясном и темном, или сумеречном, сознании, когда осознание чего-либо носит «резко сниженный, смутный, сумбурный, клочковатый характер». Сознание может быть максимально концентрированным и резко рассеянным. Бодрствуя, человек каждое мгновение «находится в сознании», но осознание им действительности осуществляется в виде дискретных актов сознания (Спиркин, 1972). В этих случаях в соот-

ветствии с концепцией «недизъюнктивности» А.В. Брушлинского, нарушается глубина и фундаментальность, связанная с высшими проявлениями сознания (Брушлинский, 1978).

В структурной схеме сознания по П.В. Симонову (подсознание — сознание — сверхсознание) недизъюнктивность характерна для крайних уровней, т.е. подсознания и сверхсознания. П.В. Симонов включает в подсознание то, что было осознанным ранее или может стать осознанным в текущий момент при определенных условиях (Симонов, 1987).

На наш взгляд, такая неоднородность подсознания существенно усложняет его изучение и связь с другими уровнями. Логичнее было бы ту часть, которая может при определенных условиях стать осознанной, назвать предсознанием (Гиппенрейтер, 1988). «Сверхсознанием» П.В. Симонов называет порождение новой, ранее не существовавшей информации без контроля осознанного волевого усилия (как результат творчества) (Симонов, 1987). По логике П.В. Симонова, функциональная оправданность подсознания связана с защитой сознания от излишней работы и психических перегрузок, а оправданность сверхсознания — с защитой от преждевременного вмешательства сознания, от «чрезмерного давления ранее накопленного опыта». Без сверхсознания доминирует здравый смысл, псевдоочевидность, догматизм (там же, с. 183).

Таким образом, в уровневой структуре П.В. Симонова подсознание связано с хорошо усвоенным прошлым опытом, сознание — с текущим опытом, а сверхсознание — с необходимостью нового опыта. Неясен, однако, механизм обращения к прошлому или будущему опыту. Дополнение схемы предсознанием может решить эту проблему (рисунок 1).

Согласно П.В. Симонову, в то время как формами проявления сознания являются вербальные понятия, математические знаки, художественные образы, язык подсознания — это кинестетические,

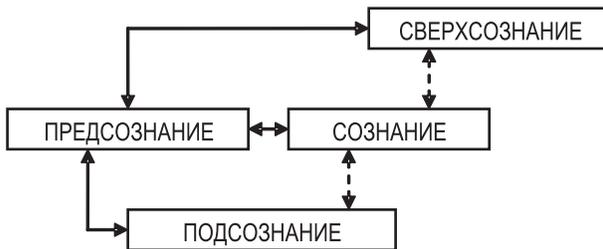

Рис. 1. Схема уровней сознания, основанная на модели П.В. Симонова

слуховые, зрительные и другие образы, поэтому возможен прямой выход на подсознание, например, средствами имитационного поведения. Таким образом, подсознание разгружает, облегчает работу сознания. С другой стороны, в отличие от научного познания, адресуемого только к сознанию других людей, произведения искусства, наряду с сознанием, обращаются к под- и сверхсознанию воспринимающего субъекта. Искусство вызывает подсознательные ассоциации, мобилизует подсознательный опыт, формирует наряду с осознаваемым и неосознаваемое отождествление себя с теми или иными героями, их мыслями, состояниями, поступками и т.д. (Симонов, 1987).

Сходную уровневую структуру сознания находим у Ю.Б. Гиппенрейтер (Гиппенрейтер, 1988) (рисунок 2).

Подсознание здесь включает неосознаваемые механизмы сознательных действий, состоящие из трех подклассов:

- неосознаваемые автоматизмы, возможно, сознававшиеся в прошлом;
- явления неосознаваемой установки;
- неосознаваемые сопровождения сознательных действий (непроизвольные движения, мимика и др.).

Предсознание определяется как неосознаваемые побудители сознательных действий (сновидения, ошибки, забывание вещей, намерений, имен; описки, оговорки и т.д.), невротические симптомы.

Надсознательные процессы, согласно Ю.Б. Гиппенрейтер, развертываются в форме длительной и напряженной работы сознания, в результате которой появляется некий интегральный итог в виде новых идей, отношений, чувств, поступков, ранее не осознававшихся (творчество, интуиция, «катарсис») (Гиппенрейтер, 1988), что напоминает уровень «сверхсознания» в структуре, предложенной П.В. Симоновым. Как считает А.В. Петровский, понятие «надсо-

Рис. 2. Структура уровней сознания в модели Ю.Б.Гиппенрейтер

знательный уровень» введено М.Г. Ярошевским (Петровский А.В., 2000, с. 197).

Похожую структуру находим также у В.М. Аллахвердова. **Базовым содержанием сознания** он называет «не-осознаваемую в данный момент информацию, которая, тем не менее, влияет на то, что мы осознаем... Часть базового содержания может стать осознанной, но все базовое содержание не может стать полностью осознанным никогда» (Аллахвердов, 2000, с. 313). Автор рассматривает также понятие **«поверхностного содержания сознания**, или поверхность сознания», включающее «догадки и выставленную на проверку этих догадок информацию» (там же).

Существуют и другие подходы к уровневой «градуировке» сознания. Так, Е.И. Кузьмина связывает уровень развития сознания с тем или иным рангом рефлексии:

I ранг («образ себя») — «субъект видит себя воспринимающим препятствие в деятельности»;

II ранг («модель себя») — «субъект анализирует то, как он видит себя воспринимающим препятствие» (Кузьмина, 1994, с. 9).

Иную иерархию выстраивает Е.В. Улыбина, определяя три следующих уровня сознания:

- **уровень мифа** — слитность, неразделенность частного и общего, амбивалентность содержания и невозможность существования противоречий;
- **уровень обыденного сознания** — многозначность, совмещение противоположностей;
- **рефлексивное сознание** (рациональный уровень) — ориентация на однозначность, определенность понятий, стремление к построению непротиворечивой картины мира (Улыбина, 1999).

В теоретической схеме контакта и свободы при фиксированной степени свободы уровень сознания растет с расширением или углублением контакта; в условиях расширения свободы (инстаурация) при ограниченности контактов (коммуникации), приобретает глубину сознания как специфический уровень сознания (научное творчество, духовная практика и т.д.) и др.

Представленные выше теоретические подходы к решению проблемы уровней сознания задают направления операционализации понятия в случае подготовки и осуществления экспериментальных исследований. Основная и специфическая для избранной проблемы задача — это, как отмечает В.Ф. Петренко, описание «картины мира субъекта, сотканной из отдельных лоскутов содержания индивидуального сознания», т.е. описание содержания сознания через

ограниченный набор элементов (Петренко, 1988, с. 33). Систему представлений субъекта или группы субъектов В.Ф. Петренко называет «ментальным пространством» (там же, с. 22). Используя модифицированные варианты метода семантического дифференциала, автор строит категориальный базис, или структуру, индивидуального сознания.

Уровневая градация, естественно, должна определяться структурными образованиями, а при фиксированной структуре — количественными показателями объема сознания. В наших исследованиях, связанных с учебным и учебно-профессиональным сознанием, понятием профессионального сознания объединяются все те проявления сознания личности, которые обусловлены ее профессиональной деятельностью. Они определяются: местом и значением данной профессии в профессиональной структуре общества; отношениями личности к профессии, ее представителям и к себе как профессионалу; профессиональными идеалами; уровнем профессиональных знаний и умений; выраженностью профессиональных способностей; профессиональными перспективами и достижениями; переживаниями успехов и неудач в профессиональной деятельности (Акопов, 1993, 1996, 2000). Несложно таким же образом определить «учебное сознание». Вопрос о структуре учебного (профессионального) сознания, как и о структуре сознания вообще, можно ставить в двух планах: а) строение (компоненты) сознания; б) функции сознания. В компонентной структуре сознания наиболее просто решаются вопросы спецификации (профессионализации) элементов. Так, можно говорить об учебном (профессиональном) внимании, памяти, аффекте, перцепции, воле, мышлении и т.д.

Путь спецификации сознания посредством воздействия на его компоненты не является оптимальным, так как целое не сводимо к его частям. Удержать целое в процессе анализа удастся посредством выделения основных функций исследуемого явления. В списке важнейших функций сознания обычно выделяют познание, целеполагание, отношение, а также функции идентификации, т.е. формирования образа Я (различение субъекта и объекта, того, что принадлежит Я человека, и его не-Я). Данной системе атрибутов сознания соответствует аналогичная по функциональному признаку структура учебного сознания: образовательные цели, знания, учебные отношения, самосознание и др.

В отношении компонентной структуры сознания традиционный и устоявшийся список процессов не вызывает сомнений. Взяв за образец схему В.А. Ганзена (рисунок3), можно по аналогии

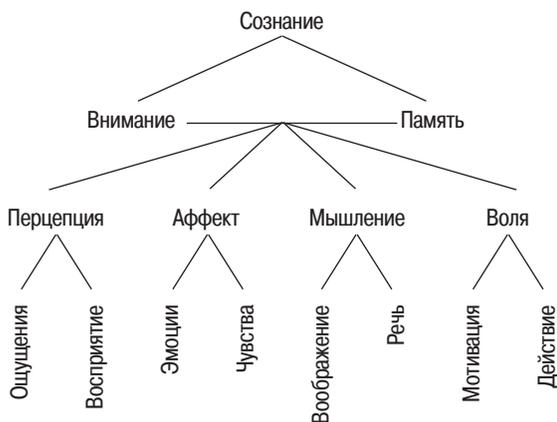

Рис. 3. Структура сознания по В.А. Ганзену

определить все известные компоненты структуры учебного (профессионального) сознания.

В этом случае мы имеем достаточно полный состав процессов, специализированных в условиях профессионального образования и обеспечивающих высокую результативность учебной деятельности: профессиональное внимание, память, восприятие, мышление и т.д.

3.3. СОЗНАНИЕ, ОТНОШЕНИЕ, УСТАНОВКА, СМЫСЛ

Хорошо известно: личность характеризуется не только тем, что она делает, но и тем, как она это делает. Несомненно, что важна не только качественная, содержательная сторона дела, но и субъективное отношение. С.Л. Рубинштейн, говоря о реальном сознании человека как практическом, утверждал, что «в нем существенную роль играет отношение вещей к потребностям и действиям субъекта как общественного индивида и его отношение к окружающему» (Рубинштейн, 1959, с. 158).

Е.В. Шорохова характеризует сознание «активным отношением человека к действительности, к самому себе, к своим поступкам и действиям, к деятельности...» (Шорохова, 1961, с. 256).

Не только как отражение действительности в виде знаний рассматривает сознание Л.П. Боева, но и как «внутреннее субъективное

отношение личности к объективным условиям и формам своей деятельности, к своим социальным функциям и ролям (Буева, 1968, с. 232). В этом качестве, как считает Л.П. Буева, сознание непосредственно выступает в качестве механизма, «внутреннего регулятора социальной деятельности и поведения личности» (там же, с. 233).

В кратком наброске генезиса сознания Б.Г. Ананьев пишет, что «благодаря накоплению жизненного опыта, то есть опыта отражения и самой практической деятельности, усвоению через язык исторически сложившихся знаний сознание становится совокупностью субъективных отношений человека к природе, обществу, людям и самому себе» (Ананьев, 1980, с. 175).

А.Н. Леонтьев, последовательно раскрывая суть сознания с позиций теории деятельности, опровергает возможность отождествления сознания с объединением психических процессов (мышления, восприятия, памяти), умений и эмоциональных переживаний. «Сознание должно быть психологически раскрыто в его собственной характеристике. Оно должно быть понято не как знание только, но и как отношение, как направленность» (Леонтьев А.Н., 1975, с. 235). «Сознание как отношение к миру психологически раскрывается перед нами именно как система смыслов, а особенности его строения — как особенности отношения смыслов и значений» (там же, с. 280). В свою очередь, смыслом А.Н. Леонтьев называет отношение непосредственного предмета действия к мотиву деятельности, в которую оно включено (там же, с. 299). Индивидуальное сознание по А.Н. Леонтьеву есть то, что персонифицирует деятельность.

С другой стороны, отмечает В.Н. Мясищев, «действия и переживания человека определяются не непосредственными внешними воздействиями, но их накопленным обобщением во внутреннем мире, который представляет систему отношений человека, определяющих опосредствованный характер его реакций на воздействия окружающего мира и его внешнее инициативное и самостоятельное поведение» (Мясищев, 1957). В другой своей работе В.Н. Мясищев подчеркивает доминирующую и «все определяющую» роль отношений к людям в системе отношений человека к действительности (Мясищев, 1965). Психологическое отношение человека в развитом виде В.Н. Мясищев определяет как «целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности» (Мясищев, 1960, с. 111). Связь отношения с поведением такова, что «отношения представляют внутреннюю потенциальную сторону поведения и взаимодействия» (Мясищев, 1965).

В связи с этим А.А. Бодалев отмечает, что «нельзя упрощенно представлять себе связь между содержанием качества личности, каким является отношение, и формой его выражения», которая имеет некоторую относительную самостоятельность. «Форма, способ поведения личности могут и не полностью соответствовать или даже вообще не соответствовать содержанию отношения личности к какой-то стороне действительности» (Бодалев, 1970, с. 12).

Анализ отношения как социальной установки или аттитюда был проведен Е.С. Кузьминым. Исследовав ряд зарубежных трактовок отношения, Е.С. Кузьмин установил, что «если отвлечься от поведенческих наслоений в определении отношений и установок, то можно удержать рациональные признаки их действительной природы». Они выражаются в следующих положениях: 1) отношения зависят от опыта связи индивида со средой; 2) отношения есть нечто общее, некий синтез в этой связи; 3) отношения включают познавательные, эмоциональные и поведенческие элементы; 4) среда не прямо действует на индивида, а через его выработанные отношения; 5) отношения бывают разных уровней обобщения; 6) в отношениях следует выделять их поле, их основу (Кузьмин, 1967, с. 129). Все это существенно сближает понятия отношения и установки.

В более поздней работе, выполненной исследовательским коллективом под руководством В.А. Ядова указывается, что «при всем многообразии подходов в понятии «аттитюд» (социальная установка) фиксируют, по крайней мере, следующие пять аспектов: состояние сознания и нервной системы; выражение готовности к реакции на внешнюю среду; организованность такой готовности; ее связь с предшествующим опытом; тот факт, что она оказывает направляющее и динамическое влияние на поведение» (Ядов, 1975, с. 16–17). В.А. Ядов с соавт. осуществили разработку концепции, интегрирующей противоречивые данные зарубежных работ по теории установки, и ее практическую апробацию.

В этом смысле справедливо различие установки и отношения, проводимое Г.М. Андреевой в том плане, что для отношения (как своеобразной предиспозиции, предрасположенности к каким-то объектам, «которая позволяет ожидать раскрытия себя в реальных актах действий») объекты, на которые это отношение распространяется, предполагаются различные, в том числе и социальные объекты, «и самые разнообразные, в том числе сложные с социально-психологической точки зрения ситуации» (Андреева, 1980, с. 355).

«Субъективные отношения,— пишет К.Р. Хаав,— опосредствуют формирование и функционирование мотивационной сферы лич-

ности, они отражают отношения между мотивами и возможностями адекватной им деятельности субъекта» (Хаав, 1978, с. 38). Как и Г.М. Андреева, К.Р. Хаав включает в субъективные отношения наряду с переживаниями и оценками также и установки (там же, с. 39). Различие установок и оценок К.Р. Хаав видит в том, что «установки могут возникать в результате обобщения ряда оценок, но установки могут служить и основой оценок. Оценки более ситуативные и менее фиксированные, они не всегда связаны с предрасположенностью к поведению» (там же, с. 39). Установки, по К.Р. Хааву, — это вид отношений, связанный с готовностью к поведению. В то время как оценки — это вербализованные отношения (там же, с. 46).

Следует иметь в виду также два эмпирических положения, отмеченных В.П. Трусовым в связи со спецификой социальной установки (аттитюд). «Поведение по отношению к объекту может не соответствовать аттитуду, и отношение к объекту может изменяться, чтобы соответствовать предшествующему поведению. Система мнений становится аттитудом при добавлении к знанию, содержащемуся во мнении, эмоционального подтекста и некоторой готовности действовать в защиту этих положений» (Трусов, 1980, с. 5).

Таким образом, центральное место в содержании сознания занимает система отношений, так как в зависимости от нее мотивируется деятельность, ставится цель, приобретаются знания, определяется аффективная сторона деятельности, формируется самосознание. Следовательно, выявив отношение, мы определим качество сознания в некоторый момент его существования. Однако в эмпирическом (операциональном) плане возникают две известные трудности. Прежде всего, это достаточно полное описание всего многообразия отношений для выделения некоторого достаточно полного спектра, исходя из которого, можно было бы проводить стандартизированные измерения, результатом которых были бы вполне сопоставимые данные. К сожалению (или к счастью), мы не имеем такого упорядоченного перечня или универсальной и пригодной для многократных измерений системы отношений человека. Известно, что «отношения личности включают отношение человека к себе (самооценка, уровень притязаний), отношение к другим людям..., отношение к труду, своей профессии, специальности, к тем или иным профессиональным задачам, отношение к материальным ценностям, к личной и общественной собственности, отношение к идеологическим ценностям общества, к законам и правилам, к будущему, к неудачам и несчастьям, ко всему новому, ко всяким переменам и т.д.» (Дмитриева и др., 1979, с. 27). Причем в системе отношений человека, «определяющих опосредствованный харак-

тер его реакций на воздействия окружающего мира и его внешнее инициативное и самостоятельное поведение» (Мясищев, 1957), нас интересует лишь полностью или частично осознаваемые явления. Частично в том случае, когда имеется явно выраженное переживание, отчетливо сознается недовольство или удовлетворение, но не прослеживается полностью вся цепь причинно-следственных связей.

В вышеприведенном списке отношений можно выделить главные. Б.Г.Ананьев на первое место ставил труд: «Сознание есть общий эффект конвергенции труда, общения и познания» (Ананьев, 1968, с. 322). Он выделял в отношениях личности следующие главные объекты: труд, другие люди, сама личность (Ананьев, 1968, с. 288). Далее он указывал, что «для психологии... центр духовного развития личности выступает как целостная совокупность, или система сознательных отношений личности к обществу, группе, труду, самой себе...» (Ананьев, 1968, с. 299–300). В связи с обсуждаемым вопросом несомненный интерес представляет также мысль Б.Г. Ананьева о том, что «на любом уровне и при любой сложности поведения личности существует взаимозависимость между: а) информацией о людях и межличностных отношениях; б) коммуникацией и саморегуляцией поступков человека в процессе общения; в) преобразованиями внутреннего мира самой личности» (Ананьев, 1968, с. 315). В системе отношений личности, указывают М.А. Дмитриева, А.А. Крылов и А.И. Нафтульев, отношение к труду, учебной деятельности, конкретной профессиональной деятельности, к своей специальности самым существенным образом определяют успешность деятельности (Дмитриева и др., 1979, с. 72–73).

Осмелимся утверждать, что ставшее широко популярным в последние годы понятие «смысл» во многом несет в себе содержание понятий «отношение» и «установка». Весьма масштабный и обстоятельный психологический анализ понятий, видов, структурных, динамических и т.д. построений, связанных со смысловой сферой человека, осуществлен Д.А. Леонтьевым (1999). Однако в этой большой и многоаспектной работе, к сожалению, почти не представлена сфера сознания.

Новое, теоретико-прикладное изучение психологической проблематики смысла осуществлено в работе Л.М.Дубового (Дубовый, 2006а; 2006б).

В другой яркой работе, выстраивающей макет перспективной «смысловой теории сознания», напротив, остается не раскрытой сама тема смысла, его сущностная и содержательная характеристика. Ведь не память же это, на самом деле? (спрашивает

В.М. Аллахвердов) (Агафонов, 2003). Или прав В.В. Знаков, отмечаящий, что «как только психологи обращают внимание на смысл, они вольно или невольно переходят в плоскость исследования понимания. Понимание — это всегда смыслообразование, потому что неосмысленные знания о мире для субъекта мертвы» (Знаков, 2007).

Если сознание — это смысл, а смысл — память или понимание, но и память, и понимание — это процессы сознания, то получаем порочный круг.

К сожалению, феноменологический соблазн в психологии (которая не совпадает и пока мало пересекается с феноменологией) не очень продуктивен. Действительно, согласно Гуссерлю, как отмечает В.И. Молчанов, «предмет феноменологического исследования — сознание как процесс придания смысла-контекста определенному предмету, обстоятельству дел и т.п.» (Молчанов, 2007, с. 77), т.е. в феноменологии сознание — это «смыслообразующая структура» и «не может быть не чем иным, как процессом придания смысла и построением смыслового горизонта предметности» (Молчанов, 2007, с. 85, 88). Но и здесь, в философско-феноменологическом мышлении, возможны и имеют место ошибки отождествления тех или иных типов сознания со всем сознанием или сущностью сознания (Молчанов, 2007, с. 225–227).

Предпринятый С.И. Голенковым детальный этимологический и системно-семантический анализ слова «смысл» позволил автору определить наиболее полное содержание соответствующего значения. Как отмечает С.И. Голенков, приставка «с» в слове «смысл» («со-мысль») «подчеркивает аспект связанности, упорядоченности, организованности мыслительного содержания. Смысловое соединение мыслей есть не просто суммативное механическое образование, но целостность, новое, отличное от прежнего единство мыслей» (Голенков, 1996, с. 22).

К сожалению, автор весьма оригинальной философской концепции «культура — смысл — сознание» не счел важным выделить в значении слова «смысл» коммуникативный (интер-интро) аспект, т.е. межличностное или внутриличностное «созвучие» (консонанс, полифония) мыслей (там же).

Однако главный парадокс смысловой конструкции сознания или смысла как «первого и главного измерения человеческого сознания и бытия» (Зинченко, 2002, с. 318) состоит в том, что «полный перевод с языка значений на язык смыслов и с языка смыслов на язык значений невозможен» (там же, с. 276). Такую взаимную «нетранслируемость» значения и смысла В.П. Зинченко объясняет

«свободой мысли» и, ссылаясь на М.М. Бахтина, «бездонностью всякого смысла». Видимо, неслучайно В.П. Зинченко в вышеприведенном утверждении объединил сознание и бытие.

Суть парадокса, на наш взгляд, в том, что «смысловые установки могут быть как осознаваемы, так и неосознаваемы» (Асмолов, 2002, с. 89). Как отмечает А.Г. Асмолов, «в отличие от сферы знаний и умений смысловые образования личности не поддаются непосредственному произвольному контролю. Включенность смысловых образований в породившую их деятельность и неподвластность этих образований непосредственному произвольному контролю составляют их важнейшую особенность» (там же, с. 294). Более того, смысловые образования независимы от сознания в смысле их «некодифицируемости», т.е. «невозможности прямого воплощения в системе значений» (там же, с. 295).

Мысль А.Г. Асмолова становится вполне понятной в контексте развиваемой им обобщенной теории установки и концепции многомерных миров личности и, соответственно, нетождественности, в частности, языков вербальной и невербальной коммуникации. В последнем случае, как считает А.Г. Асмолов, в большей мере проявляются смысловые установки личности.

Другое важное утверждение А.Г. Асмолова, определяющее неоднозначность соотношения сознания и смысла, заключается в том, что «личностный смысл может быть осознан субъектом, но самого по себе осознания недостаточно для изменения личностного смысла» (там же, с. 410).

Видимое нарушение принципа свободы сознания здесь только кажущееся. Действительно, хорошо известно, что вмешательство сознания (осознание) в динамику психических процессов и состояний более или менее значительно изменяет их качество. Сложнее со свойствами личности-индивидуальности. Осознавая их качественную определенность, трудно или невозможно ее изменить (вспомним, что произвольность тождественна сознанию). Однако свобода и в том, признает или нет и принимает или нет человек результаты своего осознания.

Как справедливо отмечает О.С. Анисимов, «*признаками свободы* выступают как *возможность не реагировать*, так и *готовность к самопроявлению*, а также *готовность возвратиться в исходное положение без учета внешних условий. Выбор одной из альтернатив* — также проявление свободы Я» (Анисимов, 2007, с. 27).

Тем не менее, как отмечает Е.С. Мазур, «сознательные процессы смыслообразования являются необходимым фактором преодоления критической ситуации, восстановления жизнедеятельности,

сохранения целостности личности... На основе осознания человек получает возможность произвольно менять смысловую направленность своей деятельности, изменять соотношение между мотивами, вводить дополнительные побудители поведения, то есть в максимальной степени использовать свои возможности к саморегуляции. В этом заключается основная роль осознанных смысловых образований» (Мазур, 1983).

3.4. СОЗНАНИЕ И РЕФЛЕКСИЯ

Весьма интересным в контексте замысла данной книги является высказывание философа В.И. Молчанова: «Рефлексия — это не наблюдение за сознанием и мышлением, но их оживление, пробуждение той изначальной свободой (если ее все же предполагать), которой никак не удастся воспользоваться в мире уже прочерченных линий восприятия, памяти, воображения, оценок и т.д. Если же отказаться от допущения изначальной свободы мысли, то рефлексию следовало бы считать исходной точкой свободы» (Молчанов, 2007, с. 273).

Согласно А.В. Карпову, «рефлексия... есть процессуальный аспект сознания, его процессуальное содержание; она составляет его важнейшую грань, хотя, естественно, его не исчерпывает». Рефлексия, по мысли А.В. Карпова, создает субъективное «ощущение полноты контроля», которое обычно и составляет суть того, что обозначается понятиями «осознанный характер поведения», «отчет в своих действиях» и пр. (Карпов, 2004, с. 103).

Неразрывность явлений сознания и рефлексии отмечается многими авторами. В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев считают, что анализ проблем сознания — это, прежде всего, исследование феномена рефлексии как смыслового центра всей человеческой реальности. Рефлексия позволяет осуществить «выход человека из полной поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней» (Слободчиков, 1995, с. 183), на что обращал внимание еще С.Л. Рубинштейн.

Как отмечает В.Ф. Петренко, «осознание средств сознания... необходимо субъекту для разведения картины (образа) мира и собственно действительности. Действительность репрезентирована субъекту через призму чувственной модели мира (перцептивный образ) или через знаковые, концептуальные модели, и в этом плане для наивного нерексирующего субъекта действительность ока-

зывается манифестированной некоторой моделью мира, «слитной» с этой моделью. Рефлексия средств познания, более разработанная для понятийных форм, позволяет через констатацию множественности возможных моделей мира развести (вычленить) объект познания и выработанные в истории науки средства познания и тем самым, преодолевая позицию «наивного реализма», обеспечить субъекту определенную свободу в выборе и конструировании средств познания» (Петренко, 1988, с. 31).

Согласно В.И. Панову, рефлексивный акт может выступать как особая форма самоосуществления сознания в его онтологическом плане, т.е. в качестве формы бытия (Панов, 2002).

Ю.А. Шрейдер, обсуждая суть открытия В.А. Лефевра (описание структур рефлексии в алгебраической форме) и рефлексивных механизмов в человеческом сознании, расширяет понятие рефлексии как сознательного отслеживания и анализа человеком собственных мыслей и включает в него знания о том, как человек осознает (оценивает) свои намерения и свою оценку этих намерений (Шрейдер, 1990).

М.А. Розов отмечает два существенно различных значения понятия «рефлексия»:

- лефевровское значение рефлексии как конкретного механизма или «автоматического» выбора в бинарных ситуациях, безразличного в широких пределах к содержанию того, что именно выбирается;
- рефлексия как содержательный анализ, способность человека постигать свой внутренний мир и строить картину своих состояний. Человек, например, не только видит звезду, но и знает, что он ее видит (Розов, 1990).

А.В. Карпов и В.В. Пономарева находят более емкую формулу: «Рефлексия — не только продукт сознания, но также форма его существования, важнейшее его условие... и один из его основных механизмов». И далее: «...ни отождествление, ни обособление рефлексии и сознания абсолютно неправомерны... и неконструктивны в плане решения обеих этих проблем» (Карпов, 2000, с. 3–4). Любопытно утверждение авторов о том, что «рефлексия — это та область, где существуют (и реально действуют) максимальные возможности для “отступления” от объективных законов и закономерностей как таковых» (там же, с. 7).

Об этом же значительно ранее и несколько иначе сказано Е.П. Велиховым, В.П. Зинченко и В.А. Лекторским: сознание (в его рефлексивном слое) — дальнейший шаг в направлении свободы, вневременное и внепространственное образование (Велихов, 1988).

Блестящий пример подтверждения этой свободы сознания — рефлексии находим у М.М. Бахтина: «...все эти определения (своего образа), как пристрастные, так и объективные, находятся у него в руках и не завершают его именно потому, что он сам сознает их; он может выйти за их пределы и сделать их неадекватными. Он знает, что **последнее слово** за ним, и во что бы то ни стало стремится сохранить за собой это последнее слово о себе, слово своего самосознания. Чтобы в нем стать уже не тем, что он есть. Его самосознание живет своей незавершенностью, своей “незакрытостью и нерешенностью”» (Бахтин, 1994, с. 45).

Возвращаясь к трактовке рефлексии в работе В.А. Карпова и В.В. Пономаревой, отметим, что авторы считают «контакт субъектов и их сознаний просто невозможным без рефлексивных средств и процессов» (Карпов, 2000, с. 9), что, на наш взгляд, инверсирует проблему в силу того, что, как мы уже неоднократно отмечали, контакт и есть сущностная характеристика сознания и, соответственно, рефлексии. Весьма спорным является утверждение А.В. Карпова и В.В. Пономаревой о принципиальной континуальности рефлексии и самого сознания (там же, с. 11).

Обсуждая (вслед за С.Л. Рубинштейном) проблему преодоления полной поглощенности текущим процессом жизни, В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев в качестве первого этапа преобразования бытийного сознания в рефлексивное рассматривают осознание себя, или самосознание (Слободчиков, Исаев, 1995). Они считают достаточными формами этого процесса самопознание, самооценку, самоконтроль и самопринятие.

В.В.Столин утверждает, что «единицами самосознания личности являются не образы сами по себе, и не самооценки в когнитивной или эмоциональной форме, и не образы плюс самооценки. Единицей самосознания личности является конфликтный смысл “Я”, отражающий столкновение различных жизненных отношений субъекта, столкновение его мотивов и деятельностей» (Столин, 1983, с. 123).

Некоторые истоки этой конфликтности иллюстрирует М.М. Бахтин: «Сознание себя самого все время ощущает себя на фоне сознания о нем другого, “я для себя” — на фоне “я для другого”» (Бахтин, 1994, с. 100). Так, «в «Бедных людях» самосознание бедного человека раскрывается на фоне социально-чужого сознания о нем» (там же, с. 101). Приведем полностью рассуждение М.М. Бахтина как пример анализа работы самосознания: «В самосознание героя проникло чужое сознание о нем, в самовысказывание героя брошено чужое слово о нем; чужое сознание и чужое слово вызывают специфические явления,

определяющие тематическое развитие самосознания, его изломы, лазейки, протесты, с одной стороны, и речь героя с ее акцентными переборами, синтаксическими изломами, повторениями, оговорками и растянутостью, с другой стороны» (там же, с. 103). М.М. Бахтин анализирует также «двойко-направленные слова, включающие в себя как необходимый момент отношение к чужому высказыванию». В связи с этим М.М. Бахтин выделяет «речевой стиль, определяемый напряженным предвосхищением чужого слова» (там же, с. 98). «Оглядка проявляется, прежде всего, в характерном для этого стиля торможении речи и в перебивании ее оговорками» (там же, с. 99). Таким образом, конструируется «скрещение и пересечение в каждом элементе сознания и слова двух сознаний, двух точек зрения, двух оценок» (там же, с. 105). При этом, как пишет М.М. Бахтин, предвосхищение стремится к дурной бесконечности. «Тенденция этих предвосхищений сводится к тому, чтобы непременно сохранить за собой последнее слово. Это последнее слово должно выражать полную независимость героя от чужого взгляда и слова, совершенное равнодушие его к чужому мнению и чужой оценке. Но именно этим предвосхищением чужой реплики и ответом на нее он снова показывает другому (и себе самому) свою зависимость от него. Он **боится**, как бы другой не подумал, что он **боится** его мнения. Но этой боязнью он как раз и показывает свою зависимость от чужого сознания, свою неспособность успокоиться на собственном самоопределении» (там же, с. 125).

Нагромождение форм внутреннего диалога (контакта) граничит с потерей внутренней ориентировки, самоопределенности и свободы. Особенно, если в работу включаются «лазейки сознания и слова» как особый прием «оставления за собой возможности изменить последний тотальный смысл своего слова» (там же, с. 129). Как пишет М.М. Бахтин, «лазейка делает зыбкими все самоопределения героев, слово в них не затвердевает в своем смысле и в каждый миг, как хамелеон, готово изменить свой тон и свой последний смысл... Лазейка глубоко искажает его отношение к себе. Герой не знает, чье мнение, чье утверждение, в конце концов, его окончательное суждение: его ли собственное — покаянное и осуждающее, или, наоборот, желаемое и вынуждаемое им мнение другого, приемлющее и оправдывающее» (там же, с. 131).

Можно согласиться с мнением Т. Шибутани, что сознание, это интер- и интракоммуникация: «Сознательное поведение формируется в коммуникативном процессе..., человек, который знает нечто, обычно коммуницирует сам с собой...» (Шибутани, 1969, с. 174). Интересно также отметить, что внутренний диалог

как феномен сознания, согласно точке зрения А.В. Россохина и В.Л. Измагуровой, имеет общее и специфические особенности в сравнении с рефлексией. «Внутренний диалог, как и рефлексия, служит процессуальной характеристикой сознания субъекта...» Вместе с тем, по мнению авторов, внутренний диалог, совпадая с деятельностью осознания своего самосознания, служит *порождению* смыслов, в то время, как рефлексия только *отражает* смыслы (Россохин, Измагурова, 2008).

Психологические «иллюстрации» М.М. Бахтина могли бы хорошо воплотиться, на наш взгляд, в моделях В.А. Петровского об отраженности (идеальной репрезентации) субъекта в витальном, социокультурном, межличностном пространствах (Петровский В.А., 1996, с. 172–213). В многочисленных «фигурах» самокоррекции содержания самосознания, описываемых М.М. Бахтиным на материале произведений Ф.М. Достоевского, легко усмотреть эмпирический материал, релевантный (соотносимый) с позже сформулированным теоретическим тезисом В.А. Петровского о том, что «творческий акт лишь тогда имеет в глазах индивида реальный смысл, когда он обнаруживает в этом “акте свободу от чьих-либо предположений и схем» (там же, с. 160).

И в этом смысле прав О.С. Анисимов, утверждающий, что «самосознание, опирающееся на механизмы рефлексии и самоотношения, выделяется в инстанцию психики, *обладающую свободой, «волей»*, исходным началом всех внешних проявлений психики» (Анисимов, 2007, с. 13), а также Д.А. Леонтьев, находящий в рефлексивном сознании «ключевую роль» самодетерминации.

3.5. СОЗНАНИЕ И СВОБОДА

По мнению А.П. Стеценко, идея свободы (человек как творец... «как создатель, совместно с другими людьми творящий свой мир, свою историю и самого себя») находилась в центре теории деятельности. «Именно на ней Выготский основывал поиск пружин развития специфически человеческих, высших психических функций» (Стеценко, 1983). Автор рассматривает «человеческую субъектность как способ создания мира», обходя при этом запутанный вопрос детерминации на разных ее уровнях.

Согласно А.В. Брушлинскому, «высшим уровнем детерминации субъекта является тот, на котором человек самоопределяется в своей свободе» (Брушлинский, 1999). В этом смысле, как считает

В.В. Знаков, «субъектом можно назвать только внутренне свободно-го человека, принимающего решения о способах своего взаимодействия с другими людьми, прежде всего на основании сознательных нравственных убеждений» (Знаков, 2005). Нравственные убеждения, вопросы добра и зла, непосредственно и в значительной мере связаны с проблематикой свободы. По У. Оккаму (XIV в.) свобода индифферентна по отношению к ценностям, в частности, добру и злу («индифферентная свобода»). Аквинат (Ф. Аквинский) выделяет «качественную свободу», необходимым условием которой является склонность к благу и истине, стремление к добродетели (нравственный закон).

Свобода не как произвол, а как «автономия разума» (Кант) «несвободна» от нравственного закона, будь то вопрос внешней или внутренней детерминации поступков человека, «с точки зрения его рефлекслирующего сознания» (Симонов, 1996). В теоретико-эмпирическом ракурсе этической психологии личности исследуют добро и зло Л.М. Попов, О.Ю. Голубева и П.Н. Устин (Попов и др., 2008).

Внешняя детерминация как природного, биологического (мозг, нервная система и др.), так и социального (законы, ментальность и др.) порядка, не исключает свободы. Тезису о том, что *свобода выбора* — «биологически невозможная вещь» (Мареев, 2006), можно противопоставить предположение, что «различительным признаком отличия живого вещества от неживого в сфере психики является свобода» (Зинченко, 1988, с. 50). В этом контексте В.П. Зинченко дифференцирует природу и культуру как «несотворенную» и «сотворенную свободу» (Зинченко, 2002, с. 87). Согласно Э. Фромму, «потребность в свободе является биологической реакцией человеческого организма», а «история человечества является историей борьбы за свободу» (Фромм, 1994, с. 173). «Неизменное стремление к свободе у всех людей в любых условиях и при любых обстоятельствах свидетельствует о глубоких корнях, которые пустило это чувство в человеке», замечает Д.М. Панин (Панин, 1993, с. 151). Как заветную предельную ценность обозначает свободу Ф.Е. Василюк.

Современные медико-биологические программы все более значительно освобождают человека от биологической заданности (генная инженерия, всевозможные трансплантации, коррекции пола, телосложения, психокосметологические операции и т.д.). Таким образом, биологическая детерминация все более снимается в актах самодетерминации человека (Дубровский, 1994). Можно согласиться с мнением Т.М. Буйкас и О.Г. Зевинной, что человек

«перешел принципиальный рубеж, ограничивающий его сознание» (Буякас, Зевина, 1999).

В то же время, как замечает А.П. Назаретян, в системе человек — среда вооруженность инструментами делает человека более свободным (независимым) от внешней среды, но и более зависимым от внутренней, т.е. сознания (Назаретян, 2008). В любом случае, как отмечает Н.Б. Шкопоров, «специфика жизненных координат, в которых разворачивается психическая активность субъекта» есть специфика свободы (Шкопоров, 2008, с. 242). Действительно, «психические структуры раскрываются перед нами в иерархическом порядке, в порядке движения свободы», замечает французский философ Анри Эй. Это подтверждает и специалист по ауто- и транскоммуникации В.И. Кабрин. Он считает, что «*психическая информация*» (содержание образов, мыслей, замыслов и т.п.) обладает удивительной *потенциальной свободой* от детерминистских воздействий и посягательств в силу ее исключительной латентности, субъективности — свободы, сокровенности» (Кабрин, 2005, с. 30).

В свою очередь, социальная детерминация может не только принимать (не запрещать), но и стимулировать «инициативное сознание». (Можно ли в этом случае говорить об ограничениях свободы?) Неслучайно Г.А. Балл связывает свободу с активностью и, в частности, с такими видами активности, как волевая, инициативная, сверхнормативная, надситуативная и творческая (Балл, 1997).

Как отмечает И.И. Кравченко, «новаторство означает уход от принятых в обществе норм, движимое внутренними стимулами», поэтому «сознание инициатора должно обладать тем, что именуют внутренней свободой... Эта свобода, а вместе с ней и наделенное ею сознание общественно необходимы, ... служат фактором развития» (Кравченко, 1988).

Краткую формулировку этой мысли находим у В.П. Зинченко: «Свобода есть условие развития творчества...» (Зинченко, 2002, с. 64).

В свою очередь, как доказывает В.А. Петровский, «творческий акт лишь тогда имеет в глазах индивида реальный смысл, когда он обнаруживает в этом акте свободу от чьих-либо предположений и схем» (Петровский В.А., 1996, с. 160). Здесь важна коммуникативная сторона, связанная со стремлением человека «постоянно открываться с новой стороны, нести людям новое знание о себе...» (там же). Эта часть экзистенциального диалога невозможна без «внутреннего диалога» и его важной составляющей — аутокоммуникации.

В этой составляющей, как правило, пробуждается исследовательское отношение личности к своей жизни (Абульханова, 2006). К.А. Абульханова подчеркивает идущую от С.Л. Рубинштейна

мысль о регуляторной роли сознания не только в деятельности, но и в выстраивании личностью своей жизни.

Действительно, «трудно мыслить свободу в отрыве от осознанности, понимаемой как выявление адекватных причин и прогнозирование последствий выбора той или иной линии жизни», заключает А.С. Шаров (Шаров, 2000, с. 275). Автор справедливо дифференцирует независимость (как путь к автономии, самодостаточности) и свободу (там же, с. 277).

По мнению О.С. Анисимова, «*рефлексия поведения*, обращенная на себя (субъекта поведения)», есть свидетельство свободы в построении поведения, в результате чего появляются «*знания о себе*» (Анисимов, 2007, с. 33). Весьма важной представляется мысль О.С. Анисимова о том, что «свобода, получаемая за счет развития рефлексии и самосознания, опирается на *преодоленность «естественной логики» бытия субъекта*» (там же, с. 13).

Это отчасти совпадает с ранее высказанной В.В. Налимовым мыслью, что «в глубинах сознания человек готов и к иному, не логически понимаемому, а непосредственно переживаемому — романтическому пониманию того, что есть свобода» (Налимов, 1989, с. 128). Любопытно, что, выстраивая семантическую триаду, раскрывающую смысл термина «спонтанность», В.В. Налимов ставит на первое место свободу, коррелируя ее со спонтанностью и затем с творчеством (там же, с. 232).

Уравнивая «дар первичной свободы» и природный дар спонтанного, Ф.Е. Василюк заключает, что «спонтанность — это первичная, как бы до различения добра и зла действующая воля, это творчество как первофеномен, созидающее бытие из ничто, рождающее начало, даже и не думающее спрашивать, что хорошо, а что плохо, что запрещено, а что позволено, просто рождающееся самим этим процессом» (Василюк, 2003, с. 28).

В этом плане очевидно, что «логика» нарушена уже изначально, и это замечает Е.О. Смирнова, утверждая, что «специфика человеческого поведения как раз и состоит в том, что оно не является ни функцией телесной организации человека, ни функцией среды. Оно свободно, и свободу эту дает ему именно осознанность и производительность» (Смирнова, 1998, с. 14).

В.М. Аллахвердов усматривает парадоксальность этого факта в том, что «сознание не может определяться ни физическими, ни биологическими, ни физиологическими законами. В противном случае оно было бы не способно *самостоятельно* принимать свободные не зависящие от физики и биологии решения, вообще не могло бы во что-нибудь вмешиваться, а следовательно, должно

было бы быть выброшено за ненадобностью» (Аллахвердов, 2000, с. 49). Отсюда непредсказуемость человека, связанная с «резким увеличением степеней свободы» за счет «вторжения сознания» (Лотман, 2003, с. 539).

С другой стороны, как отмечает В.Н. Панферов, «неограниченная степень свободы в преобразовании психических свойств бесконечно расширяет адаптивные возможности человека при взаимодействии с любым объектом окружающего мира» (Панферов, 2002, с. 10).

Понятие степеней свободы было органично введено и использовано в психологии (физиологии активности) Н.А. Бернштейном. В.П. Зинченко вновь актуализировал это понятие при решении проблемы превращения «свободной системы (или семейства свободных систем)» в детерминированную, а в пределе — жесткую систему, позволяющую получить наперед заданный, ожидаемый результат (Зинченко, 2002, с. 85). «Система становится детерминированной, когда она способна к активному преодолению всех степеней свободы, кроме одной» (там же).

Как отмечает Д.А. Леонтьев, «свобода подразумевает возможность преодоления всех форм и видов детерминации активности личности, внешних по отношению к действующему экзистенциальному Я, в том числе собственных установок, стереотипов, сценариев, черт характера и психодинамических комплексов» (Леонтьев Д.А., 2000). Очевидно, этот процесс должен затрагивать каждый из трех выделенных Д.А. Леонтьевым структурных признаков: осознанность, рассматриваемую автором как основу свободы, опосредованность ценностным «для чего» и «управляемость в любой точке». Соответственно, как считает Д.А. Леонтьев, «дефицит свободы может быть связан с непониманием воздействующих на субъекта сил, с отсутствием четких ценностных ориентиров и с нерешительностью, неспособностью вмешиваться в ход собственной жизни» (речь идет о внутренней психологической свободе) (Леонтьев Д.А., 2000).

Иную структурную модель личностной свободы — более развернутую и вместе с тем более однородную по видам активности приводит Г.А. Балл. Однородность признаков свободы в этом перечне, на наш взгляд, связана с тем, что и сверхнормативность, и инициатива, и волевая активность (преодоление препятствий), и надситуативная активность так или иначе связаны с рядоположенной с ними творческой активностью (Балл, 1997).

В проблеме сознания и свободы невозможно обойти вопрос «бегства от свободы» (Э. Фромм), т.е. того, что «человеку присуще

желание избежать свободы, так же как и поиск ее, что свобода и выбор есть также бремя» (Мэй, 2001, с.212).

В психологическом плане бегство также определено выбором (свободой), т.е. иным субъективным представлением либо интенцией, а также коллективным или групповым сознанием. Так, Е.М. Михина отмечает, что ментальность, подобно иным социальным структурам, «является, безусловно, одним из факторов несвободы человека, причем — несвободы в самом, казалось бы, сокровенном и частном — в его собственном сознании» (Михина, 1996).

В связи с диалектической парностью категорий: свобода — необходимость, случайность — закономерность — возникают попытки связать по логическим законам свободу и случайность. В рамках синергетической логики метафорически рассматривает сознание А.М. Улановский. Синергетика, отмечает автор, позволяет определить «роль и место случайных процессов в динамике сознания», что также «показывает необходимость корректировки общего принципа детерминизма» в самых разных областях психологии. Автор справедливо считает, что «индивидуальное сознание... обладает гораздо большей свободой в выборе способа действия и ответа на изменение тех или иных условий», нежели общественное и, в частности, политическое сознание (Улановский, 2005).

Обращение к синергетике в данном и в ряде других случаев воспринимается как попытка сохранения сциентистской (междисциплинарной) идеологии в изучении сознания, что позволяет вернуть в психологию установку единства, монизма и внешней детерминации наряду с идеологией гуманизма и связанных с ним плюрализмом, полифонизмом и самодетерминацией явлений сознания. Изменение локуса детерминации, таким образом, меняет форму активности сознания от междисциплинарного дискурса к унитарному и наоборот.

3.6. Особые состояния сознания⁹

Особые, или, как их чаще называют в последнее время, измененные, состояния сознания (ИСС) — это еще одна возможность «увидеть» сознание со стороны, попытаться показать его «обычную логику» из необычной определенности.

⁹ Раздел написан при участии Р.Ф. Ихсанова.

Как считают В.В. Кучеренко, В.Ф. Петренко и А.В. Россохин, изучение феноменологии ИСС позволяет переосмыслить проблему сознания, расширить границы традиционного понимания личности (Кучеренко, Петренко, Россохин, 1998). Авторы рассматривают следующие факторы ИСС: стрессовые и аффектогенные ситуации, сенсорная депривация, интоксикация, гипервентиляция легких или длительная задержка дыхания, когнитивно-конфликтные ситуации, гипноз, медитация и др. Как видим, в подавляющем большинстве случаев речь идет о нарушении или существенном изменении контакта человеческого организма с обычной (привычной) внешней природной или социальной средой и внутренней организацией жизни. В.В. Кучеренко, В.Ф. Петренко и А.В. Россохин приводят также описание качественных характеристик ИСС:

- интенсивные эмоциональные переживания новизны, необычности, ирреальности;
- переживание текущего состояния не как продукта собственной психической активности, а как чего-то «приходящего извне»;
- невозможность пересказа пережитого опыта и др.

Весьма важным, на наш взгляд, является предположение авторов о «коммуникативном» характере наглядно-чувственных (довербальных) образов в ИСС: встреча сознательного Я с бес-сознательным; монолог либо диалог.

ИСС можно рассматривать в негативном плане как «фантом», тем не менее сохраняющий «реальные побудительные силы, которые направляются тогда на разрушение индивида, а то и социума», на что указывают Е.П. Велихов, В.П. Зинченко и В.А. Лекторский: в онтологическом плане «дефицит бытийности» — это, прежде всего, симптом многих измененных состояний сознания (Велихов и др., 1988).

В качестве объяснения можно также принять предположение Е.В. Субботского, сделанное по поводу исследуемого автором феномена веры (убеждения, поведения и т.д.) в магическое или «потребности в трансцендентном»: «погружение человека в сферу необыденной реальности (фантазия, сновидения, игра), освобождая его от скованности пространственно-временными и каузально важными ограничениями, дают ему ощущение свободы и непосредственной связи с универсумом и связанное с этим чувство силы и всемогущества» (Субботский, 2007, с. 51–52).

Таким образом, потеря контакта при сохранении свободы в работе сознания либо обретение специфического, иллюзорного контакта, на наш взгляд, — основная детерминанта ИСС.

В современной практической психологии ИСС используются в позитивном плане для преодоления субъективно неразрешимых проблем пациента посредством погружения в особое состояние и актуализации, активизации новых форм и средств регуляции сознания (В.В. Козлов).

Одна из моделей исследования ИСС связана с уровневым рассмотрением сознания и восходит еще к работам С.С. Корсакова. И.И. Лукомский описывает произведенный С.С. Корсаковым анализ стадийности, ступенчатости развития сознания в процессе его реинтеграции (выход из обморочного состояния). В первой фазе реинтеграции сознания есть только крайне смутное сознание существования. В последующей фазе сознаются представления, но в хаотическом беспорядке, так как нельзя решить, принадлежат ли эти представления внешнему или внутреннему миру. Я и не-Я в этот период не существуют. В третьей фазе уже дифференцируется Я и не-Я, сознается, «что принадлежит мне», что внешнему миру, но нет никаких других отношений предметов, нет причин и следствий, нет зависимости. Только в четвертой фазе является в сознании вопрос: «Почему?» — и становятся возможны объяснения взаимного отношения явлений между собой (Лукомский, 1966).

В уровневой схеме с позиций изменений в языке и речи исследует ИСС Д.Л. Спивак. Он выделяет следующие уровни сознания как различные градации ИСС: сонливость (сомноленция), легкое оглушение, среднее и сильное оглушение, ступор, прекоматозное состояние, кома. Согласно Д.Л. Спивак, каждому из составных (уровней) ИСС соответствует свой «язык», т.е. «система лексико-грамматических средств, присущих этому уровню» (Спивак, 1986, с. 81). Д.Л. Спивак изучает язык и речь в необычных условиях существования (фармакологическое воздействие, особые пространственно-временные условия: высокогорье, стресс, глубокое утомление).

В.А. Петровский определяет стремление к переживанию себя в измененных состояниях сознания как форму проявления «активно-неадаптивных тенденций личности». Основной определяющий признак ИСС, согласно автору,— это «необратимость» (термин Ж. Пиаже) саморефлексии в противоположность состоянию ясного сознания, связанного с обратимостью саморефлексии. Характеризуя неадаптивность ИСС, автор отмечает «неустойчивость баланса между переживаниями самотождественности Я и самотождественности (псевдоидентичности?) не-Я, что в одном случае ведет к переживанию эмоциональной дефицитарности... в другом — к деперсонализации. Существенной особенностью здесь

является факт привыкания к необычным переживаниям, что может вести к постепенному сдвигу границы между Я-«обыденным» и Я-«необычным», то есть к тому, что ситуации, прежде порождавшие необычные переживания, утрачивая новизну, лишают индивида этих переживаний, что побуждает его к поиску новых и т.д. Этот механизм может лежать как в основе регресса (наркотизация), так и развития личности (постановка все более высоких целей, ведущая к духовному росту...)» (Петровский В.А., 1996, с. 161–162).

По мнению И.В. Смирнова, Е.В. Безносюка и А.И. Журавлева, ИСС — собирательное понятие, объединяющее все состояния сознания, отличающиеся от условно-интактного (Смирнов и др., 1995). Считается, что при отсутствии активной деятельности и выраженных эмоций в бодрствующем состоянии человек пребывает в ясном сознании. Осознавание информации определяется объемом и скоростью, которая характеризуется как индивидуальными, так и ситуативными различиями. В этом контексте выделяют, например, шпер-рунг (остановка мыслей) при суженном сознании, люцидное состояние (ясность, просветление) при расширенном сознании. Последнее изучено в нашей стране меньше, чем суженное сознание.

О.Н. Кузнецов и В.И. Лебедев изучали состояние сознания в условиях «публичного одиночества», т.е. состояние человека, который, находясь в одиночестве, знает, что за ним ведется непрерывное анонимное наблюдение. Надо сказать, что возможны две противоположные модели одиночества:

- полная физическая изоляция от общества, обычно вызывающая страх, тревогу;
- частичная (неполная) изоляция с возможностью коммуникации в крайних случаях, в частности, изоляция, предполагающая знание о том, что ведется наблюдение.

О.Н. Кузнецов и В.И. Лебедев фиксировали различные формы спонтанной речевой активности в условиях «публичного одиночества»: монологическую, когда испытуемый комментирует все то, что он видит и делает; диалогическую — испытуемый разговаривает с собой, убеждает, утешает и т.д.

Во втором случае испытуемый формирует партнера по диалогу либо создает его в своем воображении, снимая, таким образом, эмоциональное напряжение.

Опираясь на фактический материал повести А. Камю «Посторонний», авторы заключают, что остается открытым вопрос: достаточно ли для человека прожить один день, чтобы обеспечить себя таким богатством интенциональности, при котором сознание не

нуждалось бы в социальном контакте многие годы. Но ясно одно, что индивидуальное сознание не мыслится без предварительного общественного опыта (Кузнецов, 1971).

В другой публикации О.Н. Кузнецов и В.И. Лебедев, анализируя результаты наблюдения за испытуемыми на 5-м месяце голодания, констатируют нарастающую трудность испытуемых вступать в контакт с окружающими («между содержанием книг и мною образовалось тоже что-то вроде барьера»; «чувство эмоционального контакта между автором книги и мною, казалось, было потеряно полностью»; «внешний обращенный вопрос заставлял прилагать значительные усилия для социального контакта с окружающими» — Кузнецов, 1972, с. 104–105).

Авторы считают, что «необычные психологические состояния в экспериментальной изоляции» можно рассматривать как модели психологических расстройств, и иллюстрируют «синдром изоляции» на ряде психических заболеваний (там же, с. 308–309).

С. Кардаш классифицирует ИСС, видимо, по степени измененности на три группы: особые состояния сознания (сверхбодствование, индуктивное сознание, предсмертное сознание, озарение, опьянение, ритуальный транс); трансовые состояния сознания (транс, медитация, гипноз); сон (быстрый, глубокий) (Кардаш, 1998).

В работе Т.И. Ахмедова и М.Е. Жидко ИСС и особые состояния сознания (ОСС) не дифференцируются. К последним авторы относят гипноз, транс, сновидения, воображение, фантазии, медитацию и др. (Ахмедов, 2000).

Ни в этой, ни в вышеупомянутой работе не указывается критерий идентификации ИСС или ОСС, т.е. не дается качественной характеристики ИСС. Из контекста работ можно предположить, что критерием является уровень «активности» сознания: «усиленное» (сверх, выше обычного, повседневного) функционирование, сверхслабое функционирование структурных компонентов (внимание, память, перцепция, аффект, мышление и т.д.) или образующих (чувственная — биодинамическая ткань, смысловая сфера — озарение и т.д.) сознания.

Можно дифференцировать ИСС по критериям широты — узости, глубины — поверхностности контакта в сочетании со степенью свободы. Так, гипноз в этом случае характеризуется полным внешним контактом и потерей автономности (свободы), а медитация — полным внутренним контактом.

Серьезное научное исследование одного из типов ИСС — «расширенного состояния сознания» (РСС) — предпринял В.В. Козлов. РСС возникает при «связном» (осознаваемом) дыхании и харак-

теризуется максимальной мобилизацией резервных возможностей человеческой психики и работы организма в целом. В.В. Козлов выделяет такие качества РСС, как осознанность, контролируемость, управляемость, присутствие воли, возможность в любой момент вернуться в обычное состояние сознания. В качестве последствий РСС автор отмечает «аутизацию сенсорной сферы», искажение восприятия времени, гипермнезию (Козлов, 1999).

В.В. Козлов дает описание также трансовых состояний сознания (отрешенность сознания, вызываемая произвольно или возникающая при «застревании» внимания на объектах интроспекции или качествах восприятия внешних предметов); функциональных состояний сознания, возникающих при концентрированном выполнении определенной деятельности, работы; «психоделического состояния сознания», вызываемого введением в организм психоделиков или глубокими психофизиологическими сдвигами; а также «нулевого сознания» (полное отсутствие сознания, глубокий сон).

Чаще с ИСС имеют дело в связи с утилитарными целями психокоррекционной практики: психотерапии, тренинговой работы, консультировании и т.д. Использование ИСС для ауто- и гетерокоррекции необходимо, прежде всего, потому, что в состоянии полного сознания клиент осуществляет контроль над поступающей информацией и способен изменять свое отношение к форме и содержанию воздействия в зависимости от имеющихся социальных и личностных установок. Например, в психотерапии используют те формы ИСС, которые возникают в гипнозе, медитации, АТ, при воздействии психотропных веществ и т.д. (интересно заметить, что в советской психотерапии акцент, главным образом, делался на суггестивных атаках). По мнению некоторых авторов, с точки зрения возможностей ввода информации с целью психокоррекции, понятие ИСС несовершенно, так как удобнее оперировать терминами и концептами, исходя из ввода в память возможной семантической информации (Смирнов, 1995).

В этическом плане при «внешнем» использовании ИСС важны контрактные соглашения с «пациентом» о степени ограничений контактов (коммуникации) или свободы (произвольности).

3.7. НАРУШЕНИЯ СОЗНАНИЯ

Словосочетания «нарушение сознания», «расстройство сознания», «патология сознания» встречаются в психологии нечасто, за исключением таких ее отраслей, как медицинская или

клиническая психология. Изучение отклонений от «правильного» функционирования имеет свои плюсы и минусы. Действительно, с одной стороны, как отмечает, в частности, А.А. Меграбян, психологическая картина психического отчуждения есть наглядный пример природного эксперимента, который может помочь раскрыть некоторые стороны сознания личности (Меграбян, 1978). С другой стороны, непредставленность исследовательского внимания к нарушениям сознания (именно сознания, а не психики) в сферах труда (психология труда), образования (педагогическая психология), спорта (психология спорта), семейных отношений и т.д. не дает возможности в полной мере учесть специфику нарушений и определить адекватные процедуры, коррекции или помощи.

Можно предположить, что последовательность определяющих характеристик: нарушения, расстройства, патологии — выстраивается в соответствии со все большей шириной (глубиной) либо временной устойчивостью поражения сознания.

Специфические «повреждения» сознания могут рассматриваться в контексте различных определений сознания — в широком плане всей психики или в узком, т.е. собственно сознания; в тех или иных конструкциях структуры сознания; в тех или иных свойствах, типах, формах, видах сознания и т.д. Так, в классической работе Б.В. Зейгарник различные нарушения сознания рассматриваются либо с точки зрения нарушения отдельных психических процессов, входящих в компонентную структуру сознания (память, мышление, восприятие и т.д.), либо их комплексов, а также психических состояний и личностных проявлений. Значительно реже рассматриваются нарушения функций сознания (целеполагание, планирование, принятие решений, контроль и др.).

По Е.А. Климову, к нарушениям сознания относятся: дезориентировка во времени, месте, обстановке, неотчетливое восприятие окружающего, спутанность мышления, «скачки мыслей»; затруднение воспоминаний о событиях внешнего или внутреннего мира; оглушенное состояние, когда человек действует как бы спросонок; делириозное помрачение сознания, когда на человека наплывают яркие посторонние представления, идеи, обрывки воспоминаний вплоть до ложных восприятий; деперсонализация (свои мысли, чувства, действия воспринимаются человеком как бы со стороны, как чужие) (Климов, 1999).

Структурный подход к нарушениям сознания находим также у В.П. Зинченко; его отличие от вышепредставленного состоит в том, что в качестве структурных элементов выступают образующие сознания (см. раздел «Строение сознания»). Согласно В.П. Зинченко,

противоречия, возникающие в сознании, его болезни и деформации связаны с гипертрофией в развитии той или иной образующей, с ослаблением или даже разрывом связи между слоями. В этих случаях автор говорит о «разорванном сознании» наряду с «извращенными формами сознания», зачастую определяющими бытие. Освобождение от них, как отмечает В.П. Зинченко, «очищение» нашего сознания представляется делом чрезвычайной сложности (Зинченко, 1991).

Более развернутая картина нарушений сознания представлена в модели образа (сознания) по Ф.Е. Василюку, также основанной на структурном подходе (см. раздел «Строение сознания»). Разрывы связей: слово — значение, слово — предмет и др. — в модели сознания концепции Ф.Е. Василюка возникают в результате искажения образов и процессов сознания. Модель образа (сознания) в данном случае является картой для ориентации в разнообразных психических нарушениях; эта карта объединяет в пространстве самые разные типы нарушений, обладая в то же время высокой разрешающей способностью, дающей возможность дифференцировать внешне очень сходные феномены (Василюк, 1993).

Автор концепции отношений в психологии В.Н. Мясищев, определяя сознание как «единство отражения и отношения», рассматривает нарушения сознания как в структурном, так и в медико-психологическом плане. В первом случае нарушения могут быть связаны с крайним изменением ясности, отчетливости отражения; во втором — с крайними формами отношений. Возможен и третий вариант — совокупное нарушение и отражения и отношения.

Само понятие «нарушение» у В.Н. Мясищева неоднородно и объединяет разнокачественные проявления (типы), а именно: расстройство сознания, недоразвитие сознания, частное выпадение сознания; сознание, измененное патологическим отношением (Мясищев, 1966).

В психопатологическом плане В.Н. Мясищев выделяет:

- нарушения ясности, отчетливости отражения в сознании (помрачение сознания, оглушение);
- сужение сознания;
- состояние спутанности, аменции, астении, делирия (отражение действительности нарушено вследствие утраты связи психических процессов);
- заполнение сознания элементами патологически измененного отражения, исключающими адекватную ориентировку в действительности.

Согласно В.Н. Мясищеву, этими 4 типами не исчерпывается проблема сознания в психопатологии. Автор рассматривает также интеллектуальное развитие или интеллектуальный регресс, определяющие «иное или ненормальное по своей ограниченности сознание» (с регрессом интеллекта регрессирует сознание); «выпадение различных областей познавательного опыта» у слепых, глухих, глухонемых (отсутствие некоторых областей действительности в их сознании либо «частичное выпадение сознательного опыта»); «бредовые нарушения, основанные не на обманах чувств и не на интеллектуальном дефекте» (бред отношения, преследования, бред ревности, сутяжный бред). Причем восприятие, способность суждения и умозаключения первично не поражены, а искажено отношение к некоторым предметам действительности (страсть, любовь, ненависть, желание «давят на познавательные процессы и искажают отношение»). «У этих больных сознание во всем адекватно действительности за исключением одного патологического пункта. Это — пункт болезненно измененных отношений» (Мясищев, 1966).

Отметим здесь, что В.Н. Мясищев считает возможным говорить об адекватном сознании у больных. Ту же позицию находим у другого психолога, изучавшего аномалии личности в рамках другой психологической школы. Б.С. Братусь пишет о больных, которые «прекрасно осознают, что необходимо сделать для осуществления намеченного, много об этом думают и рассуждают, но к самой реализации так и не приступают» (Братусь, 1988, с. 210).

Проблема сохранности сознания при нарушениях психических процессов, как было отмечено выше, дополняется не менее сложной инверсией обозначенных переменных, т.е. сохранностью психических процессов при определенных нарушениях сознания. Так, по описанию А.А. Меграбяна, «больные с симптомами деперсонализации переживают своеобразное двойственное состояние: им кажется, что они потеряли чувствительность и реальность ощущения своего тела, не испытывают чувства реальности в восприятии внешнего мира». Они говорят о «потере своих эмоций, об отсутствии образов в процессе мышления, о полной пустоте своей психики. Больным кажется, что они переживают исчезновение своего Я, обезличиваются и превращаются в безвольные автоматы. Но объективное исследование показывает относительную сохранность функций органов чувств, эмоциональных переживаний и разумность мыслительного процесса» (Меграбян, 1978, с. 8). Автор констатирует превращение деперсонализированной личности «в автоматически действующее существо».

На наш взгляд, описанное состояние можно ассоциировать с определенным сочетанием выделенных ранее сущностных характеристик сознания (контакт и свобода): именно при нарушении свободы и наличии объективного контакта происходит нарушение субъективно воспринимаемого контакта и, соответственно, познавательной сферы либо сферы межличностных отношений и самоотношения.

В середине 1960-х годов дискуссия о соотношении психопатологии и нарушений сознания в отечественной психиатрии, судя по публикациям в сборнике «Проблемы сознания. Материалы симпозиума», приняла весьма острые формы. Согласно точке зрения части психиатров, любая психотическая картина представляет собой расстройство сознания; большинство психиатров придерживались диаметрально противоположного взгляда и относили к расстройствам сознания лишь несколько синдромов (Абрамович, 1966).

Так, в свое время М.А. Джагаров и М.И. Коршунова вызвали дискуссию тезисом: «Нет душевного заболевания без измененного сознания». Кроме того, они считают, что при психозах происходят качественные изменения сознания, в то время как невротические расстройства характеризуются количественными изменениями.

А.С. Борзунова в случаях ориентировки больного во времени, пространстве, месте и окружении рассматривает графаретную констатацию «сознание ясное», используемую частью психиатров при наличии определенных психических нарушений (бред при депрессивных и маниакальных состояниях и т.д.), она приходит к выводу, что соединение, в частности, расстройства мышления с ясным сознанием надо считать методологической ошибкой (Борзунова, 1966).

Н.М. Васюков также выступает против термина «ясное сознание» в психиатрии, считая слишком узким толкование ясного сознания как способности ориентироваться в окружающей обстановке, в месте и во времени (Васюков, 1966).

И.Ф. Случевский считает, что любой симптом психического заболевания или психического расстройства должен быть понимаем лишь в аспекте признания сознания нарушенным, и также критикует принятый в психиатрии критерий вменяемости (ориентировка во времени, месте, окружении), т.е. понятие сознания, ограничивающегося способностью ориентироваться в месте, времени и окружении, является ошибочным. И.Ф. Случевский не принимает сложившейся в психиатрии практики, когда в записях истории болезни указывают, что тот или иной несомненно психически больной человек находится в «ясном сознании», — и там же излагаются его иллюзии, галлюцинации, бредовые идеи, болезненные изменения

настроения, неправильное поведение. Автор категорично заключает, что не может быть никакой психической болезни, при которой не было бы нарушения сознания (Случевский, 1966).

Это становится понятным, если считать, что одна из задач сознания состоит в том, чтобы упорядочивать наши сенсорные восприятия (Налимов, 1993).

Противоположная точка зрения имеет не меньше приверженцев. Е.С. Авербух выступает против отождествления понятий «расстройство психической деятельности» и «расстройство сознания»; неверно говорить о расстройстве сознания у больных, продолжающих успешно, с высокой продуктивностью работать и выполнять важные общественные функции (Авербух, 1966).

М.О. Герцберг вносит некоторую ясность в проблему, выделяя два типа нарушений сознания:

- нарушение содержания сознания;
- нарушение сознания в клиническом смысле, или «помрачение сознания».

Согласно М.О. Герцбергу, в патологии, при дефектных формах отражения действительности наблюдаются различные уровни нарушенного, но продолжающего существовать сознания (с изменением его содержания). Основным критерием для практики (медицинской, юридической), по мнению М.О. Герцберга, является степень сохранности самосознания (Герцберг, 1966).

Это согласуется с замечанием Б.Г. Ананьева о том, что особенностью сознания является относительная непрерывность его состояний, образующих общность различных психических процессов и их отнесенность к Я, т.е. к самосознанию субъекта (Ананьев, 1968).

Д.Р. Лунц, Г.В. Морозов и Н.И. Фелинская, рассматривая явления аффективно-суженного сознания в практике судебно-психиатрической экспертизы, приходят к выводу, что это явление может быть названо патологическим, когда к оценке его могут быть применены не психологические критерии, связанные с физиологическими закономерностями, а клинические, основанные на патофизиологических нарушениях (Лунц, 1966).

Л.Л. Рохлин также критикует формулу, по которой «любой психоз есть патология сознания», т.е. критикует тех психиатров, которые возражают против выделения расстройств сознания в отдельную психопатологическую категорию, поскольку любая форма психической патологии, с их точки зрения, есть патология сознания. Автор связывает нарушения сознания с теми или иными нарушениями в структурной характеристике сознания (Рохлин, 1966).

И.И. Лукомский, ссылаясь на М.О. Герцберга, считает необходимым выделение большой и многообразной по своим проявлениям группы **парциальных** расстройств сознания в противовес тезису, что сознание либо есть, либо, если оно нарушено, его нет. И.И. Лукомский считает, что в случаях, когда больной **сам сознает** необычный, несвойственный ему в прошлом характер его мироощущения, тяготеет этими изменениями, воспринимает их как нечто чуждое его личности, как проявления болезни, правомерно говорить лишь о **«парциальном нарушении сознания»** (Лукомский, 1966).

Сложность такого подхода обнаруживается, в частности, в рассуждении Б.А. Целибеева. Он ссылается на то, что синдромологическая классификация расстройств сознания весьма сложна и относительна; еще более сложна, динамична и полиморфна психопатология состояний с нарушением сознания; совершенно недостаточно в ряде случаев чисто внешнее наблюдение без достаточных субъективных данных, которые не всегда возможно получить от больного (Целибеев, 1966).

Возникновение таких противоречий естественно, так как в традиционной психиатрии понятие сознания в значительной мере лишено концептуальности и является скорее рабочим. Психологическое же понимание данного феномена позволяет более основательно структурировать как его формальные, так и содержательные аспекты (знание, атрибуты, динамика, уровни и т.д.).

Известно, что такая составляющая сознания, как матрицы долгосрочной памяти, не корректируется воздействием психотропных веществ, которые влияют только на реализацию поведенческих программ (являющихся, впрочем, также частью сознания). Иначе говоря, не существует медикаментозных средств коррекции фиксированных патологических систем. Ряд авторов, выделяя в энграммах смысловой компонент, именно психосемантические расстройства считают «наиболее общим (типовым) патологическим процессом для всех психических нарушений» (Смирнов, 1995). Такой подход связан с появлением прямых инструментальных методов, делающих возможным изучение параметров семантических структур непосредственно, через поведение субъекта и субъективный опыт, а не опосредованно, через определение количественных мер связи между психосемантическими элементами сознания.

Двухфакторная модель сознания позволяет снять целый ряд сложностей в аттестации нарушений сознания как в медицинской, так и в юридической практике.

4.1. СОЗНАНИЕ КАК КОММУНИКАЦИЯ

Разум становится безграничной волей
к коммуникации.

К. Ясперс

Фактор контакта демистифицирует происхождение и условия функционирования сознания. Идея «сущностной связи живого существа и окружающей среды» (Чуприкова, 1999) носит принципиальный характер для психологического мировоззрения. Как считает В.Н. Панферов, «именно процесс взаимодействия человека с объективной реальностью порождает феноменологический ряд психологических явлений, доступных обыденному наблюдению и научному познанию» (Панферов, 2002, с. 9). Отталкиваясь от тезиса С.Л. Рубинштейна о непосредственной причастности человека к существующей действительности, В.А. Барабанщиков рассматривает восприятие как «чувственную связь индивида со средой» (Барабанщиков, 2006, с. 54), более того, «субъект не отделен и не противостоит воспринимаемому миру, как кажется обыденному сознанию. С самого рождения человек погружен в этот мир и оказывается условием его существования и развития» (там же, с. 66). Эта связь поддается простой классификации по «базовым сферам бытия человека»: физическая, биологическая и социальная; соответственно этому можно дифференцировать типы контакта — телесный, организмический и социальный (там же, с. 62).

Идею связи (контакта) как «кардинальный факт неотделимости живых систем от их среды обитания» решительно утверждает А.П. Стеценко, атрибутируя эту связь как «одну из самых фундаментальных идей теории деятельности». Для А.П. Стеценко несомненна «первичность взаимодействия живого и предметного мира,

их слитность, «взаимовстроенность» и взаимопроникаемость... любой живой организм и среда его обитания абсолютно неразделимы, так как жизнь любого организма — это постоянно себя воспроизводящее динамическое взаимодействие». Первичность и доминирующий статус взаимодействия, по мнению А.П. Стеценко, снимают проблему дихотомий внешнего и внутреннего, социума и природы, индивида и общества, наследственности и воспитания. В таком обобщении сама психика рассматривается автором как «особый подвид... взаимодействия» (Стеценко, 2004).

Масштаб взаимодействия выходит за пределы «постоянного, необходимого человеку процесса оценки и сортировки десятков тысяч сенсорных сообщений, которые каждую секунду человек получает из внешнего и внутреннего мира» (Вацлавик и др., с. 287). Поэтому, считают П. Вацлавик, Дж. Бивин и Д. Джексон, для выживания человеку необходимы не только «условия для нормального метаболизма, но и адекватная информация об окружающем мире». Коммуникация и экзистенция неразделимы, считают авторы (там же, с. 282). Возвращаясь к классификации контакта в работе В.А. Барабанщикова, можно заключить, что, помимо физического (телесного), биологического (организмического) и социального контактов, может быть выделен также коммуникативный контакт, не тождественный социальному (если социальность исключает сообщества животных и коммуникация выходит за пределы биологически детерминированных свойств). В системе коммуникативных контактов можно выделить разные уровни — по содержанию или отношению (метакоммуникация по П. Вацлавику, Дж. Бивину и Д. Джексону). Другая схема уровней, выстроенная по критерию смены различных знаковых средств: невербальные контакты, информационная (словесная) коммуникация, смысловое общение, рефлексивное общение (метакоммуникация) — представлена в нашей работе (Акопов, 2000). Достаточно сложным остается вопрос о трансцендентальных контактах (коммуникация), будь то обращение к высшим силам или фантомное общение. Обращение к особым конфигурациям взаимосвязи среды и человека, например, в условиях сенсорной депривации, позволяет и в этом случае (транскомуникация) усмотреть детерминирующую роль контакта (взаимосвязи) «внешнего» и «внутреннего» в генезисе явлений эгоцентризма (аутокоммуникация, саморефлексия общения) или трансцендизма в общении. Отдельного анализа требует духовная практика различных конфессиональных систем, длительное нахождение человека в условиях тюремного заключения, социальной изоляции и др.

Понятие контакта органично связано с продуктивно разрабатываемым Р.Х. Шакуровым понятием барьера, а также с категорией «граница», предложенной А.С. Шаровым. В этом смысле, по-видимому, «сознание оказывается трансцендирующим устройством, связывающим разные Миры. Оно выступает в роли творца...» (Налимов, с. 102). Дополняет эту мысль утверждение А.У. Хараша, что «деятельность субъекта, равно как и его сознание, подвергается раздвоению: она, с одной стороны, сохраняет продуктивную ориентацию — направленность на выполнение стоящей перед ней задачи, но, с другой стороны, ориентируется еще и на предъявление окружающим самого себя в виде последовательности общепонятных знаков» (Хараш, 1981). Это особенно отчетливо проявляется, как отмечает А.У. Хараш, в деятельности, протекающей в присутствии свидетелей, когда «открываются два смысловых полюса...» — «*смысл для себя*» и «*смысл для других*». Первый реализуется через мотив самой деятельности, а второй — «определенное социально кодированное конвенциональное и общедоступное значение» (там же). Как справедливо в этом плане замечает К. Фриу, «сознание может существовать лишь при том условии, если его свобода, движимая воплощающей его идеей, приходит в непрерывное столкновение с другими сознаниями, другими свободами. Сознание не существует вне этой опоры и этого источника питания» (Фриу, 2004, с. 13–21).

В отечественной психологии по поводу большинства используемых понятий сложилось некоторое согласие. Однако в отношении некоторых категорий существуют принципиальные расхождения во взглядах исследователей, обусловленные, с одной стороны, различными концептуальными подходами, с другой — сложностью, противоречивостью самого явления, наделенного категориальным статусом.

Наиболее трудной и дискутируемой до настоящего времени является категория общения. Трудность увеличивается ввиду существенной специфики трактовки этого понятия в различных отраслях психологии, таких как зоопсихология (этология), общая психология, социальная психология, этнопсихология (психология ментальностей) и др.

Ф.Е. Василюк считает возможным выделить общение не только как важную среди равных категорий (установка, отношение, деятельность) и не просто как один из методологических принципов, а как центральную категорию и главный объяснительный принцип: «Мы убеждены, что создание общепсихологической теории (равноранговой теориям отношения, установки и деятельности), которая

сделала бы общение центральной категорией и последовательно свела бы к ней все психологические реалии, принципиально возможно и даже желательно» (Василюк, 2003, с. 167–168).

Оставляя в стороне дискуссию о моно-, поликатегориальности строения отечественной психологии (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, К.К. Платонов и др.), латентно отражающую более общую проблему возможности стыковки (интеграции) различных теоретических построений в отечественной психологии, попробуем определиться в степени непримиримости позиций: общение есть разновидность деятельности (А.А. Леонтьев); общение не тождественно деятельности (в чем-то более широкое, в чем-то более узкое понятие); общение — существенно иное психическое явление, связанное с субъект-субъектными отношениями, не представленными в деятельностной парадигме субъект-объектных отношений (Б.Ф. Ломов). Тезис об изначальной социальности общения, как и деятельности, скрепляющий их родовой общностью, вовсе не устраняет сомнения в существенном различии проявлений деятельности и общения, так как, исключив из рассмотрения актерское или иное профессиональное общение, трудно соотнести мотив — цель — задачу с многообразием не вполне осознаваемых, а зачастую вовсе несознаваемых актов общения.

Структурно-уровневый подход к общению позволяет снять обозначенное противоречие. Обратимся к дефинициям общения. Как известно, определение нового понятия может быть дано в результате спецификации более широкого понятия (общение — разновидность деятельности) или посредством перечисления его существенных характеристик-признаков (коммуникация, интеракция, перцепция и др.). В последнем случае характеристики могут выступать также в качестве структурных составляющих явления (Седов К.Ф., 2008).

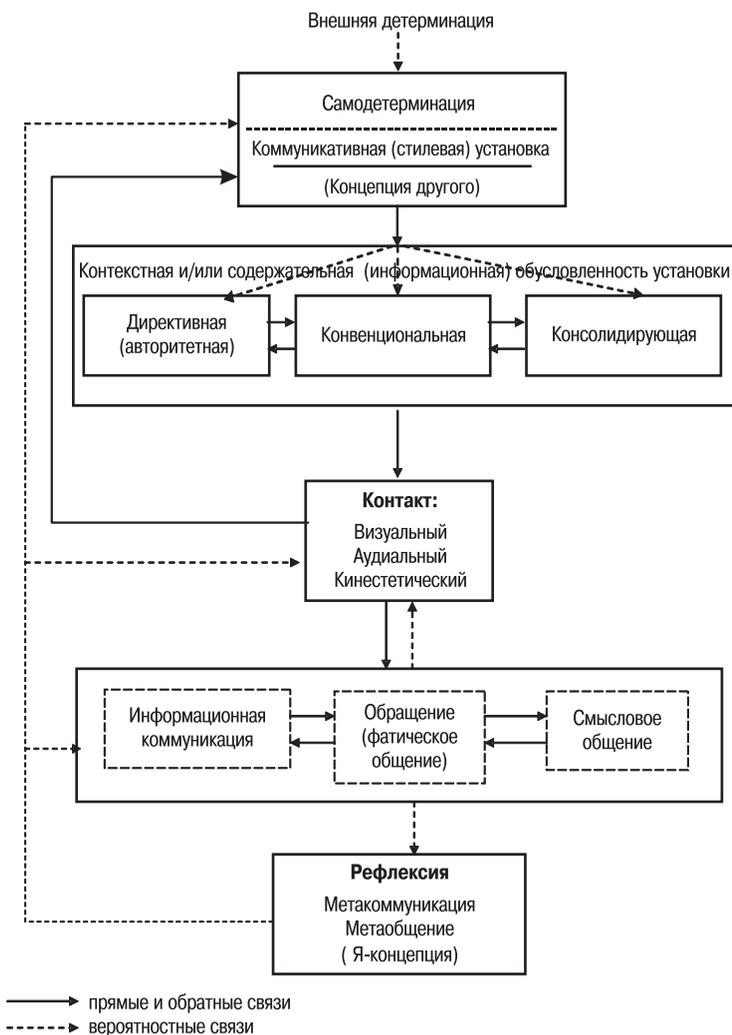
В большинстве структурных описаний общения (Б.Г. Ананьев, В.Н. Мясищев, А.А. Бодалев, А.А. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, Г.М. Андреева и др.) мы не находим уровневой градации актов общения, за исключением работы Б.Д. Парыгина. Предложенное Б.Д. Парыгиным параметрическое описание общения, включающее психологический контакт, обмен информацией, взаимодействие и взаимовлияние, наиболее адекватно для уровневого рассмотрения. Как отмечает Б.Д. Парыгин, общение может «варьировать от высоких уровней взаимопроникновения и взаимопонимания партнеров до самых свернутых и фрагментарных контактов». Действительно, любые акты общения предполагают установление контакта, т.е. такую взаимообусловленную психическую активность двух или более людей (аутокоммуникация или внутренний диалог требует отдель-

ного рассмотрения), в процессе которой атенционные, мнемические, перцептивные и т.д. процессы находятся в совокупно регулируемом состоянии, обеспечивающем возможность установления тем или иным способом обратной связи между общающимися.

Контакт — минимально необходимое условие общения, позволяющее реализовать общение на самом поверхностном уровне. Контакт может обеспечиваться как в знаковой (речевой) форме, так и с использованием тех или иных незнаковых (невербальных) средств. Ни в том, ни в другом случае нет передачи какой-либо содержательной информации, а всего лишь некий аналог сигнализации в характерных для человека выразительных средствах. Во всех случаях неотъемлемым атрибутом контакта является психологический момент (интенция, мотив, установка, направленность и т.д.). В противном случае невозможен следующий уровень общения — коммуникация, в процессе которой осуществляется передача и, соответственно, прием определенной информации. На этом уровне общение вполне соотносимо с деятельностью. «Сильный» эмоциональный момент выводит коммуникацию на третий уровень общения, связанный с необходимостью определения смысла вступления в контакт. Этот смысл, в свою очередь, может в той или иной степени раскрывать те или иные ориентации общающихся. Можно согласиться с А.Г. Асмоловым, что «невербальная коммуникация является преимущественно выражением смысловой сферы личности. Она представляет собой непосредственный канал передачи личностных смыслов». Возможно, что автор излишне категоричен, утверждая невозможность создания «кода, словаря, дискретного алфавита языка невербальной коммуникации» и что «в соотношении вербальной и невербальной коммуникации выигрыш коммуникации на уровне значений обрачивается порой проигрышем коммуникации на уровне смыслов» (Асмолов, 2002, с. 370–371).

Таким образом, уровневая градация (структура) общения складывается из *общения-контакта, общения-коммуникации и смыслового общения (раскрытие смысла)*. Первый и третий уровни в этой структуре могут носить случайный характер, не оформляясь в деятельность, в то время как на уровне коммуникации (передача информации) общение невозможно без деятельностных компонентов. Такое структурирование общения, не отменяя других подходов (функциональный, динамический и т.д.) позволяет разрешить проблему соотношения категорий деятельности и общения.

Структурно-уровневая схема процессов коммуникации (общения)

4.2. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ, ОБЩЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ГРУППОВОГО СОЗНАНИЯ

В философской литературе термин «общественное сознание» обозначает «совокупность идей, теорий и взглядов, социальных чувств, привычек и прав людей, отражающих объективную действительность — человеческое общество, природу» (Афанасьев, 1977, с.291). Определяемое таким образом общественное сознание — очень широкая категория, включающая общественную психологию и идеологию, политические и правовые идеи, мораль, искусство, философию, религию, которые рассматриваются как формы общественного сознания. Очевидно, носителем определяемого таким образом сознания может быть только все общество в целом, что и отражено в термине. Поэтому естественно, что философы рассматривают «общественную психологию» как групповой феномен, представляющий совокупность интересов, мыслей, настроений, общественного мнения (Давыдов, 1986, с. 316), «взглядов, привычек, чувств, нравственных черт, эмоций, заблуждений и иллюзий, возникающих у тех или иных классов, наций, социальных групп, профессий под воздействием непосредственных условий их труда и жизни» (Афанасьев, 1977, с. 297).

Сознание на уровне общественной психологии, т.е. не теоретически фиксируемое, а реальное, присущее конкретным классам, группам, есть «первый, низший уровень отражения действительности, называемый обыденным сознанием..., которое весьма близко к индивидуальному. Однако это массовое, коллективное сознание. Оно формируется стихийно у больших масс людей под непосредственным влиянием условий их бытия» (там же, с. 298). Обыденное сознание выступает в виде тех впечатлений, настроений, представлений, которые опираются на жизненный опыт человека, его личные наблюдения, так называемый «здоровый смысл» (Dember, Galinsky, Warm, p. 104). Кратко достижения традиционной отечественной философской мысли в исследовании проблем сознания можно выразить в следующих положениях, определяющих сущность и значения сознания:

- 1) общественное сознание отражает общественное бытие — может отставать от развития общественного бытия, опережать его, обладает преемственностью в развитии, активно воздействует на бытие;
- 2) социальная макросреда воздействует на сознание личности через различные микросреды;

- 3) главным фактором, определяющим формирование и развитие содержания сознания личности, выступает социальная среда и деятельность, с помощью которой личность вовлечена в данную среду;
- 4) определяющим компонентом в социальной среде являются экономические условия, но она не сводится к ним и включает также надстроечные элементы (политическая, социальная и духовная деятельность; межгрупповые и межличностные отношения).

К сожалению, в традиционной отечественной философии вопросы опосредования взаимосвязи общества и личности, общественного и индивидуального сознания оказались мало проработаны. Этому, видимо, мешала свержидеологизированность многих философских представлений и упорная догматизация теоретических конструкций марксизма-ленинизма. Выход из тупика (разрыва между общественным и индивидуальным) подсказывали социологи и социальные психологи. История становления понятия «групповое сознание», выступающего переходным «мостом» в обозначенной проблеме, на наш взгляд, продолжает оставаться актуальной с точки зрения рефлексии политических, экономических и социокультурных изменений постсоветского периода.

В начале 1960-х — середине 1970-х годов разрешенным фоном разработки понятия группового сознания послужила частичная, а затем все большая легитимизация социально-психологического направления в советской психологии. В Ленинграде (Санкт-Петербурге) и в Москве это происходило по-разному. В северной столице — с большей опорой на зарубежный опыт, позволявший избежать повторения ошибок (исследования Е.С. Кузьмина, В.Е. Семенова, А.Л. Свенцицкого, А.Г. Ковалева, Б.Д. Парыгина и др.), в союзной столице — с опорой на деятельностный подход (Г.М. Андреева, Г.П. Предвечный и Ю.А. Шерковин, А.И. Донцов, А.В. Петровский, Р.С. Немов, В.В. Новиков, Б.Ф. Поршнев, Л.И. Уманский, А.С. Чернышев и др.). Параллельно вызревало оригинальное отечественное развитие концепта субъекта в области социальной психологии — групповое сознание, групповой субъект (Е.В. Шорохова, К.К. Платонов, А.Л. Журавлев, В.П. Позняков и др.). Впервые наиболее отчетливо понятие группового сознания было актуализировано в отечественной психологии К.К. Платоновым.

В статье «Личность как объект социальной психологии» К.К. Платонов всю систему проблем современной психологии разделяет на две «взаимопроникающие подсистемы». Первая — это

«система индивидуальной психологии», предмет которой — «индивидуальное сознание как субъективный компонент психики человека». Индивидуальное сознание в его единстве с деятельностью человека представляет собой высшую форму психического отражения; и вторая — «групповое сознание и психические явления, возникающие только в результате общения как психического взаимоотражения». В совокупность соответствующих проблем, представляющих собой «систему социально-психологических наук», К.К. Платонов включает и педагогическую психологию (Платонов, 1975а).

Представленные в психологии определения группового сознания можно дифференцировать по двум критериям. Первый критерий связан с выделением одного из психических процессов (перцепции, аффекта, мышления, воли и др.) как центрального в ситуации группообразования; второй — с объединением нескольких показателей, что часто встречается в трактовках психологического климата, о чем речь пойдет ниже. На актуальность изучения группового сознания в первом из указанных планов обращает внимание К.Е. Данилин, замечая, «что исследование детерминант группового поведения исключительно в рамках “реальных” показателей не может быть адекватным. Необходимо выявление таких показателей, в которых будет зафиксирован как “реальный”, так и субъективный план — план восприятия» (Данилин, 1977).

Более широко, «как аналог структуры общественного сознания», понимает групповое сознание А.А. Кокурин (Кокурин, 1975). Согласно его пониманию, «групповое сознание есть слепок общественного сознания», «единство идеологических и психологических отношений». Компоненты последних — «ценности, традиции, установки, групповые цели, интересы, симпатии, антипатии и т.п.». Такая аналогия вполне уместна для групп вообще, тем более что, как пишет Е.С. Кузьмин, имея в виду контактные группы, элементы идеологически систематизированного, а также и обыденных представлений могут стать характерными чертами группового сознания тех или иных групп и коллективов (Кузьмин, 1979, с. 70).

В генезисе индивидуального сознания В.Н. Мясищев выделяет три стадии, которые можно последовательно назвать как этапы: 1) безличного «называния»; 2) личностно осознанного отношения и 3) осознания объективно обусловленной необходимости и личностного отношения к ней. Для определения динамических характеристик группового сознания воспользуемся данной последовательностью развития сознания в онтогенезе.

На начальном этапе становления группового сознания в индивидуальном сознании людей, составляющих контактную группу,

появляются общие элементы. Это закономерный, объективный процесс, обусловленный единой организационной средой, необходимостью согласовывать и объединять усилия в процессе совместной деятельности и, наконец, естественным общением, официальными коммуникациями, неформальными отношениями. Самый первый вопрос, возникающий в связи с таким определением, — это вопрос эмпирического подтверждения существования группового сознания. Уточним проблему. Речь идет не о том, что у двух различных по полу, возрасту и т.д. групп людей, возможно находящихся в разных условиях, одни и те же специфические факторы формируют одни и те же элементы сознания в некотором фиксированном отношении (выбранная система отчетных суждений). При такой постановке вопроса теряется особенное в групповом сознании, т.е. сознание организованной контактной группы, призванной решать единую задачу, индивидуальное решение которой эффективнее в случае существования некоторой катализирующей связи (бригадный метод, работа по решению одной задачи и т.д.). В исследованных нами производственных и учебных группах сравнение показало, что игнорировать внутренние условия (индивидуальный состав и пр.) в процессе становления тех или иных состояний группового сознания нельзя. Невозможность констатации реальности феномена группового сознания только в связи с результатом совместной деятельности или ее эффективностью обусловлена также тем, что согласованность действий в группе, осуществление общепринятой линии поведения, следование установленной системе предписаний и т.д. может не соотноситься с субъективной значимостью, смыслом, местом и т.д. исполняемого действия в сознании индивида.

Следующий этап становления (уровень развития) группового сознания связан с явлением, которое иногда называют «самосознанием группы». В высшей степени своего развития самосознание группы состоит в том, что участники группы «понимают не только общность своих интересов и целей, но и отличие их от интересов и целей других групп, и необходимость действий по их осуществлению» (Социальная психология, 1975, с. 62). Становление второго уровня группового сознания связано с сознанием и переживанием общности с другими людьми, генезисом коллективных начал поведения и чувства Мы (Б.Ф. Поршнев), идентифицируемого с определениями этой общности как Мое — Наше (Ананьев, 1968, с. 286). Если для начального этапа задача психолога состоит в том, чтобы исходя из интегративных, коммуникативных и регулятивных функций группового сознания, объяснить совпадение содержания сознания (или различие) в одной или нескольких группах, то для последующих

этапов — выявление первоначального механизма осознания Мы, связанного, как отмечает Б.Г. Ананьев, «с обособлением данной общности и противопоставлением ее всему остальному (Мы — Они)» (Ананьев, 1968, с. 286). Заметим также, что если осознание личностью своей связи с группой, своей общности с ней играет роль побуждения и эмоционально окрашено, то общие элементы в содержании сознания членов группы в значительной мере регулируют их совместную деятельность. Следовательно, если технология производства или обучения не обеспечивает достаточной связи и взаимозависимости действий членов группы, то эта сторона активности членов группы, по всей видимости, не создает предпосылок для формирования группового сознания. Зависимость состояний группового сознания от уровня развития группы несомненна. Сложность состоит в определении уровней. Когда исследуют взаимоотношения в коллективе, то чаще говорят не о групповом сознании, а о социальных нормах и ценностных ориентациях. Некоторые авторы отождествляют эти понятия: «Неписаная система стандартов, норм, традиций определяется как групповое сознание. Оно может влиять не только на конкретные действия, поддающиеся непосредственному наблюдению, но и на такие сложные состояния личности, как, например, установки» (Свенцицкий, 1973, с. 17).

Специфическое социально-психологическое понятие группового сознания (совокупность норм, ценностей, установок, мотивов, целей), выступающее «в качестве одного из регуляторов деятельности человека, прежде всего в пределах данной группы» (Свенцицкий, 1973, с. 17), следует расчленить по аналогии с различием общепсихического и сознательного на индивидуальном уровне. Так же как индивидуальное сознание, не сводясь к психическим процессам, состояниям и свойствам личности, нарушается при нарушении одного из интегрируемых компонентов, так и групповое сознание тесно связано с рядом социально-психологических функций, состояний или свойств коллектива. Воспроизведем их по аналогии с приводившейся ранее схемой структуры индивидуального сознания (см. рисунок 1).

В соответствии со схемой можно охарактеризовать формы коллективного сознания, вслед за Г.Г. Левиной и Ю.В. Левиным, как единство воли, цель коллектива, идейная общность, сотрудничество и взаимопомощь, «внутреннее руководство», т.е. наличие самодисциплины и ответственности, демократизм в коллективе в качестве «самоуправляемой и саморегулируемой системы» (Левина, Левин, 1977).

В соответствии с приведенной схемой (рисунок 1) в случае ее менее подробного структурирования можно согласиться с В.Л. Арбениной,

Рис. 1. Структура группового сознания

разделяющей всю «социально-психологическую сферу жизнедеятельности производственного коллектива» на три подструктуры: 1) функционирование коллективного сознания, к которому автор относит «совокупность чувств, настроений, взглядов, мнений, коллективных потребностей, интересов, системы ценностей, отражающих бытие данного коллектива, выработанных для конкретных ситуаций его жизнедеятельности»; 2) «нормативные элементы коллективного сознания, закрепленные в реальном поведении членов данной социальной группы — коллективные нормы, традиции, обычаи, общественное мнение»; 3) «взаимоотношения работников в процессе совместной трудовой деятельности» (Арбенина, 1975).

Более близкой к нашему построению представляется конструкция В.А. Дзюбалова, рассматривающего «общественную психологию коллектива» как «совокупность различных сторон группового сознания». В.А. Дзюбалов выделяет «пять основных феноменов общественной психологии коллектива: 1) интеллектуально-оценочные элементы (взгляды, оценки, иллюзии, групповые представления, мнения коллектива); 2) ориентировочно-мотивационная направленность (интересы, цели, ценности и системы отношений); 3) коллективная воля (решимость, настойчивость и т.д.); 4) эмоционально-динамические явления (эмоции, настроения); 5) нормативно-устойчивые элементы (традиции, привычки и т.п.)» (Дзюбалов, 1973).

Согласно В.Б. Ольшанскому «групповое сознание — это те стороны сознания индивида, которые присущи ему как представителю данной группы». Это, прежде всего, «определенные установки восприятия и отношения к явлениям действительности» (Ольшанский, 1965).

Таким образом, неявно оформившаяся уровневая структура группового сознания оказалась очень похожей на структуру общения, закрепившуюся впоследствии в социальной психологии

(см. определения и структуру общения Г.М. Андреевой, Б.Ф. Ломова и др.). В целом можно заключить:

1. В системе регуляции групповой деятельности непосредственно участвует феномен группового сознания.

2. Сознание группы (коллектива) — специфическое промежуточное психическое образование между общественным и индивидуальным сознанием.

3. Под групповым сознанием понимается три класса (уровня) явлений: **на уровне группы** — общее во взглядах, суждениях, оценках членов группы; **на уровне личности** — осознание личностью своей общности с другими членами, идентификация с группой, гордость за группу, готовность отстаивать ее интересы; **на уровне межличностных взаимодействий и взаимоотношений** — единство норм поведения в группе, групповые критерии оценки отношений и др.

Помимо групповых норм поведения, к средствам «регулирования взаимоотношений в коллективах» Е.С. Кузьмин, А.Л. Свенцицкий, А.А. Русалинова, И.П. Волков относят и общественное мнение коллектива (Кузьмин и др., 1975, с. 145–146).

Психологи сходятся в определении общественного мнения как коллективного суждения, «интеллектуального процесса» (Марищук, 1982, с. 4; Социально-психологические проблемы, 1975, с. 6), совокупности преобладающих оценочных суждений (Щербаков, 1980, с. 26). Однако не всегда проводится четкое различие группового сознания и общественного мнения коллектива. Так, В.А. Дзюбалов отождествляет их, присоединяя к совокупности групповых суждений, оценок представления, убеждения и иллюзии членов группы. Действительно, как пишет А.Г. Ковалев, «единство морально-политической позиции коллектива позволяет прийти к быстрому вынесению коллективного суждения» (Ковалев, 1978, с. 53), состояние группового сознания определяет возможность формирования общественного мнения по тому или иному вопросу, затрагивающему интересы коллектива. Заметим также, что, согласно А.Г. Ковалеву, общественное мнение, будучи сугубо интеллектуальным суждением, в то же время подвержено влиянию эмоциональных факторов и может быть окрашено «в определенный эмоциональный тон» (Ковалев, 1972, с. 104).

Очевидно, что становление группового сознания на всех уровнях невозможно без общения. «В процессе общения,— считал Б.Г. Ананьев,— происходит не только обмен мыслями посредством речи, но, как известно, любая совместная деятельность, с которой связаны те или иные симпатические переживания и совокупные результаты сотрудничества, а также те или иные конфликты и мо-

ральные противоречия» (Ананьев, 1980б, с. 166). На формирование общности индивидов, «обмен характерологических свойств и взаимное уподобление» в результате длительного общения указывает С.Л. Рубинштейн (Рубинштейн, 1946, с. 669). «Именно в процессе общения, — пишет Б.Ф. Ломов, — осуществляется, прежде всего, обмен идеями, интересами, «передача» черт характера, формируются установки личности, ее позиции». «В общении формируется, развивается и проявляется система отношений «субъект — субъект(ы)» (Ломов, 1979, с. 38).

Развернутую картину формирования общих взглядов в результате общения создает А.Г. Ковалев (Ковалев, 1972, с. 58). На ее основе можно выделить главную функцию общения в процессе становления группового сознания на первом его уровне — обмен мнениями, в которых выражается «интеллектуальное оценочное отношение» людей к различным сторонам реальной жизни (там же, с. 58). Но в динамичной картине, представленной А.Г. Ковалевым, изображен тот случай становления первого уровня группового сознания, когда оно формируется одновременно с общественным мнением.

Помимо взаимного обмена информацией, к функциям общения в процессе формирования «совокупного субъекта» Б.Ф. Ломов относит также планирование совместной деятельности, разделение функций, их координацию, взаимное стимулирование и взаимный контроль (Ломов, 1979, с. 40).

Г.М. Андреева характеризует структуру общения путем выделения в нем трех сторон: коммуникативной (обмен информацией), интерактивной (организация взаимодействия, т.е. обмен «не только знаниями, идеями, но и действиями»), перцептивной (восприятие партнерами по общению друг друга и установление взаимопонимания), что аналогично, как указывает автор, выделенным Б.Ф. Ломовым информационно-коммуникативной, регуляционно-коммуникативной и аффективно-коммуникативной функциям общения (Андреева, с. 97–98).

Н.Н. Обозов к названным функциям общения добавляет удовлетворение «потребностей в психологическом контакте» (Обозов, 1979, с. 151). Что касается второго и третьего уровней группового сознания (референтность группы, сознаваемые и несознаваемые нормы, традиции, установки), то становление их тесным образом связано с психологическим контактом в процессе общения, исходным механизмом которого Н.П. Ерастов считает «идентификацию, мысленное уподобление партнеров общения друг другу в различных планах»: личностном, познавательном, приводящем

к «самовосприятию, созапоминанию, сомышлению, и т.д.», эмоциональном, деятельностном (Ерастов, 1979, с. 91).

С точки зрения направленного формирования группового сознания очень важны коллективные обсуждения актуальных для группы вопросов. Как замечает М.Г. Ярошевский, «психологические опыты показали, что продуктивность работы существенно возрастает, когда сама группа, а не воздействующий на нее извне администратор принимает важные решения...» (Ярошевский, 1974, с. 419). А.А. Сетов, изучая роль общения в воспитательном воздействии коллектива на личность, обнаружил прямую зависимость «отношений и установок к труду отдельной личности и коллектива от участия его членов в принятии и реализации решений» (Сетов, 1980). По мнению автора, в процессе группового обсуждения, выбора и принятия решения повышается интенсивность информационного обмена мнениями, выдвигается целый ряд предложений. Общение протекает как процесс объединения и столкновения разных точек зрения, совпадения общих интересов и отклонения отдельных индивидуальных притязаний, единства коллективного мнения и проявления социального опыта отдельных людей. Как пишет А.А. Сетов, «процесс принятия решения обуславливает единый ситуативный настрой группы, ориентацию и самоконтроль ее членов, который, в конечном счете, заставляет личность принять установки, требования и нормы коллектива» (там же). В этом отношении групповое обсуждение подобно методу «взрыва», описанному А.С. Макаренко. Оно значительно ускоряет формирование первого уровня группового сознания и создает предпосылки для перехода ко второму и третьему. Но оно же таит в себе опасность полной дезинтеграции мнений и разобщения установок или «замыкания» отдельных личностей в своих представлениях, если вся процедура обсуждения заранее не обдумана и не подготовлена. По-видимому, коллективное обсуждение следует проводить по тем вопросам, по которым в процессе непосредственной деятельности и общения уже создались предпосылки для формирования первого уровня группового сознания, т.е. достигнута достаточная степень общности в оценках, суждениях, представлениях. Это можно выяснить с помощью зондажа — письменного или устного опроса. На это как на первый из трех этапов процесса формирования общественного мнения, т.е. выработки общих оценочных суждений, указывает А.А. Вайсбург. Выяснение и изучение мнений, суждений по тем или иным вопросам автор обозначает как получение «среза» массового сознания, что заключается в определении позиций каждого в данном вопросе, проникновении в мотивационную сферу суждений

и действий, составлении дифференцированной программы дальнейших воздействий. Далее автор предусматривает организацию жизнедеятельности коллектива таким образом, чтобы выработать у членов коллектива адекватные способы реагирования на сложные ситуации и верные оценки. Это связано с ломкой устоявшихся ошибочных представлений и изменениями в структуре сознания. Не исключается целенаправленное психологическое воздействие. Последний этап — организация единого коллективного мнения методом дискуссионного обсуждения индивидуальных мнений. «Следя за столкновением мнений, сопоставляя различные доводы и доказательства, каждый “про себя” определяет собственную позицию, согласуя ее с наиболее аргументированной точкой зрения» (Вайсбург, 1975).

В качестве четвертого этапа можно рассматривать формирование аффилиации, субъективного чувства общности с группой и их институализации в формах традиций, привычек, норм, «коллективистского самоопределения» (А.В. Петровский и др.).

Р.А. Островская, детально исследовавшая феномен общественного мнения в коллективе младших школьников, различает понятия «*становление*» (зарождение, развитие, укрепление и превращение в традицию, норму), которое характеризуется стихийностью, ненаправленностью, и «*формирование*» как педагогическое руководство, управление становлением общественного мнения (Островская, 1980, с. 30). Автор выделяет пять этапов становления общественного мнения от его зарождения до реализации в деятельности. Однако здесь, как и у А.А. Вайсбурга, цикл формирования общественного мнения определяется как одноуровневый. В связи с вопросом о возможности формирования общественного мнения в коллективе на любой стадии его развития автор не указывает критерий определения стадий развития.

Итак, общественное мнение как некое коллективное оценочное суждение представляет собой актуализированное (совокупно вербализованное) состояние группового сознания; общение является главным механизмом становления группового сознания; в многочисленных функциях общественного мнения входит также фиксация состояний группового сознания для направленного формирования более высоких его уровней; становление группового сознания происходит через множество различных форм, в числе которых групповые обсуждения, организация коллектива, акцентуация направленности коллектива на личность, организация совместных форм работы, способствующих обеспечению направленности личности на коллектив, связь с другими коллективами и т.д.

В комплексе обозначенных вопросов в последние годы важное место занимает научное оформление понятия ментальности. Детальное рассмотрение данного вопроса, учитывающее проведенные конференции по проблемам ментальности, требует отдельного специального анализа¹⁰. Вместе с тем, как показано в обобщающей работе автора (Акопов, 2002а), множество структурных построений сознания может быть сведено к двухфакторной модели порождения и функционирования сознания; в качестве этих факторов выступают явления контакта (коммуникация, общение — Акопов, 2003в) и свободы (творчество, созидание — Акопов, 2001).

Ментальность, являясь междисциплинарным понятием, тем не менее, в каждой из использующих это понятие предметных областей (история, филология, социология, лингвистика и т.д.) может иметь свою дефиниционную специфику, явно выраженную или дискурсивно обозначенную в соответствующих работах.

В психологических исследованиях ментальности (менталитета) большинство определений этого понятия опирается на те или иные категории психологии, в конечном счете выражающие те или иные явления сознания в широком смысле (традиционная память, общая для представителей определенной социальной группы, особенность восприятия или мышления и т.д.).

Обобщением множества разноаспектных дефиниций ментальности в психологии может быть хорошо операционализируемое определение, рассматривающее ментальность как проявление группового сознания (Акопов, 2002а) в пространственно-временном (хронотопическом) и духовном (душевном) (Акопов, 2002б) измерениях (см. гл. 5). В этом случае рассматриваемое понятие не совпадает, а социально дополняет исходно биологическую (этническую) характеристику социальной группы: в рамках единого этноса могут существовать ментально разные группы (западные — восточные славяне и др.); в рамках общей ментальности могут выделяться этнически различные группы (советский народ и др.).

Менталистика рассматривается как комплексная область знаний гуманитарных наук, объединенных, систематизированных и дискурсируемых идеологией психологического понимания, ин-

¹⁰ I конференция по исторической психологии российского сознания 4–7 июля 1994 г.; II конференция по исторической психологии российского сознания «Провинциальная ментальность России в прошлом и будущем» 4–6 июля 1997 г.; III Международная конференция по исторической психологии российского сознания 17–19 мая 1999 г.; IV Всероссийская конференция по исторической психологии российского сознания 1–2 июля 2004 г.

терпретации и конструирования. Например, поволжская ментальность как динамичное явление выражает сложное, полицентрически организованное и органически сопряженное сознание больших и малых групп, традиционно населяющих Поволжье этносов, а также вновь образованных в результате миграционных процессов (в постсоветском обществе) сообществ, представляя определенную систему полиментальных (В.Е. Семенов) психологических миров. В самарских исследованиях по изучению проблемы провинциальной ментальности осуществлен историко-психологический подход к изучению российского сознания; представлен интегративный подход к исследованию многомерного явления ментальности; дана социально-психологическая интерпретация понятия ментальности как проявления группового сознания в установочно-коммуникативном и пространственно-временном (хронотопическом) контексте; обозначены перспективные направления исследований российской ментальности, связанные с изучением методологических, теоретических и эмпирических аспектов специфических особенностей менталитета населения различных регионов, традиционных и территориальных образований.

4.3. ГРУППОВОЕ СОЗНАНИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КЛИМАТ

Ввиду широкой распространенности термина «психологический климат» рассмотрим соотношение этого понятия с понятием группового сознания. В детальном анализе различных определений психологического климата В.И. Антонюк, О.И. Зотова, Г.А. Моченов и Е.В. Шорохова выделяют четыре подхода с точки зрения сущностных характеристик социально-психологического климата: 1 — «состояние коллективного сознания»; 2 — «состояние коллектива и его отдельных членов»; 3 — «взаимоотношения между работниками»; 4 — «совокупность отношений людей к социальной действительности» (Антонюк и др., 1979). Определение «коллективного сознания», цитируемое авторами из статьи О.Я. Колесниченко, включает «системное единство преобладающих чувств, настроений, мнений и других социально-психологических образований, связанных с потребностями и интересами коллектива». Очевидно, что выделенное первым состояние коллективного сознания самым тесным образом связано с остальными тремя «сущностными» характеристиками социально-психологического климата. Выделенные четыре под-

хода нельзя считать независимыми. Это, собственно, и объясняет наличие множества определений, авторы которых в операциональном понимании психологического климата весьма близки. Во избежание недоразумений поясним разницу понятий «психологический» и «социально-психологический климат». В вопросе дифференциации этих понятий мы придерживаемся точки зрения К.К. Платонова и В.Г. Казакова, включающих в психологический климат, помимо социальной, также и физическую среду, которые «стойко отражаются индивидуальным и групповым сознанием». Социально-психологический климат как устойчивое свойство группы, коллектива «определяется межличностными отношениями»; психологическая атмосфера характеризуется «более быстрыми временными изменениями» (Платонов, Казаков, 1979).

Как наиболее общую социально-психологическую характеристику любого производственного коллектива рассматривают психологический климат Е.С. Кузьмин, А.Л. Свенцицкий, А.А. Русалинова, И.П. Волков (Кузьмин и др., 1975). В нем отражается «характер, содержание и направленность реальной психологии членов коллектива», которая в свою очередь отражает реальную ситуацию данного производственного коллектива: характер и уровень взаимоотношений между людьми по горизонтали и вертикали, условия труда, его организацию» (Кузьмин и др., 1973). Под «реальной психологией членов коллектива» авторы понимают «преобладающее умонастроение людей, удовлетворенность их своим трудом».

Б.Д. Парыгин определяет социально-психологический климат как «преобладающую и относительно устойчивую духовную атмосферу или психический настрой коллектива, проявляющийся как в отношениях людей друг к другу, так и в их отношении к общему делу» (Парыгин, 1978, с. 198–199).

Своеобразно понимает психологический климат Н.С. Мансуров. В это понятие автор вкладывает морально-политическое единство, коллективизм, единомыслие, сплоченность, которая, в свою очередь, может быть представлена состоящей из: единодушия членов коллектива, организованности коллектива, социальной активности членов коллектива (Мансуров, 1971). Как видим, здесь в определение включаются уже разнородные переменные.

Иначе трактует понятие социально-психологического климата Ю.А. Шерковин: как специфическое явление, складывающееся из «особенностей восприятия человека человеком, их коммуникабельности, взаимно испытываемых чувств, оценок и мнений, готовности к реагированию определенным образом на слова и поступки

окружающих» (Шерковин, 1975, с. 19). Ю.А. Шерковин считает, что социально-психологический климат «характеризует состояние сознания некоторой общности людей, занятых совместной деятельностью» (Шерковин, 1979).

В.Н. Семеньков рассматривает социально-психологическую атмосферу «как феномен коллективного сознания», т.е. «определенную типичную общность идей и взглядов, интересов и ценностных ориентации, социальных установок, чувств и настроений, проявляющихся в особенностях коллективного мнения, в деятельности и поведении работников производственного коллектива» (Семеньков, 1975, с. 134–136).

Таким образом, из рассмотренного можно выделить две линии в определении понятия «психологический климат». Одна линия связана с определением психологического климата в широком смысле, т.е. включающим «все формы массовидных психических состояний — не только эмоциональных, но и волевых, и интеллектуальных» (Шибутани, 1969, с. 151). В таком аспекте, как «некое общее состояние групповой психологии», понимают социально-психологический климат В.Е. Семенов, В.П. Машеро, Т.Ю. Тимофеев (Семенов и др., 1977), В.Г. Асеев: «Вся совокупность сложившихся взаимоотношений, влияющих на содержание и определяющих направленность реальной психологии каждого члена коллектива» (Асеев, 1975); В.В. Емельянов включает в понятие «здорового психологического климата», помимо настроения, также такие «психологические образования, как чувства, эмоции, воля коллектива, его общественное мнение и др.» (Емельянов, 1973).

Одна из причин столь широкой трактовки понятия «психологический климат» заключается в том, что авторы ограничиваются рассмотрением коллективов с общественной направленностью и почти не исследуют группы с благоприятным «психологическим климатом», но антисоциальных по направленности. Другая причина в тесной связи всех компонентов психологии коллектива.

Тем не менее существует и другая линия, связанная с выделением какой-то одной стороны психологии коллектива. Чаще всего это то, что действительно составляет психологический климат, т.е. «эмоционально-тонические состояния группы» и межличностные отношения в ней — настроение, удовлетворенность, симпатии-антипатии, дружба, взаимное уважение, доверие (Шибутани, 1969, с. 150), или, по А.Н. Лутошкину, «общий эмоциональный настрой коллектива» (Лутошкин, 1978, с. 5).

Подобного определения психологического климата (эмоциональное состояние, настроения, чувства) придерживаются А.Н. Раевский и А.В. Антонов (Раевский, Антонов, 1969). Заметим, однако, что хотя А.Н. Лутошкин указывает, что «главным, что образует психологический климат, является эмоциональное состояние или настроение коллектива» (Лутошкин, 1978, с. 5), в самом определении психологического климата в качестве составных частей он также называет «отношения людей друг к другу, к работе, к окружающим событиям» (там же). В нашей трактовке последнее относится к другим элементам группового сознания.

Сравнивая понятия группового сознания и «психологический климат», можно заключить: психологический климат отражает процессуальную сторону взаимоотношений и взаимодействий; групповое сознание — результирующую и установочную. Это выражается и в том, что «психологический климат коллектива зависит также от степени совместимости индивидуальных характеристик его участников» (Кузьмин и др., 1974, с. 102). Групповое сознание (на любом из трех уровней) не зависит от индивидуально-психологической совместимости членов группы, но отражает ее. В данном случае мы имеем в виду не динамическое исследование, а статичный срез состояний. Поясним сказанное. Известно, что личность функционирует в коллективе не вполне произвольно. Совокупность прав и обязанностей личности определяется ее статусом, включающим также экономическое, политическое, правовое положение, трудовую, профессиональную характеристику и образование (Ананьев, 1968, с. 281). Статус является исходным образованием для формирования той или иной позиции личности, представляющей «сложную систему отношений личности (к обществу в целом и общностям, к которым она принадлежит, к труду, людям, самой себе), установок и мотивов, которыми она руководствуется в своей деятельности, целей и ценностей, на которые направлена эта деятельность» (там же, с. 288). Реализация позиций осуществляется в многообразных ролях личности. Схематически всю цепочку можно представить так: статус личности — позиция личности — роль личности. Таким образом, если психологический климат соотносится с последним звеном цепи, то групповое сознание — со средним.

Следовательно, психологический климат и групповое сознание — две достаточно независимые характеристики коллектива.

4.4. ГРУППОВОЕ СОЗНАНИЕ В РАЗЛИЧНЫХ КОНЦЕПЦИЯХ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО КОЛЛЕКТИВА

Время и изменения в жизни людей вносят изменения и в язык, и в сознание. Меняются приоритеты, акценты, пристрастия и т.д. не только в повседневной жизни, но и в науке. Какое-то время в постсоветский период понятие «коллектив» стыдливо замалчивалось в науке, в частности, в психологии, хотя в обыденной речи и сознании оно, к счастью, сохранилось и, на наш взгляд, не исчерпало своего научного категориального и объяснительного потенциала.

В обзорной статье О.И. Зотовой дается достаточно полный перечень взглядов на коллектив в советский период (Зотова, 1975). Современная трактовка понятия «коллектив», как отмечает А.Л. Свенцицкий, предполагает два значения. В широком смысле это любое официально организованное объединение людей, занятых каким-либо общественно-полезным видом деятельности. Это может быть коллектив предприятия, фирмы, вуза, курса обучения, школы и т.д. В узком смысле это контактная (малая) группа, характеризующаяся, помимо общности социально значимых целей ее членов, также высоким уровнем организованности, сплоченности и психологической совместимости (Свенцицкий, 1973, с. 6–9). Заметим, что хотя понятие коллектива в отечественной науке вполне определилось, некоторые авторы дополняют общеизвестное определение, включая в него те или иные признаки, связанные с конкретной задачей исследования или для обеспечения целостности специфически развиваемой концепции. Так, К.К. Платонов, последовательно определяя понятия: группа, реальная группа, контактная группа и коллектив, в последнем случае, помимо общности целей, совместности деятельности, называет также близость мотивов участников совместной деятельности (Платонов, 1975б, с. 13). Возможно, в связи с этим в своей более ранней работе К.К. Платонов различает коллективное и групповое сознание как производное от родового. По К.К. Платонову, групповое сознание по целям деятельности не выходит за рамки группы, в то время как коллективное сознание «определяется общественной идеей как проявлением общественного сознания, которая определяет деятельность отдельных личностей этого коллектива» (Платонов, 1966). Здесь определяющим моментом уровня развития группы как коллектива служит некоторое содержание группового сознания, «тест», или, образно говоря, лакмусовая бумажка (общественная идея). Проявляя ее в различных группах, можно, по-видимому, по критерию единства ответов определить, группа это или коллек-

тив. В этом случае понятие группового (коллективного) сознания не выходит за рамки определенного нами первого уровня.

А.Г. Ковалев важнейшим интегральным признаком коллектива считает социально-психологическую общность (свойство психологии коллектива). Общность, по А.Г. Ковалеву, касается не только установок и соответствующих им переживаний, но включает и волю к действию. Общность имеет свою историю, а, следовательно, и определенные уровни развития (Ковалев, 1978, с. 15). Как видим, А.Г. Ковалев определяет коллектив как третий уровень группового сознания.

Данные, полученные в русле работ школы Л.И. Уманского — А.С. Чернышева, представляют значительный интерес. Л.И. Уманский выделяет три формы организации совместной деятельности:

1. Совместно-индивидуальная — характеризуется наличием общего задания и одновременным его выполнением каждым членом группы независимо от других.

2. Совместно-последовательная — общая задача выполняется последовательно каждым, как при поточном, конвейерном производстве.

3. Совместно-взаимодействующая — характеризуется взаимодействием каждого со всеми другими (Уманский, 1977).

В современной общеобразовательной школе и вузе преобладает первая форма, однако при соответствующей организации учебного процесса возможны и реально существуют вторая и третья формы совместной деятельности учащихся. В качестве основных психологических подструктур или необходимых и достаточных параметров, характеризующих контактную группу, Л.И. Уманский рассматривает: 1) социальную направленность группы (содержание нравственной направленности — интегративное единство ее целей, мотивов, ценностных ориентации); 2) подготовленность группы к той или иной деятельности; 3) организованность (организационное единство); 4) психологическое единство как интеллектуальная, эмоциональная и волевая коммуникативность. Л.И. Уманский рассматривает каждую подструктуру как одну из сторон «феномена группового сознания», видимо, понимая под последним психологию группы, внутри которой он выделяет два блока. Первый блок включает подструктуры направленности, организованности и подготовленности. Этот блок детерминируется главным образом более широкой общностью и, в конечном счете, обществом. Второй блок подструктуры, т.е. интеллектуальной, эмоциональной и волевой коммуникативности, определяется по преимуществу психологией входящих в группу личностей. «Диалектическое единство этих

двух блоков и образует групповое сознание на каждом этапе развития контактной группы как коллектива (от низшего его уровня до высшего — коллектива)» (Уманский, 1977). Далее автор выводит шесть производных характеристик группы (сплоченность, микроклимат, референтность, интрагрупповая активность, лидерство и интергрупповая активность) — общих качеств группы, которые раскрываются через каждую подструктуру; и обратно, «каждая подструктура должна быть представлена всем комплексом общих качеств, которые в этом случае и являются мерами и качественными показателями уровня развития каждой подструктуры» (там же).

Многомерная модель группы — коллектива, разработанная в школе Л.И. Уманского, хорошо зарекомендовала себя в исследованиях школьных и студенческих коллективов в условиях специфических видов деятельности этих коллективов (пионерские лагеря и т.д.). Довольно сложными являются методическое и техническое обеспечение измерений в условиях основной — учебной деятельности коллективов; разработанный Л.И. Уманским и его последователями инструментарий (Л.И. Акатов — волевое усилие, Е.И. Дымов — возрастная совместимость, А.С. Косарев — общественная активность, А.С. Крикунов — лидерство, А.Н. Лутошкин — эмоциональные состояния, В.Я. Подорога — воздействие стрессоров на группу, И.С. Полонский — единство целей, мотивов, ценностных ориентации, Е.М. Тимощук — мотивация групповой деятельности, А.С. Чернышев — организованность группы, Е.А. Шанин — речевое воздействие организатора и др.) трудно применить в полной мере. Другой момент заключается в том, что введенная Л.И. Уманским градация переходных состояний групп: конгломерат — кооперация (преобладают деловые отношения) — автономизация (идентификация с группой, образование Мы) — коллектив — никак не связывается с рассмотренными подструктурами. Только в случае, когда подструктуры развиты в высшей степени, можно сказать, что группа — коллектив. Не вполне ясна также функциональная связь подструктур.

Предложенная Л.И. Уманским классификация форм организации совместной деятельности группы имеет большое значение с точки зрения решаемых в образовании воспитательных задач (совместно-индивидуальная, совместно-последовательная, совместно-взаимодействующая). В условиях, когда основной вид деятельности группы жестко определяет форму организации совместной деятельности, можно в воспитательных целях «компенсировать» основную деятельность другими видами деятельности (общественной, бытовой, спортивной, культурно-массовой) по противоположной модели, дополняя, например,

совместно-индивидуальную форму основной (учебной) деятельности совместно-взаимодействующей формой дополнительной деятельности. В решении воспитательных задач, как указывает Л.И. Уманский, весьма эффективен метод самоаттестации группы, т.е. обсуждение, оценка группой самой себя. «Этот процесс происходит по схеме: групповой самооэталон («какими мы хотим быть») — реальная диагностическая самооценка («какие мы есть») — прогностическая самооценка («чего нам недостает и что сделать, чтобы быть настоящим коллективом»)). «Без такого познания вообще не образуется коллективное сознание» (Уманский, 1975).

С точки зрения рассматриваемого нами понятия группового сознания, представляет интерес такой элемент структуры коллектива, как организованность. А.С. Чернышев и Е.И. Тимошук определяют организованность как «способность организации группы (коллектива) сочетать разнообразие мнений и форм инициативного поведения ее участников с единством действия, направленного на достижение общегрупповой цели» (Чернышев, Тимошук, 1979). Авторы сводят отдельные переменные организованности в две подструктуры: когнитивно-регулятивную и коррекционную. Первая, как следует из определения авторов, есть нормативно-ценностные элементы группового сознания на первом его уровне, т.е. представленность в групповом сознании первого уровня содержания группового сознания третьего уровня. Организованность, согласно трактовке авторов, можно понять как некий алгоритм обязательных действий членов группы («каркас» групповой деятельности), обуславливающий единство и согласованность действий даже в случае расхождения во взглядах и поведении, при несформированности группового сознания на любом из его уровней. Организованность можно понимать как свойство официальной структуры группы, или «суперструктуры» по И.П. Волкову, регулирующей степени свобод группы.

«С позиций места и значения общественного мнения в формировании психологии первичного коллектива» исследует контактные группы А.Д. Глоточкин. Он не дифференцирует групповое сознание и общественное мнение. В структуре психологии первичного коллектива А.Д. Глоточкин выделяет:

1) «Динамичные групповые психические явления», обусловленные контактным взаимодействием, общением (взаимные оценки, притязания, требования и внушения, подражание и самоутверждение, психологическая совместимость, симпатии и др.);

2) «Статичные групповые психические явления» в виде психологических черт всего коллектива» или отдельных групп (возраст-

ных, профессиональных и т.д.), а также коллективных привычек, традиций и установок в коллективном мнении;

3) «Статико-динамические процессы — это коллективные взгляды, отношения; суммирующиеся в общественном мнении коллектива групповые психические состояния, настроения» (Глоточкин, 1972, с. 7).

А.Д. Глоточкин отмечает, что власть коллектива в его общественном мнении. «Различный уровень развития коллективного мнения, наличие в нем противоречивых суждений и т.п. — все это обуславливает необходимость целенаправленной деятельности по его формированию и использованию в воспитании» (там же, с. 28). Здесь общественное мнение приравнивается групповому сознанию, несколько выше автор пишет о способности «ряда коллективных суждений превращаться в оценочные стереотипы, установки и воздействовать не только на сознание, но и на подсознательную сферу человека» (там же, с. 26).

На основе выдвинутого А.В. Петровским принципа деятельностного опосредствования межличностных отношений в группе А.В. Петровский и К.К. Платонов создают классификацию контактных групп в зависимости от степени опосредованности взаимодействия индивидов: 1) диффузная группа — межличностные отношения существуют, но не опосредуются содержанием групповой деятельности; 2) ассоциация — межличностные отношения опосредуются лично значимым для каждого содержанием групповой деятельности; 3) корпорация — межличностные отношения опосредуются лично значимым, но асоциальным по своим установкам содержанием групповой деятельности; 4) коллектив — межличностные отношения опосредуются лично значимым и общественно ценным содержанием групповой деятельности (Петровский, Платонов, 1977, с. 141). Хорошо укладывающаяся в концептуальную схему деятельностного опосредования, такая дифференциация групп не может быть распространена на учебные коллективы. Трудно найти учебную группу, в точности соответствующую одному из перечисленных классов. В первичном учебном коллективе межличностные отношения всегда в большей или меньшей степени опосредованы совместной деятельностью. Поэтому здесь необходимо другое основание для более тонкой дифференциации учебных групп.

Важным понятием в развиваемой А.В. Петровским стратометрической концепции групповой активности является сплоченность как ценностно-ориентационное единство (ЦОЕ) — степень совпадения оценок, установок и позиций группы по отношению

к объектам (лицам, задачам, идеям, событиям), наиболее значимым для группы в целом. Помимо этого параметра, детально исследованного А.И. Донцовым, Т.Б. Давыдовой, В.В. Шпалинским к главным параметрам коллектива (как группы с общей целью, ценностями и задачами деятельности), «где межличностные отношения опосредуются общественно ценным и личностно значимым содержанием совместной деятельности» (Петровский, Шпалинский, 1978, с. 69), относятся также проявления коллективистического самоопределения и действенная групповая эмоциональная идентификация. Исследуются также: мотивационное ядро выбора, референтометрия (референтность), адекватность и добросовестность в возложении и принятии ответственности за успешность или неуспешность совместной деятельности (там же).

Согласно стратометрической концепции выделяются три слоя групповой активности. Самый внешний, поверхностный слой, — это отношения в группе, не опосредованные деятельностью. Следующий слой — отношения, опосредованные общей деятельностью. И, наконец, «психологическое «ядро» составляют собственно отношения деятельности, отношения членов группы к содержанию деятельности, целям и ценностям группы. Заметим, что в соответствии с концепцией, для того, чтобы охарактеризовать группу, необходимо выявить наличие или отсутствие общности ценностных ориентации и установок членов группы. Это, по-видимому, вызвано также тем, что техника измерения ЦОЕ значительно проще в сравнении с громоздкими и методически пока слабо обеспеченными приемами измерения других параметров групповой активности. Не очевидна также независимость всех основных параметров групповой активности.

В стратометрической концепции оценка уровня развития коллектива проводится по трем основным показателям: 1) эффективность основной деятельности (для производственных коллективов — количество и качество); 2) адекватность поведения социальным нормам: а) общесоциальным; б) профессиональным; 3) возможность полноценного развития личности в группе: а) образование, овладение профессией, повышение квалификации; б) удовлетворение личных потребностей, бытовых нужд; в) расширение культурного кругозора и др. Максимально высокая оценка уровня развития коллектива дается при позитивной оценке всех показателей. Минимально низкая — при низкой. Перечисленные критерии оценки уровня развития группы рассматриваются как непсихологические. В качестве психологических берется представленность или степень наполненности выделенных страт от внешней

(непосредственные межличностные отношения); через среднюю — «характеристики межличностных отношений, опосредствованных содержанием совместной деятельности (ее целями и задачами, ходом выполнения) и принятыми в группе принципами, идеями, ценностными ориентациями, которые, в конечном счете, являются проекцией идеологических конструкций, функционирующих в обществе» — ко второй «ядерной страте», которая «фиксирует: отношение каждого члена группы к групповой деятельности, ее целям, задачам, принципам, на которых она строится; мотивация деятельности, ее социальный смысл для каждого участника» и, наконец, к центральной страте, которая есть сама групповая деятельность. Иначе говоря, в качестве психологического критерия уровня развития коллектива берется сложное переплетение различных уровней группового сознания.

Интересно также соотнести понятие группового сознания с понятием сплоченности. Наиболее полной обзорной работой, выполненной в направлении изучения сплоченности и соответствующих феноменов, остается исследование А.И. Донцова. Автор справедливо отмечает расхождение в ряде отечественных работ между методологически и сущностно верной трактовкой сплоченности и ее операциональным раскрытием. Фактически единым термином, замечает А.И. Донцов, обозначаются: 1) эмоциональная взаимоприемлемость (социометрическая техника); 2) сходство мнений и установок; 3) сенсомоторная согласованность; 4) единство поведения членов группы и пр. (Донцов, 1979, с. 42). Во втором, наиболее интересном для нас направлении (изучение когнитивно-оценочных аспектов внутригрупповой активности) за показатель сплоченности берется степень согласованности, сходства различных представлений, ориентации и интересов членов группы. Автор анализирует специфичные процедуры исследования, использованные в работах В.В. Шпалинского, Ю. Неймера, С.А. Будасси, Р.С. Вайсмана и др.

Исходный тезис, на котором базируются эти исследования, хорошо выразили Ю.И. Морозов и С.С. Паповян: если некоторая сторона деятельности коллектива развита более других, то именно в этом отношении в группе должна иметься большая информация, большее единодушие для эффективного разделения функций и координации в этой области деятельности. Соответственно большим будет и единство мнений (Морозов, Паповян, 1976).

А.И. Донцов определяет слой интрагрупповой активности в стратометрической концепции А.В. Петровского, который раскрывается исследованиями этого направления как второй слой «ядерной»

страты, т.е. отношение к деятельности. Если же объектами оценочных суждений выступают не сама деятельность и ее атрибуты, а субъекты деятельности, члены группы в их отношениях к деятельности, то конвергенция, или расхождение мнений, характеризует уже вторую страту (начиная с центра). Внешнюю страту, или поверхностный слой, образуют взаимоотношения, не опосредованные содержательной стороной совместной деятельности. Заметим, что при всей оригинальности разработанного А.И. Донцовым подхода, автор не выходит за рамки второго слоя «ядерной» страты, так как фиксирует отношения обследуемых субъектов (учителей) не в актах реальной деятельности их непосредственной повседневной практики, а в некоторой отдельной ситуации классификации и ранжирования учеников и их эталонных свойств. Закономерности соответствия эталонных и реальных представлений учителей об учениках и коллегах, полученные А.И. Донцовым, представляют значительный интерес и сегодня.

Завершая обзор современных социально-психологических теорий коллектива, необходимо отметить также одну из оригинальных системных моделей регуляции совместной деятельности, предложенную Н.Н. Обозовым. В регуляции коллективной деятельности автор выделяет следующие системы «условий-факторов»: 1) внегрупповые (физические и социальные); 2) внутригрупповые (нормы, межличностные отношения, исходные и результативные); 3) внеличностные (однородность — разнородность по индивидуально-психологическим параметрам); 4) внутриличностные (индивидуально-психологические особенности членов группы, их состояния, исходные мнения, оценки и отношения)». Объединяющим все перечисленные факторы является «фактор общественной значимости совместной деятельности группы людей» (Обозов, 1979, с. 139). Для нас наиболее важным в этой многофакторной модели является второй уровень однородности — разнородности группы, соотношение (сходство — различие) мнений, оценок, отношений к себе, партнеру, другим людям и предметному миру. Автор различает первичный подуровень однородности, или исходное (до взаимодействия) соотношение мнений, оценок, отношений, и вторичный — как следствие взаимодействия и общения между членами группы. Изменчивость вторичного подуровня однородности — разнородности мнений, оценок и отношений, как замечает Н.Н. Обозов, зависит не только от исходного соотношения параметров первичного подуровня, но и от соотношения индивидуальных, личностных и социально-психологических особенностей членов группы. «В свою очередь, изменение и принятие других мнений, оценок, отношений участвуют в формировании ценност-

ных ориентации, интересов, то есть происходит изменение первого уровня однородности — разнородности» (Обозов, 1979, с. 138–139).

Таким образом, понятие группового сознания, совпадая или пересекаясь с целым рядом других социально-психологических понятий, тем не менее, может быть наделено статусом «самостоятельной» категории с возможностью ее интерпретации в двух планах: в широком плане, т.е. как выражение всей психологии группы; в узком — как потенциально трехуровневое образование, психологически возникающее в процессе контактов, коммуникации и общения членов любой группы, сознательно определяющих свой выбор и творческую (созида-тельную) активность в условиях либо директивно, либо конвен-ционально регулируемого сообщества, либо произвольно вно-сящих свой консолидирующий вклад в общее дело. Границы свободы группы или личности в ней определяются в динамике развития группы, главным образом начиная со второго уровня (групповая идентификация, формирование чувства, представле-ния и установки «Мы», «Наше»; или нарушение, разрушение этой системы).

4.5. ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЗНАНИЯ

В обозначенной проблеме можно выделить две тесно взаимосвя-занных стороны. Первая, отчетливо сформулированная и решен-ная А.Н. Леонтьевым, определяет «зависимость познавательных содержаний сознания от отношения к познаваемому». В теории сознательности учения (А.Н. Леонтьев) «не понимание, не **знание значения** изучаемого характеризует сознательность, сознание как отношение, а тот смысл, который изучаемое приобретает для ребен-ка» (Леонтьев А.Н., 1983б).

Развитие этой стороны проблемы в научно-методическом и практическом организационном планах (управление и самоуправ-ление усвоением знаний) было блестяще осуществлено П.Я. Галь-периным, Н.Ф. Талызиной, А.И. Подольским и др. Сознательность усвоения оказалась связана с типом ориентировочной основы действия (Талызина, 1975).

Социализация, как отмечает Д.И. Фельдштейн, хотя и взаи-мосвязана с важным процессом индивидуализации, но может противостоять ей (Фельдштейн, 1999), и в этом случае, согласно В.П. Зинченко, «два **субъекта** знания, между которыми происходит диалог, разговор (договор, уговор)... противостоят объекту или предмету знания» (Зинченко, 1998, с. 117).

В концепции «живого знания» В.П. Зинченко «целеполагание в образовании — это совместный акт учителя и учащихся» (там же, с. 22). Направления социализации/индивидуализации сознания учащихся могут расходиться или быть индифферентными в случаях расхождения процессов целеполагания субъектов образовательного процесса.

Эта вторая сторона исследования проблемы развития сознания учащихся в системе образования была реализована в исследованиях группового сознания учащихся в 1985–1998 гг. (Акопов, 2000).

Рассмотрим более конкретно вопросы целеполагания и содержания образования с точки зрения процессов осознания их учащимися в учебном процессе. Уточним понятия. В справочной психологической литературе отсутствует слово и соответствующее понятие «целеполагание». Близкое, но не совпадающее по значению слово «целеобразование» в кратком словаре К.К. Платонова определяется как формирование целей, которые делятся на объективные (внешне определенные) и субъективные (образ желаемого результата). Последние могут быть индивидуальными и групповыми (Платонов, 1984, с. 164).

В другом психологическом словаре целеобразование определяется как процесс порождения новых целей в деятельности человека (Психология..., 1990, с. 239).

Целеполагание, на наш взгляд, — более широкое понятие, включающее как процесс, так и результат обретения цели; как порождение заранее не определенной для субъекта цели, так и принятие или выбор из множества известных целей.

Длительное время в нашей стране цели образования определялись как «социальный заказ», т.е. как требования к человеку, желающему получить образование независимо от его установок, желаний, возможностей в усвоении содержания образования и организации учебного процесса. Достаточно отметить, что и сегодня в отечественных школах и вузах возможность выбора учащимися не только основных, но и дополнительных учебных курсов весьма проблематична или ограничена.

Избегая оценочных подходов, можно считать, что **технократический** подход к целям был оправдан сложившейся ситуацией в стране, системой государственного устройства, общественными установками и т.д. Алгоритмичность, соподчиненность, исполнительность, «внешняя» надежность и другие свойства систем и людей ценились прежде всего. Теоретическая мысль психологов также отчасти способствовала (или отвечала) социальному заказу *формирования исключительно репродуктивных способностей.*

Нельзя утверждать, что технократическая традиция в определении целей потеряла свою актуальность, отошла в прошлое или характерна только для нашей страны. И сегодня достаточно важны и необходимы «внеличностные» формулы, выражающие назначение образования. Так, по определению А.А. Вербицкого, «основная цель вузовского или иного профессионального образования — формирование целостной структуры будущей профессиональной деятельности студента или учащегося ПТУ, техникума в период его обучения» (Вербицкий, 1991, с. 207). В определении Л.А. Регуш, профессиональная подготовка включает формирование знаний и умений, а также развитие определенных, важных для той или иной профессии качеств человека (Регуш, 1991, с. 60).

В косвенных формулировках цели профобразования В.А. Вавилова и А.И. Галактионова (профессионализм — это не только высококвалифицированный труд, но и особое мировоззрение) обнаруживается модифицированный, но в основе тот же тип технократической установки (Вавилов, 1990, с. 22). Было бы опрометчиво утверждать, что все дело в субъективных (авторских) предпочтениях.

Противоположный тип целей — гуманитарные цели, активно пропагандируемые в последние годы. Известный исследователь студенчества В.Т. Лисовский еще в конце 1980-х годов отмечал, что «пересмотр целей высшего образования предполагает выдвижение на первый план среди главных задач вуза задачу реализации потребности личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, создание условий для профессионального роста и совершенствования» (Лисовский, 1990, с. 4–6).

Необходимо отметить, что гуманитарный подход реализовался и несколько раньше. В частности, Л.Н. Дичковская и В.И. Овчаренко в 1982 г. писали, что основной целью обучения и воспитания должно быть «формирование у личности осознанного стремления к постоянному самосовершенствованию (включающему самообучение и самовоспитание)» (Дичковская, Овчаренко, 1982, с. 13–18). Гуманитарность целей здесь несомненна, однако, настораживает императив формирования.

Третья группа определений цели образования характеризуется смешанным подходом, объединением некоторых позиций технократического и гуманитарного подхода. Сюда, в частности, можно отнести определение В.А. Слостенина и В.С. Ильина, усматривающих главную цель профессиональной подготовки «в высшем синтезе личностной позиции и профессиональных знаний и умений» (Слостенин, Ильин, 1987, с. 3–12).

Е.А. Климов, определяя ряд психологических подходов к понятию «профессия» и отмечая также его социально-психологические аспекты, выделяет в качестве важнейшего признака профессионала соответствие требованиям профессии, а также право субъекта принять их или нет в свое сознание (Климов, 1992, с. 3–12).

В положениях о вузах представлены следующие основные государственные требования к задачам высшего образования:

- удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном развитии, в приобретении высшего образования и квалификации в выбранной области деятельности;
- удовлетворение социально-экономических потребностей общества в квалифицированных специалистах с высшим образованием;
- организация и проведение в тесной связи с учебным процессом фундаментальных, прикладных, научных исследований и опытно-конструкторских работ;
- подготовка научно-педагогических кадров высшей квалификации, переподготовка и повышение квалификации руководящих работников и специалистов;
- распространение знаний среди населения, повышение его образовательного и культурного уровня.

В этом перечне мы находим некоторый комплекс целей высшего образования, составленный с учетом общественных и личных интересов.

Другая сторона вопроса целеполагания в системе образования связана с отношением населения, участников и исследователей образовательного процесса к интересам и возможностям учащихся.

Приведенные выше подходы и определения, несомненно, важны с точки зрения информационного управления системой образования, однако до момента принятия решения в административной структуре они представляют собой лишь опыт декларативных (желательных) планов. Не менее важен вопрос о том, какова реальность, т.е. какие цели реально достигаются в системе образования. К сожалению, эмпирических исследований широкого плана в этом аспекте все еще очень мало.

Косвенным образом можно получить необходимую информацию из исследований по другим проблемам. Так, из данных, представленных в исследовании А.Г. Левинсона (Левинсон, 1992), можно определить доминирующий тип установки в отношении к другим людям, который соотнесен автором с уровнем образования (таблица 1).

Выделенные А.Г. Левинсоном пять типов отношений к представителям девиантных и делинквентных групп (убийцы, проститутки, наркоманы и т.д.) здесь сведены в 3 группы: авторитарная («ликвидировать», «изолировать»), гуманистическая («оказать помощь», «предоставить себе») и неопределенная (нет ответа, «затрудняюсь ответить») (там же).

Как видно из таблицы, высшее образование дает наибольшую представленность лиц с гуманистической установкой и наименьшую — с авторитарным и неопределенным отношением.

Насколько эффективно образование в этом смысле — другой вопрос (5–7%, конечно, не очень большое различие).

В исследовании Дж. Хазарда и С.Г. Вершловского (Хазард, 1992) сравнивались представления о целях профессиональной деятельности советских и американских педагогов.

Различие социокультурных систем СССР и США отчасти объясняет значительное расхождение данных по второй из предлагавшихся респондентам целей. Однако нас здесь интересует то,

Таблица 1

Уровень образования и тип установки (%)

Уровень образования	Тип установки в определении способа воздействия к лицам с отклоняющимся поведением		
	Авторитарная	Гуманистическая	Неопределенная
Высшее	36	52	12
Среднее	41	45	14
Неполное среднее	41	40	19

Таблица 2

Целевые установки учителей СССР и США

Цель деятельности			
Учителя	Формирование общих интересов, взглядов и увлечений	Воспитание по образу и подобию воспитателя	Развитие творческого потенциала личности
СССР	54	68	96
США	48	21	97

что в сознании выпускников педвузов достаточно широко представлены все три цели, их гуманитарные и технократические виды, т.е. в целом проявляется смешанная позиция.

Время и произошедшие изменения, конечно, вносят свои коррективы. Интересно было бы получить соответствующие результаты сегодня.

К сожалению, нам неизвестны масштабные исследования целевой направленности профессиональной деятельности выпускников вузов по объективным показателям — по содержанию и качеству результатов их деятельности. Тем не менее косвенным образом определенную информацию дают многие исследователи. Так, по результатам социологического опроса 168 инженеров-выпускников ряда технических вузов, отмечается в качестве наиболее существенных недостатков в работе вуза низкий уровень практической профессиональной подготовки, отрыв от реальной жизни, теории от практики — 81%; слабая подготовленность руководителей, недостаточность знаний по экономике и управлению производством, слабое представление о человеческих отношениях и работе с людьми — 20 % и др. (там же).

Концептуально иной подход к определению целей, предполагающий более простой способ проверки их реализуемости, содержится в работе М.В. Кларина (Кларин, 1989). Список целей здесь формируется по принципу их содержания или деятельности педагога, внутренних процессов интеллектуального, эмоционального, личностного и т.п. развития учащегося, или, наконец, учебной деятельности учащихся (там же). «Развертка» целей в этом случае хорошо укладывается в известную модель педагогических систем Н.В. Кузьминой: цель — содержание — организационные средства — учащиеся — педагог (Методы..., 1980). Однако в концепции Н.В. Кузьминой цель системе задается извне (обществом, государством). В конструкции М.В. Кларина цель может определяться изнутри:

- посредством интегрирования в «смысл» содержания преподаваемых дисциплин;
- посредством эффекта, достигаемого данной (специфической) организацией учебного процесса;
- актуализируемой в учебной деятельности структурой личности учащихся;
- направленностью профессиональной активности педагогов.

Очевидный вопрос о возможной нестыковке или рассогласованности этих четырех целей в рамках одной педагогической системы снимается тем, что он (этот вопрос) явно или неявно

присутствует при любом способе определения цели образования в традиционных педагогических системах.

Возможности современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и соответствующих технических средств, конечно, вносят новое измерение в эту проблему.

С точки зрения психологии важно также соотнести образовательные установки различных социальных групп, имеющих отношение к образованию: родители учащихся, исследователи образования, чиновники от образования и др. Ясно, что количество целей при этом может оказаться достаточно большим. Поэтому естественным является отнесение педагогических систем к многоцелевым в силу многокомпонентности общей цели (Якунин, 1988). При этом отдельные цели могут вступать во взаимное противоречие. В этом случае В.А. Якунин предлагает следующие способы разрешения целевых конфликтов:

- выбор одной, наиболее важной из всех для определенной ситуации при игнорировании других;
- ранжирование целей путем оценки их относительной полезности и определение порядка и последовательности их реализации;
- одни цели принимаются как основные, а другие — как ограничения;
- определяется желаемый уровень достижения целей без взаимоущемления (там же).

Приведенная типология способов решения целевых конфликтов важна также для конструирования диагностических методик исследования целевых установок и анализа целевых представлений субъектов образования. Эти представления на большой выборке студентов различных регионов России, а также Литвы и Эстонии (1988–1990) были выявлены группой социологов под руководством М.Х. Титма (*Жизненные...*, 1992). Весь спектр представлений студентов о значимости учебной деятельности, согласно этому исследованию, можно свести к семи основным приведенным ниже в порядке убывания численной представленности каждой цели:

- изменить социальный статус (занять соответствующее положение в обществе, приобрести престиж, завоевать уважение друзей и знакомых и т.д.);
- развить свою личность, свои интересы и склонности, раскрыть свои способности (личностное развитие);
- приобрести профессию, специальность, стать хорошим специалистом;

- больше знать (глубоко познать изучаемые предметы, лучше понимать жизнь и события в мире);
- принести пользу обществу;
- облегчить свою жизнь (получить чистую и легкую работу, продолжить жизнь в роли учащегося);
- добиться лучшей материальной обеспеченности (материальное благополучие) (там же).

Можно усомниться в соответствии этих данных представлениям студентов различных, включая современные, поколений. Однако результаты опроса, проведенного самарским областным центром профориентации (руководитель — А.А. Гудзовская) с использованием ряда разработанных нами социально-психологических методик, повторенные через 10 лет, не очень сильно отличаются от вышеприведенных. Сплошное обследование проводилось с 1 по 31 октября 1993 г. и 2003 г. на I и V курсах Самарского государственного университета и Самарского государственного педуниверситета и охватило более 2000 человек. Распределения ответов первокурсников университета и педвуза практически совпали. Социальные мотивы выбора вуза составили (округлено) 35%, профессиональные — 26%, познавательные — 35%. На V курсе университета у студентов значительно выше процент познавательных мотивов (50%) в сравнении со студентами педвуза (39%). Естественно предположить, что выбор, поступление и учеба в вузе могут изменить исходные представления о значении и целях образования у студентов. Поэтому методом каузального интервью (аналог структурированного интервью, в котором первоначальный вопрос независимо от ответа дополняется последующими однотипными вопросами, стимулирующими поиск основной причины: «Почему?», «Что это значит?», «Поясните» и т.д.) был проведен опрос учащихся различных самарских школ (апрель 1994 г.). Исходный вопрос — цель образования.

Все «конечные» суждения, объем которых составил 272 единичных ответа, составили пять групп. Самая многочисленная включает мотивы: стремление получить знания, много узнать, научиться чему-либо, получить образование, поступить в вуз и т.д. Следующая по представленности группа включает профессиональные цели (помогает выбрать будущую профессию, получить специальность). Значительно меньшим количеством представлены мотивы жизненного самоопределения (найти свое место в жизни, «для будущего», «пригодится в жизни» и др.) и трудоустройства, материального благополучия («чтобы работа была интересной», устроиться на работу, зарабатывать много денег, обеспечить себя материально и т.д.). На последнем месте — мотивы социального пре-

стижа («к умному, знающему человеку лучше относятся»). Следует также отметить неопределенную позицию части учащихся («все учатся, и я учусь», «не знаю», «по привычке»). Таким образом, ясно, что общие образовательные установки учащихся обусловлены, прежде всего, социальной ситуацией возрастного психологического развития и носят отвлеченный характер (см. таблицу 3).

Современная идеология компетентностного подхода к образованию, вводимая в общеобразовательные школы, возможно, внесла определенные изменения в целевые установки учащихся.

Обозначим также другие модели эмпирических исследований группового сознания учащихся.

Основой механизма распространения знаний и персонификации его смыслов является режим диалога (внешнего или внутреннего). Этот процесс прекращается, когда семантическая модель не устраивает одну из сторон. И тогда действие, конструктивное или конфликтогенное, становится орудием личностного смысла (вполне осознаваемого или неосознаваемого). Поэтому «цивилизованный» диалог предполагает не только взаимоприемлемость исходных установок, но и достаточный уровень социального и вербального интеллекта. В этом случае процесс диалога может расширять поле актуального сознания, «вычерпывая» все новые его элементы, вхо-

Таблица 3

ЦЕЛЕОПРЕДЕЛЕНИЕ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ И ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ (%)

№ п/п	Мотивы учения	2–3 кл. 105 чел.	8–9 кл. 43 чел.
1	Эмоционально-познавательные (учеба дает знания, много интересного, чтобы быть умным, для общего развития, «для грамоты» и др.)	65	60
2	Социально-познавательные (получить образование, закончить школу, поступить в институт и др.)	18	44
3	Профессиональные и материального благополучия (выбрать будущую профессию, получить специальность, устроиться на работу, хорошо работать, зарабатывать много денег и др.)	14	42
4	Жизненного самоопределения, практического значения (найти свое место в жизни, для жизни, для будущего, оценить жизненную ситуацию и др.)	5	16
5	Неопределенные (все учатся, не знаю, по привычке и т.д.)	3	5

дившие в область бессознательного (неосознаваемого). Схема диагностики потенциально осознаваемых и неосознаваемых явлений обеспечивается особой процедурой построения опроса.

В качестве иллюстрации обратимся к данным эмпирического исследования.

До начала систематического изучения курса психологии студентов педвуза просили ответить на несколько вопросов особым образом построенной анкеты. Три вопроса-суждения содержали последовательное смысловое дополнение содержания каждого следующего, от наиболее общего: «Что я знаю о психологии?», — а также не очень конкретного: «Что хотел(а) бы узнать?» — до вполне определенного: «Какие проблемы: а) будущей работы; б) своей учебы; в) личной жизни я хотел(а) бы решить с помощью психологии?» Ясно, что все три вопроса направлены на предварительное выявление знаний студентов; и если окажется, что количество и тип ответов на каждый из трех вопросов мало отличаются, то, следовательно, форма вопроса не коррелирует с объемом и структурой сознания, а так как суждения построены по «нарастающей шкале» личностного «включения», то идентичность ответов на них также означает «одномерность» сознания, его ограниченность актуально осознаваемыми явлениями.

Распределение ответов 63 студентов на данные вопросы оказалось весьма специфичным. В *первом* случае (лично-неопределенный вопрос) общий объем представлений составил 44% от числа респондентов. Наиболее распространенными оказались ответы, фиксирующие динамическую сторону того, что входит в определение предмета психологии (взаимодействие, взаимоотношения, общение, поведение и т.д.) — 21%; несколько реже (19%) — статическую (внутренний мир человека, психику, ее закономерности, мышление, чувства и т.д.).

Второй вопрос (лично-определенное суждение) выявил значительно больший объем представлений (84%). Любопытно, что самым распространенным оказался самый неопределенный ответ: «Много», «Как можно больше», «Все самое интересное» и т.д. — 19%. Следующая по численности (17%) группа студентов выделила в качестве желаемой для изучения — психологию семейной жизни. Ровно столько же (17%) студентов хотели бы изучать все, что необходимо для будущей работы и, в частности, как стать настоящим учителем, осуществлять классное руководство, развивать детей и др. Несколько меньше студентов (13%) выразили желание больше узнать и научиться понимать людей, их поведение и межличностные отношения. Еще меньше (8%) интересуются гипнозом, телепатией, передачей мыслей на расстоянии и таинственными явлениями

психики. Только 6% студентов хотят ознакомиться с методами самовоспитания и аутотренинга.

Третий вопрос, выражающий развернутое в трех направлениях лично-определенное суждение, позволил выявить еще более широкий пласт потенциального сознания и дал наибольший объем представлений — 117%¹¹. Наиболее «широким» оказалось первое направление — сфера будущей профессиональной деятельности студентов (64%). Здесь, в частности, выражается желание с помощью психологии расширить свой профессиональный кругозор, увеличить знания, познакомиться с возрастной психологией, узнать о взаимоотношениях учителя и учеников, научиться строить хорошие отношения с учениками и в педагогическом коллективе, уметь «владеть» учениками, найти с ними общий язык и т.д. Только 9% студентов-первокурсников связывают с психологией возможность решения своих учебных задач (второе направление в третьем вопросе: «Организовать умственную деятельность», «Как лучше усвоить материал», «Все пять лет «усидчиво» учиться и др.).

Личные проблемы (третье направление) хотели бы решить с помощью психологии 44% студентов: «Умение быть уравновешенным», «Сдержанность», «Изучить черты своего характера», «Строить отношения в семье», «Уметь общаться» и др.

Таким образом, подтверждается идея А.В. Брушлинского о континууме «осознаваемое — неосознаваемое», узловыми моментами которого являются подвижные границы актуального сознания, потенциального сознания и бессознательного, практически мало осознаваемой и слаборегулируемой доминанты личности — индивидуальности, выражающей ее жизненную направленность (смысл).

Групповое сознание учащихся		
Индивидуальное сознание		Индивидуальное бессознательное
Актуальное	Потенциальное	Неосознаваемое

Язык сам по себе вне системы взаимоотношений субъектов общения не определяет глубины сознания. Особая организация условий — суждений, переживаний, действий — позволяет существенным образом расширить поле актуального сознания за счет его потенциальных слоев, а в некоторых случаях — и актуализацией

¹¹ Превышение 100% связано с большим, чем один, ответов респондента по каждой категории.

бессознательного. В долговременном режиме взаимопереходы регулируются процессами жизнедеятельности и общения.

Перейдем к характеристике других методов. Это, в частности, диагностическая анкета учебно-профессионального сознания (Акопов, 2004а).

Сложилось мнение, отражающее явную или неявную установку исследователей, что прямые вопросы, не маскирующие намерений исследователя, не дают возможности получить истинную картину изучаемого явления. Конечно, объект обследования одновременно является субъектом отношения, действия (противодействия) — в связи с этим понятно желание нивелировать возможные артефакты. Известно, что в массовых измерениях они нейтрализуются либо трансформируются в систематическую ошибку, которая может представлять самостоятельную диагностическую ценность. Наша задача упрощается тем, что нас интересует само содержание сознания респондентов в первую очередь и уже затем несознаваемые отношения. Следует согласиться с Г. Витцлаком, который считает, что диагностика психических свойств должна исходить из «единства содержания сознания и его функций по регуляции деятельности» (Витцлак, 1991, с. 49).

Этому не противоречит то, что содержание сознания может быть собственно предметом исследования социальной группы. «Существует, — отмечает А.Л. Свенцицкий, — множество таких сторон общественной психологии, изучение которых невозможно без использования опросов. Так, получение информации о мнениях, чувствах, мотивах, отношениях, интересах и т.д. чаще всего осуществляется посредством опросов в той или иной форме» (Свенцицкий, 1977, с. 62). На это также обращает внимание Г.Г. Дилигенский: «Мы не можем отказываться от анализа тех содержательных аспектов человеческой психики, которые связаны с принадлежностью людей к определенным макрогруппам и характеризуют всю массу объединяемых ими индивидов» (Дилигенский, 1975, с. 196–205). Действительно, лишь в этом случае возможно исследовать эмпирические, а не только гипотетические характеристики «субъективно-психологической общности».

В соответствии с задачей диагностики сознания естественно предпочтение среди трех типов психодиагностических данных «Q-данные, то есть данные, полученные простой процедурой опроса» (Свенцицкий, 1977). Мы также предпочли открытый характер вопросов, опасаясь искажений, связанных со смещением актуально и потенциально осознаваемых явлений. Открытые вопросы, как отмечают Р.О. Нелсон-Грей и др., стимулируют большее количество

ответов, связанных с личными проблемами интервьюируемых по сравнению с закрытыми вопросами (Nelson-Gray и др., 1989). Более того, «субъекты достигают большего согласия в оценках, когда им разрешают использовать их собственную терминологию и категории, чем тогда, когда они вынуждены давать ответы, выбирая из предложенного перечня» (The handbook of social psychology, 1969).

Что касается надежности и трудностей метода, то Е.Е. Гизелли и К.У. Браун (Ghiselli, Brown, 1955, p. 416), а также А. Корнхаузер (Kornhauser, 1944) отмечают следующие три основных недостатка опросного метода: 1) степень готовности опрашиваемого отвечать; 2) способность респондента выразить (осознать) свое отношение; 3) возможность искажения ответов недавними событиями. Тем не менее авторы признают, что из трех возможных способов выявления мотивов — поведение, проективная техника, самоотчет-опрос — последний наиболее распространен. Отметим также, что, как обнаружили К. Ведель и К.У. Смит, данные, полученные в результате устного опроса (интервью), в большей степени позитивны, чем в результате письменного опроса (Wedel and Smith, 1951). Специфика интервью как метода исследования социально-психологических явлений и как процесса социально-психологического взаимодействия рассматривается в работе А.Л. Свенцицкого (Свенцицкий, 1977, с. 32–42). В данном исследовании от первоначально использовавшегося стандартизированного интервью мы затем перешли к открытой анкете и на последних этапах — к закрытой анкете диагностики учебно-профессионально-личностных установок студентов. В работе также использован метод «каузального интервью», когда на каждый ответ респондента следует вопрос «Почему?». В случае затруднений или повторов вопрос переводится в другой, ассоциированный контекстом предшествующей фразы или всем содержанием интервью. Таким образом «вычерпывается» все поле актуального сознания и определяются контуры потенциального.

В соответствии с определенной ранее функциональной структурой сознания в анкете представлены содержательные вопросы, диагностирующие функции учебно-профессионального целеполагания («Что является главным в подготовке инженера, учителя?» и др.); отношения («Как вы оцениваете подготовку к профессиональной деятельности, получаемую в вузе?»; «Изменилось ли ваше мнение о профессии за время обучения? В чем именно?»); знаний («Каковы трудности будущей работы...?»); идентификации (качества личности) и др. (Акопов, 2004а).

Последовательность вопросов соответствует известным рекомендациям: в частности, содержательные вопросы чередуются

с фильтрами, контактными и контрольными вопросами, используется функционально-психологический вопрос и др. (Свенцицкий, 1977, с. 240). В стилистическом и логическом оформлении учтен образовательный и культурный уровень респондентов, организация процедуры опроса и др. (там же, 1977, с. 249).

Надежность методики оценивалась по согласованности ответов на соотносящиеся вопросы анкеты (внутренняя состоятельность). В частности, при обработке ответов на функционально-психологический вопрос («Ваши замечания и предложения...») оказалось, что структура ответов в достаточно большой группе (более 30 человек) аналогична структуре ответов на соответствующие по содержанию вопросы. Надежность методики можно также косвенно оценить по сходству результатов опроса на двух близких по профилю образования (специальности) отделениях одного и того же вуза.

О валидности (обоснованности) методики можно судить по адекватности ответов респондентов и релевантности выделенных классов теоретической структуре, а также по результатам соотнесения показателей учебно-профессионального сознания и продуктов учебно-профессиональной деятельности студентов.

Косвенным подтверждением валидности рассматриваемой методики служат также данные наблюдений и групповых дискуссий. Однако в этом случае, по-видимому, нет необходимости специально доказывать валидность методики в различных ее видах (критериальная, конструктивная, содержательная и т.д.). Здесь можно согласиться с Р.С. Перинбаньягамом, утверждающим, что «внутренний мир личности не имеет онтологии, не зависимой от методов ее описания, обнаружения или размышления о ней: она содержательно совпадает с терминологией и иконографией того, что любая культура и контекст, в которых личность представлена, описывают или понимают» (Перинбаньягам, 1990, с. 75). Любопытно также мнение Р.С. Перинбаньягама о том, что если отраженный сознанием социальный процесс не упорядочен, то духовный мир личности также будет не упорядочен, и наоборот, если упорядочен сам социальный процесс, то и внутренний мир будет упорядочен тоже (там же, с. 76). Особого исследования в нашем случае требует вопрос о возможном влиянии на сознание студентов самого тестирования (содержания вопросов), что в микромасштабе может «демонстрировать» принцип единства сознания и деятельности (см. таблицу 4 и таблицу 5).

Заполненные анкеты последовательно нумеруются, затем отдельно группируются ответы по каждому отдельному вопросу. «Поле» ответов классифицируется по эмпирически выявляемым критериям.

Таблица 4

Сравнение открытой и закрытой форм анкеты (оценка)

Оценка подготовки к профессиональной деятельности, получаемой в вузе	В 1993 г. (18 чел.)		В 1994 г. (22 чел.)	
	Февраль Закрытый вариант анкеты	Май Открытый вариант анкеты	Март Открытый вариант анкеты	Апрель Закрытый вариант анкеты
Отлично	2	2	-	-
Хорошо	5	5	15	16
Удовлетворительно	10	10	6	5
Неудовлетворительно	1	1	1	1

Таблица 5

Сравнение открытой и закрытой форм анкеты (цели)

Главное в профессиональной подготовке	В 1993 г. (18 чел.)		В 1994 г. (22 чел.)	
	Февраль Закрытый вариант анкеты	Май Открытый вариант анкеты	Февраль Открытый вариант анкеты	Май Закрытый вариант анкеты
Теоретическая подготовка по специальности	7	3	1	6
Практика	14	9	9	16
Общественная подготовка	4	-	-	4
Умение совместно работать	10	3	-	4
Личностные качества студентов	4	1	1	7

Опыт нашей работы позволил выявить устойчивые критерии классификации по всей группе вопросов диагностической анкеты, эквивалентные для вузов разного профиля, а в рамках одного вуза — для разных специальностей и на отдельных этапах профессиональной подготовки. Выявленная структура коллективных представлений студентов о профессии (профессиональная установка) включает такие компоненты, как основная специальность (теоретический аспект — знания по специальности), методы профессиональной деятельности (методика работы), психологические аспекты профессиональной деятельности (работа с людьми и др.), а также личностные особенности специалиста (профессионально важные качества) и организационно-практические умения.

При инвариантности структур профессиональных установок (в однопрофильных вузах они тождественны) уровень профессиональной социализации студентов как группы может диагностироваться количественным распределением студентов с различным численным «наполнением» структуры ответов. Однако при использовании закрытой формы анкеты следует учесть значительный рост количества ответов (таблица 5). Тем не менее основные количественные тенденции в распределении ответов на уровне средних и больших групп учащихся сохраняются. В качестве иллюстрации приведем результаты диагностического обследования студентов 2-го курса Самарского института инженеров железнодорожного транспорта в 1993 и 1994 гг. (см. таблицы 4 и 5).

Аналогичным образом доказана независимость численного распределения ответов на вопрос об удовлетворенности учебной формой анкеты (открытая — закрытая). Противоположная картина в структуре учебно-профессионального целеполагания (таблица 5).

Как ясно из таблицы 5 максимум ответов как в одной, так и в другой форме анкеты приходится на одно и то же направление подготовки (практика).

Для массовых обследований и оперативной обработки, естественно, больше подходит закрытая форма. Однако для оценки актуального сознания валидна открытая форма анкеты.

Другая авторская методика, использованная в работе, позволяет определить семантическое поле исследуемого социального явления, выраженного в том или ином понятии. Так, для анализа представлений, связанных с понятием «инженер» («учитель»), предлагалась задача определить в письменной форме свое понимание ряда значений, заданных в виде словосочетаний отдельных прилагательных с исходным понятием. Данные по словосочетаниям

«хороший учитель», «уважаемый учитель», ««красиво» работающий учитель» и «высококвалифицированный учитель», полученные на выборке студентов 2-го курса педвуза (43 человека), приведены в таблице 6.

Как видно из таблицы 6, групповое сознание «чувствительно» к различным оттенкам словоупотребления. Метод «вычерпывания» значения позволяет определить наиболее представленный компонент в структуре значения, а также сравнительный «вес» компонента в различных производных исходного понятия. Так, если исходить из 50% и более представленности мнений, то основными характеристиками «хорошего учителя» в групповом сознании студентов являются его личностные качества, знания по узкой специальности и методике преподавания, в то время как для «уважаемого учителя» в групповом суждении преобладают личностные характеристики. Интересно отметить, что структура личностных свойств для такого необычного словосочетания, как ««красиво» работающий учитель», также неоднородна. Устойчивость выявляемых таким образом структур группового сознания можно проиллюстрировать также в исследовании особенностей осознания и бессознательного в родительских суждениях о детях.

Таблица 6

СТРУКТУРА СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ ПОНЯТИЯ «УЧИТЕЛЬ» В ГРУППОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ (43 ЧЕЛОВЕКА) (%)

Структура семантического поля	Хороший учитель	Уважаемый учитель	«Красиво» работающий учитель	Высококвалифицированный учитель
Теоретическая подготовка по специальности	60	30	16	65
Методические знания и умения	51	14	37	39
Психолого-педагогические знания	46	19	42	30
Организационно-практические умения	15	9	7	28
Личностные качества	65	77	63	51
Объем представлений	227	149	165	213

Исследовались структура и функции родительских установок как «субъективных личностных отношений» (Б.Ф. Ломов). Обследована большая группа родителей учащихся 9-х классов городской общеобразовательной школы г. Самары. Методика незавершенных предложений позволяет достаточно полно учесть представленность как осознанных установок родителей, так и бессознательных (направленность ассоциаций). Конструкция теста отражает концептуальные представления о структуре и функциях одноаспектного (профессионального, нравственного, родительского и т.д.) сознания. Выявлено различие форм осознания идентичного семантического содержания в ситуации его смыслового завершения. Так, в обследованной выборке, завершая фразу «Я думаю, что главным в воспитании сына (дочери) является...», 29% родителей определили, что именно они хотели бы воспитать в ребенке, а большинство (71%) — как они хотели бы это сделать. В первом списке фигурируют и отдельные свойства (воспитание доброты, совести, честности и т.д.), и обобщенные качества («настоящего человека», «умение жить» и др.). Во второй группе наиболее распространенные ответы: «любовь к ребенку», «взаимопонимание», «личный пример родителей» и др. Таким образом, определенная часть родителей озабочена содержанием целей своего влияния (воздействия) на детей, в то время как другая, значительно большая часть, — вопросами средств этого воздействия. В суждениях группы из 98 человек не встречается совмещенного представления, т.е. одновременного осознания целей и средств. Значительный интерес представляет в связи с этим исследование этнических, культурных, половозрастных и других различий в распределении установок родительского сознания (цели — средства). Оно позволяет вновь вернуться к проблеме коллективного бессознательного и архетипов.

Выработана схема и проводится качественно-количественный анализ распределения актуализированных в родительском сознании свойств в зависимости от типа инициирующего суждения. Выявленные распределения отражают социально-психологическую закономерность, так как предположение о психолингвистической обусловленности данного феномена не находит своего подтверждения в результатах анализа других суждений. Так, в частности, изучая завершающие части предложения: «С сыном (дочерью) мне не удастся...», мы обнаружили ту же тенденцию. Все ответы можно разделить на две категории: 1) качества, которые не удастся воспитать; 2) средства воспитания, которые не удастся осуществить. В первую категорию попали ответы 28% родителей; это суждения

типа: не удастся приучить к честности, трудолюбию, добросовестности, правдивости и т.д.

Ответы второй категории, т.е. нереализуемые средства воспитания,— это «найти общий язык», «откровенно поговорить» и др. Ответы этой многочисленной группы родителей (72%) удалось разделить на две подгруппы в зависимости от определенности причины неудач взаимодействия (воспитательного воздействия). Эти причины могут быть как внешними, связанными с социальными условиями семьи («недостаточно времени», «слишком много работы» и т.д.) так и внутренними, связанными с внутрисемейными отношениями («не удастся... заняться общим делом», «найти общий язык», «чтобы он делился со мной бедами», «добиться полного исполнения моих требований» и др.). Очевидно, здесь имеют место различные уровни родительского сознания, что практически всегда остается в «компетенции» бессознательного.

Психосемантический аспект достаточно сильно проявился в продолжениях суждения: «Мне было бы легче, если...» Подтвердив известную тенденцию (цели — средства), ответы родителей определили уже иную статистику; только 15% родителей выделяют свойства характера ребенка (исполнительность, целеустремленность и др.). Большинство родителей (85%) отмечает средства и условия, которые могли бы облегчить решение задач воспитания. Причем 63% родителей видят такие средства внутри семьи («Если бы в воспитании участвовал отец», «Если бы был авторитет отца», «Если бы сын понимал нас — взрослых» и т.д.). Другие родители определяют иные необходимые условия («Больше бы помогала школа», «Меньше бы времени занимала работа», «Если бы легче было достать литературу», «Если бы везде была честность», «Если бы беседы с психологами были чаще» и т.д.).

Самооценочная часть теста дает возможность определить пределы бессознательной экстернальности. В своем характере родители выделяют следующие позитивные (негативные) качества: мягкость, юмор, отходчивость, терпимость, настойчивость, доброта и др. Из всего спектра самохарактеристик представлены только две группы — отношение к себе и другим. Не осознается важность опосредованного влияния на детей черт характера родителей, выражающих их отношение к труду, природе, обществу и др. Прослеживается линия «сниженной ответственности», что выражается в значительно меньшем числе негативных самооценок. В самооценках некоторых родителей качества общечеловеческого значения попали в число негативных, затрудняющих воспитательное воздействие на ребенка (любовь к детям, доброта и др.), т.е. имеет

место абстрактно-императивный подход, в котором не соизмеряются цели и средства. Если перейти от содержательно-структурного к функционально-структурному анализу самооценок характера родителей, то вновь обнаруживается малый объем сознания родителей по этому признаку. Актуально в сознании обследованной выборки родителей представлены лишь коммуникативные и организационные качества; отсутствуют конструктивные, проектировочные и гностические (рефлексия). В связи с функцией воспитания следует отметить, что не у всех родителей проявляется функциональная доминанта в отношении к своим детям. Примерно для 23% родителей отношение к детям выражается в радости самого факта существования ребенка («Рада, что она у меня есть!!!», «Сын есть и неплохой!» и др.). Уход от ответа или бессознательная подмена вопроса — достаточный повод для замены методической процедуры.

Проведенная работа показала возможность сочетания концептуальных схем анализа осознаваемых и бессознательных явлений в конкретных психологических исследованиях.

Последовательное использование концепции группового сознания в приложении к процессам среднего и высшего образования позволило нам прийти к следующим выводам:

1. Целевые установки в массовом восприятии и понимании педагогической деятельности у школьников, студентов педвузов и учителей существенно расходятся. Это расхождение, как можно предположить, изначально вносит внутренний конфликт в процессы общей социализации школьников, профессиональной социализации студентов и профессиональную деятельность учителей.

2. Старшеклассники прежде всего ценят методические способности учителя, его личностную привлекательность, а уже затем специальные знания по предмету и психолого-педагогические умения.

Ценностные профессиональные ориентации учителя имеют инверсированный порядок в отношении личностной специфики (последнее место). У учителей доминирует представление о важности психолого-педагогической компетентности и методических умений. С точки зрения возрастной психологии, в связи с глубокой перестройкой юношеского сознания полученные выводы не являются неожиданными. Действительно, подросток, прежде всего, видит, оценивает, симпатизирует или ненавидит в учителе человека, личность, а уже затем знающего специалиста, педагога и т.д. С другой стороны, объективные требования социальной роли ученика вынуждают школьника особо относиться к той стороне работы учителя, которая обеспечивает успех в учебной работе, т.е. методике преподавания.

Широко распространенное стереотипное представление учителей о важности психолого-педагогической подготовки требует корректировки в направлении личностного своеобразия учителя, развития его индивидуальности.

В высказываниях респондентов большой выборки школьников, студентов и педагогов (1986–2006) образовательных учреждений областных центров отсутствуют какие-либо суждения о важности и необходимости *творчества* в профессиональной деятельности и подготовке к ней.

3. Выбор вуза для обучения обусловлен изначально существующими стереотипными представлениями или близостью позиций, установок, ожиданий выпускников школ пропагандируемым взглядам специалистов той или иной сферы деятельности. Так, у абитуриентов педвуза мы находим соединение ценностных позиций школьников (приоритет личностной привлекательности учителя) и стереотипного представления о важности психолого-педагогической подготовленности. В то же время важнейшая технологическая составляющая педагогической деятельности — методика преподавания — оттеснена в групповом сознании абитуриентов на последнее место.

4. Ценностные профессиональные ориентации старшекурсников педвузов существенно отличаются от аналогичных у работающих учителей как по структуре, так и по количественному измерению (объему сознания). Это значительно усложняет адаптационные процессы и в начальной фазе, и на вторичном этапе при смене структурной адаптации и при отработке профессиональных навыков.

5. Анализ групповых представлений о трудностях работы учителя у школьников, студентов и учителей показывает значительное сходство ранжированных по количественному признаку компонентов структуры группового сознания. Причем у школьников и учителей обнаружены практически эквивалентные структуры. Это, прежде всего, организационно-педагогические, психолого-педагогические и методические трудности. Любопытно, что в этом плане учителя в отличие от школьников оказались «нечувствительны» к личностной составляющей. Названные три аспекта более всего количественно представлены и в групповом сознании студентов, однако их порядок несколько иной. Студенты-первокурсники более всего предполагают в деятельности учителя трудности психолого-педагогического характера, в то время как старшекурсники — трудности методического характера.

К стереотипам можно отнести значительную представленность в прогнозах первокурсников трудностей в построении взаимоотношений с коллегами и администрацией.

6. Образовательные и профессиональные установки студентов педвузов структурно «богаче» и динамичнее по сравнению с аналогичными у студентов технических вузов.

7. Выявленные в массовом сознании школьников, студентов и учителей существенные различия в полноте, порядке и количественной представленности компонентного состава функций целеполагания и прогнозирования доказывают методическую неразработанность вопросов проектирования и организации образования. Современное образование невозможно без учета специфики явлений сознания, его форм, свойств, структурных составляющих, весьма специфичных для тех или иных образовательных систем.

Завершая настоящий обзор, приведем основные положения, важные для понимания и развития системы образования, полученные в результате использования психологической парадигмы сознания.

Любая педагогическая система направлена на решение вопросов цели, содержания, организационных форм образования, а также состава педагогов и учащихся, т.е. уровня квалификации одних и готовности к обучению других (Н.В. Кузьмина). Практическое решение вопроса о цели образования может варьировать между технократическим и гуманитарным подходами. В первом случае преобладает идея материально-технического обеспечения жизни общества с ориентацией образования на подготовку специалистов с фиксированным уровнем знаний и умений. Творчество в этом случае подчинено технологии, которая может лишь совершенствоваться, но не меняется радикально, в том числе и технология образования. Преимущество технократического подхода заключается в оперативности решения ближайших задач и устойчивости системы, что связано с детальной регламентацией деятельности. В отличие от технократических, гуманитарные цели ориентированы на развитие личности, ее творческих сил и самовыражение в деятельности.

В зависимости от избранной цели конструируется содержание образования, которое может быть в большей или меньшей степени директивным, обязательным, что в свою очередь создает серьезные ограничения в подборе педагогов и учащихся. Так, приверженность к технократической идее в преподавании математики в школе привела к большим сложностям в работе неподготовленных учителей с новыми учебниками, оказавшимися практически недоступными

для большинства учащихся. В итоге, как известно, снизился уровень знаний, ухудшились показатели интеллектуального развития. В этом плане гуманитарный подход имеет значительно меньше негативных последствий.

Наибольшее распространение сегодня имеет смешанный подход. С психологической точки зрения, весьма важен вопрос о дальнейшем сохранении-изменении принципа однотипно-унифицированной подготовки специалистов в системе высшего образования или отказе от него. В существующей системе все выпускники подгоняются под фиксированный единый уровень знаний и умений (стандарт) с небольшим «люфтом» допустимых отклонений (отметки от 3 до 5). В то же время в реальном производстве допустимый диапазон индивидуальных различий в квалификации значительно шире. Речь идет не о снижении требований, а о более широком «пространстве» знаний и умений, предлагаемых к усвоению в образовательной системе. Возможность определять объем и подобласти знаний и умений самими студентами создает условия для того, чтобы гуманизировать образование в рамках технократической системы. В этом случае распределение специалистов-выпускников вуза будет не линейным, как это имеет место в традиционной системе (по признаку уровня подготовки), а двухмерным, т.е. также и по специфической подобласти. Такой подход обеспечит большую адаптируемость и профессиональную «подвижность» выпускников в динамичной системе производства.

Соотнесение массовых представлений о цели образования таких социальных групп, как школьники, абитуриенты, студенты вузов университетского, инженерно-технического и педагогического профиля, учителя и преподаватели вузов — специалисты различных сфер трудовой деятельности, доказывает актуальность и важность исследований учебно-профессионального сознания в сфере образования. Выявлены, в частности, существенные расхождения в таких функциях группового сознания, как целеполагание и прогнозирование. Соответственно по-разному проектируется и содержание образования, различные составляющие содержания приобретают различное ценностное значение, что редко учитывается при существующей безальтернативной системе учебных дисциплин и препятствует свободному (субъектному) развитию личности профессионала.

**5.1. КРАСОТА, ЗДОРОВЬЕ, ЛЕНЬ, ОЖИДАНИЕ. СПЕЦИФИКА
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ИНОСТРАНЦЕВ, ПОСЕЩАВШИХ РОССИЮ
В РАЗНОЕ ВРЕМЯ (XV–XVII ВВ.), О РУССКОМ ХАРАКТЕРЕ**

О русских пишут весьма много, что в настоящее время уже не подходит, без сомнения, вследствие общих перемен во временах, управлении и людях.

А.Олеарий

Весь мир не спрячешь, близкое и далекое друг друга выявляют, прошлое и настоящее ясно различаются.

Чаньское изречение

В сборниках «Россия глазами иностранцев» представлены свидетельства и наблюдения А. Контарини, С. Герберштейна, П.С. Палласа, А. Олеария и других иностранцев — очевидцев различных сцен и событий российской жизни XV–XVII вв. В традиционной исторической науке эти описания хорошо освоены и концептуально адаптированы. Однако нам неизвестны обзоры другого плана, в которых рассказы вышеназванных и других авторов подвергались бы анализу с точки зрения истории ментальностей, исторической антропологии или исторической психологии.

Не претендуя на полное и систематическое решение этой проблемы, рассмотрим некоторые психологические моменты исторических свидетельств.

Тексты названных сборников содержат качественно различные типы информации, позволяющие осуществлять психологическую реконструкцию свойств характера исторических лиц или групп людей. Это, в частности, прямые оценки или непосредственные суждения иностранцев о характере русских. Их содержание,

конечно, может быть в значительной мере обусловлено субъективными факторами. Однако сходство характеристик, зафиксированных разными авторами в разное время, может свидетельствовать о психологической идентичности объектов наблюдений. Так, А. Контарини (1476 г., Италия) отмечает, что «русские очень красивы, как мужчины, так и женщины, но вообще это народ грубый» (с. 23). Значительно позже Ж. Маржерет (1600 г., Франция) констатирует, что русские — «грубый и варварский народ, вдобавок управляемый государем-тираном» (с. 237). Эта характеристика (грубость) более в свидетельствах не встречается. Возможно, ее инверсированным вариантом являются описания физического здоровья, силы, выносливости: «Московиты весьма сильны руками и мышцами, побеждают, утомив под конец исключительно своею сосредоточенностью и ловкостью» (С. Герберштейн) (с. 76); «Мужчины большею частью рослые, толстые и крепкие люди. Они очень почитают длинные бороды и толстые животы, и те, у кого эти качества имеются, пользуются большим почетом. Вообще народ здоровый и долговечный... Недомогают редко» (А. Олеарий) (с. 235, 343); «Хотя москвитяне очень крепкого сложения, но к холоду они чувствительнее, чем поляки» (де ла Невилль) (с. 518).

Обостренный взгляд иностранцев напоминает детское восприятие, фиксируя внимание на особенностях внешнего облика. Женщины красиво сложены, нежны лицом и телом, но грубо и заметно румянятся и белятся, отмечает А. Олеарий. Весьма пристрастный де ла Невилль возмущен безрассудством русских женщин, которые красят лицо, бреют брови, места коих раскрашивают (с. 335, 518).

В описании образа жизни русских иностранцами часто фиксируется не деловая, а бытовая регламентация активности русских: «Их жизнь протекает следующим образом: утром они стоят на базарах примерно до полудня, потом отправляются в таверны есть и пить; после этого времени уже невозможно привлечь их к какому-либо делу» (А. Контарини) (с. 23); «Господа, пребывая в четырех стенах своих домов, обыкновенно сидят и редко, а, пожалуй, и никогда не занимаются чем-нибудь, прохаживаясь. Они сильно удивлялись, когда видели, что мы прохаживаемся в наших гостиницах и на прогулках часто занимаемся делами» (С. Герберштейн) (с. 78). Русские люди высокого и низкого звания привыкли отдыхать и спать после еды в полдень. На этом основании, как отмечает А. Олеарий, русские и заметили, что Лжедмитрий не русский по рождению, так как не спал в полдень. Он также не походил на русского по такому признаку внешней регламентации жизни, как

хождение в баню (с. 344). А. Олеарий пишет, что русские придают большое значение омовению. Они в состоянии переносить сильный жар в бане, затем окачиваются холодной водой (зимой валяются в снегу), поэтому, как финны, являются сильными и выносливыми, хорошо переносящими холод и жару (с. 345).

Иностранцы обращают внимание на плохое качество жизни: «Дома московитян не лучше свиных хлебов во Франции и в Германии» (де ла Невилль) (с. 520). Дорогие дворцы вельмож и купцов построены в течение последних 30 лет, а в общем русские живут плохо, и у них немного денег уходит на хозяйство (А. Олеарий) (с. 339). И дело не только в деньгах, но и в стремлении обходиться в жизни без лишних трудов и забот. Так, С. Герберштейн замечает, что «хотя лошадки их очень малы и уход за ними гораздо более небрежен, чем у нас, все же они выносят столь усиленные труды» (с. 79). А. Олеарий пишет, что ни в одном доме, ни у богатых, ни у бедных людей, не замечено украшения в виде расставленной посуды, но везде лишь голые стены, которые у знатных завешены циновками и заставлены иконами. Он же отмечает непривычность русских к нежным кушаньям и лакомствам.

Склонностью к обильной еде московитян де ла Невилль объясняет вынужденность трехчасового сна после обеда и необходимость ложиться спать сразу после ужина (зато они встают весьма рано). Даже в походах каждый солдат, не исключая стражи, непременно спит после обеда (с. 520). Тучность, как естественное следствие обильной еды, сна и недостатка движений, вызывает особое отношение окружающих. Ж. Маржерет отмечает, что «все ездят летом верхом, а зимой в санях, так что не производят никакого движения, что делает их жирными и тучными, но они даже почитают наиболее брюхастых, называя их “дородный человек”, что значит “честный человек”» (с. 242). Он же (Ж. Маржерет) восклицает: «Эта нация самая недоверчивая и подозрительная в мире!» (с. 239).

К редким нравственным оценкам можно отнести упреки С. Герберштейна в том, что русские торгуют с великими обманами и коварством. Одновременно С. Герберштейн замечает, что всякое правосудие в России продажно, причем почти открыто. Причиной столь сильного корыстолюбия и бесчестности он предполагает бедность (с. 76).

Иностранцы пишут и о мятежности русского характера. А. Олеарий, описывая события расправы и самосуда над несправедливым и своекорыстным чиновником, проявляет понимание и уважение к мятежникам: «Вот, следовательно, каков при всем рабстве нрав русских, когда их сильно притесняют» (с. 388). Здесь, как и в других

характерологических проявлениях русских, обнаруживается отсутствие характерной для Западной Европы традиции принятия условности (см., в частности, описания карнавальных и театрализованных действий с сжиганием соломенных чучел, разыгрыванием мятежных сцен и др. в средневековой Франции, Германии). В этом плане можно также интерпретировать замечание А. Олеария о том, что «хотя греховная Венерина игра у русских очень распространена, тем не менее, у них не устраиваются публичные дома с блудницами» (с. 343).

Произвольное моделирование (удвоение) действительности может осуществляться в наглядно-действенной форме, т.е. в форме традиционных или синхронно-событийно творимых ритуалов; наглядно-образной — нарративных построениях (сказания, предания, эпосы и др.) и, наконец, в символической форме (вещественные, событийные или письменные знаки). Все три формы присутствуют в любой культуре, однако в диахронии и по соотношению преобладающих форм этносы могут существенно отличаться.

Принятие условности, т.е. опосредование кризисных угнетающих событий в тех или иных формах удвоения реальности, в массовом проявлении служит стабилизирующим моментом для общества (государства), противодействующим разрушительному конфликту, распаду, хаосу, дезориентированности и безвременью. Неотягощенность этноса культурными наслоениями или сложными условностями и ступенями опосредования значительно снижает «иммунитет» нации. Этот контекст «победы» московитских («плохих») нравов над провинциальными находит подтверждение в описаниях С. Герберштейна. Отмечая, что народ в Новгороде был очень обходительным и честным, но ныне является весьма испорченным, он поясняет: «Вне сомнения, это произошло от Московской заразы, которую туда ввезли с собою заезжие московиты» (с. 105). Изменения в характере псковитян (почти во всех делах были введены гораздо более порочные обычаи московитов, в то время как ранее псковитяне при всяких сделках отличались такою честностью, искренностью и простодушием, что не прибегали ни к какому многословию для обмана покупателя) С. Герберштейн объясняет ограничением свобод жителей Пскова по воле Ивана Васильевича (с. 106).

Не затрагивая торговлю, А. Олеарий находит много положительного в характере московитов, отмечая, в частности, их восприимчивость, умение подражать тому, что они видят у немцев. Он пишет: «У них нет недостатка в хороших головах для учения. Между ними встречаются люди весьма талантливые, одаренные хорошим разумом и памятью» (с. 404). У А. Олеария мы находим

важную характеристику веротерпимости русских, указание на их способность вести сношения с представителями всех наций и религий (с. 410).

Прямые высказывания, оценки характера русских составляют очень небольшую часть описаний впечатлений иностранцев, побывавших в России в XV–XVII вв. В заметках К. де Бруина, герцога Лирийского, К.-К. Рюльера, Л.Ф. Сегюра и П.С. Палласа, которые совершили путешествия в XVIII в., такие описания практически отсутствуют. Это несоответствие можно объяснить по-разному: манерой повествования данных авторов-путешественников, ментальным своеобразием XVIII в. вообще, в частности, утверждающимися канонами философского и естественнонаучного обоснования знания, а для России, с Петровскими реформами, подчинением человека государству.

Иностранцы, путевые заметки, рассказы и очерки которых хронологически объединены XV–XVII вв., не выступают в роли исследователей или тем более специалистов, в то время как К. де Бруин — этнограф, П.С. Паллас — ученый. Их взгляд сконцентрирован на различных явлениях российской действительности. Конечно, без исследовательской направленности не может быть вскрыта глубокая картина явления. Но в «простых» наблюдениях иная ценность: они фиксируют яркое и необычное, непохожее на привычные явления исходной для наблюдателей культуры.

Косвенные (непрямые) характеристики могут извлекаться из любых сегментов описания в зависимости от того или иного принципа, концептуальной схемы анализа, основывающихся на определенных предположениях. Так, сравнение однотипных ситуаций, в которых оказывается путешественник в разных странах, позволяет выявить специфику национального характера, но только в том случае, если известна беспристрастность наблюдателя и наблюдаемое событие является типичным, а не чрезвычайным (ср. подробное, эмоциональное описание приема, оказанного А. Контарини в Троках у польского короля и — уже без восторженных нот приема у великого князя в России).

Для психологической реконструкции характера наблюдаемых иностранцами людей особенно важны проявления полного или частичного непонимания тех или иных ситуаций, событий, действий, отношений и т.д. Так, в свидетельствах С. Герберштейна высказывается недоумение и значительное недовольство процедурой искусственного усложнения порядка проезда посла в город и длительным ожиданием (по несколько месяцев) у границы для въезда. Проезд через царство иностранцы осуществляют не по своему усмотрению,

а с остановками и задержками, осложняющими жизнь послов (длительные ожидания в неподобающих условиях) (с. 128–129).

Загадка длительного ожидания для проезда иностранных послов по России и не менее длительного ожидания аудиенции у высшего лица может решаться в разных схемах причинных связей: отношения между странами и правителями, искусственное самовозвышение правителя, козни его окружения и т.д. Однако типичность самого явления ожидания требует иных объяснений. На наш взгляд, причина кроется в различной временной напряженности и насыщенности жизни в России и в тех странах, представители которых приезжали в Россию.

5.2. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ¹²

Бывают времена, когда люди живут лишь надеждами и ожиданиями перемен своей судьбы; бывают времена, когда только воспоминание о прошлом утешает живущее поколение, и бывают счастливые времена, когда историческое развитие мира совпадает в людях с движением их сердец.

А. Платонов. «Афродита»

Человечество проделало длинный путь в своем развитии, прежде чем время стало неотъемлемой характеристикой сознательной жизни людей. Всего за какие-то два века событийная «плотность» и динамика жизни неимоверно возросли и временное измерение все более трансформирует пространственное и психологическое измерение человека.

История человеческого познания мира показывает, что представление людей о времени не является чем-то раз и навсегда данным. Это представление не только становящееся и преходящее, но и теснейшим образом связанное с общими условиями и формами человеческой жизнедеятельности. Поэтому процесс постижения временной реальности и наполнения ее исторически определяющимся содержанием оказывается далеко не однозначным для различных исторических эпох и различных культур, не только в широком социально-историческом плане, но и в более узком — личном.

¹² Раздел подготовлен при участии Т.Н. Подьячевой.

Представление о времени может различаться не только у различных культур, так как эти культуры развиваются в собственных условиях и находятся на разных этапах, но и внутри одной и той же культуры, в одни и те же исторические периоды ее существования. Они могут различаться не только по формам жизнеотношения и жизнеощущения с определенной социокультурной окраской. В человеческих представлениях о времени, как и о мире в целом, могут сказываться особенности духовного уровня людей, их социального положения и, как следствие, отношения к себе, к себе подобным и к обществу, к культуре, а через них — и к самой реальности.

Представление о времени — неотъемлемый компонент миропонимания в целом. В ходе исторического процесса оно изменяется, обрывает целым комплексом понятий, образов, становится важнейшим моментом мировоззрения эпохи, ее культуры. В разных социальных общностях, в различных исторических условиях меняется не только общее представление о времени, но и ощущение его длительности, направленности и характера течения, отношение к настоящему, прошлому и будущему. Каждой культуре присущ особый способ переживания, осмысления и осознания времени. А.Я. Гуревич справедливо относит время к основным универсальным категориям культуры, из которых последняя выстраивает свою модель мира (Гуревич, 1968). Эти категории универсальны, так как характерны для каждого общества на любом этапе его истории, хотя и изменчивы по своему содержанию.

Французский психолог Поль Жане одним из первых обратил внимание на то, что время — это продукт сознания, в восприятии которого основную роль играет социальное — нравы, обычаи, ритуалы, являющиеся созданием человеческого духа. Таким образом, время, существующее объективно и выступающее в качестве общей характеристики мира самого по себе, оказывается существенно зависимым от особенностей мышления и жизнедеятельности данного общества в конкретно-исторический период.

Человек, изолированный от общества, возможно, мог бы обходиться без времени, не обращая на него внимания и не измеряя его. Но жизнь среди людей требует от человека координации своих действий с действиями окружающих, для чего необходимо считаться со временем других людей и хорошо знать все условности, связанные с коллективным представлением о времени данного общества. Время определенным образом согласуется с астрономическими процессами, но каждое общество накладывает на эти общие представления свое восприятие, связанное и с особенностями жизни отдельных людей и общества в целом; социально-психологические

аспекты становятся определяющими, и поэтому через восприятие, понимание, осознание времени просматривается мироощущение, ментальность той или иной эпохи.

Стремление человека постичь время привело к тому, что в процессе развития человеческой мысли все больше внимания уделялось этому явлению. И чем пристальнее всматривались в него люди, тем больше убеждались в его неоднозначности и многомерности. Понимание того, что человек живет в разных временных измерениях, привело к дифференциации понятия.

Выделяют несколько разновидностей времени, с которыми так или иначе сталкивается человек. При этом различные временные измерения не автономны.

Как к любому физическому объекту, к человеку применимы эталоны и единицы физического времени, в которых измеряется хронологический возраст человека. Физическое время тесно связано с астрономическим временем, основанным на наблюдении за периодически повторяющимися процессами одинаковой длительности: вращение Земли вокруг Солнца или вокруг своей оси и другие астрономические явления.

Растения, животные и человек как составляющие живой природы выработали в результате эволюционного развития способность весьма тонко и точно измерять и координировать биологические процессы. Все живые организмы имеют как бы встроенные внутри «биологические часы», основанные на периодически возникающей и затухающей активности клеток и отдельных органов. С их помощью организм приспосабливается к внешней среде, к ее ритмам, улавливая даже малые флуктуации геофизических факторов. В процессе этого приспособления развивается чувство времени, в основе которого лежит примерно тот же механизм, что и в основе образования понятия времени, — это сравнение, сопоставление различных процессов: одного, функционирующего как эталон, и другого, сравниваемого с этим эталоном. Здесь тоже можно проследить взаимосвязь биологического времени с физическим и астрономическим.

В обществе также существуют особые временные отношения и как член общества человек живет в социальном времени, времени человеческой деятельности. Это время выступает необходимым условием человеческой деятельности, ее структурной расчлененности и исторического развития. Социальное время является мерой изменчивости общественных процессов, исторически возникающих преобразований в жизни людей. Но и оно не может не считаться с другими временными измерениями. Люди согласовывают свою

деятельность с биологическими часами. Социальные ритмы, как и биологические, зависят от физических и астрономических циклов.

Время лежит в основе исторического процесса, который сам по себе является «временным явлением» (Янагида, 1969, с. 148). Поэтому говорят об историческом времени, которое воспринимается как непрерывный хронологический ряд событий в жизнедеятельности общества и человечества в целом. Исторические циклы и периоды имеют свое собственное время. А.Л. Гуревич разбивает историческое время на несколько хронологических рядов (время экономического цикла, время демографического цикла и т.д.), в каждом из которых существует особая длительность, присущая только данному уровню. Временные потоки различных уровней соединены в синхронную картину, в общий поток исторического развития, в котором они взаимосвязаны (Ясперс, 1994).

Время, переживаемое человеком, называют психологическим временем. А.А. Кроник и Е.И. Головаха выделяют три концепции психологического времени, каждая из которых по-своему соотносит прошлое, настоящее и будущее (Кроник, Головаха, 1988). Квантовая концепция стремится определить четкие границы настоящего. Для концепции событий важнее насыщенность психологического времени событиями. Согласно причинно-целевой концепции, осмысляя время, человек создает целостную картину своей жизни; психологическое время формируется на основе переживания личностью взаимосвязанных событий прошлого, настоящего и будущего.

Понятие историко-психологического времени можно рассматривать в его объективном и субъективном (психологическом) измерении. В первом случае можно говорить о событийной насыщенности повседневной жизни человека в той или иной социальной группе: рождение, учение (обучение), инициация, виды социальной и индивидуальной деятельности, обретение семейного, классового, социального и других статусов. Отношение количества разнородных событий к общему времени жизни определяет скорость течения времени в объективном его измерении. Субъективная сторона течения времени одномоментна и не связана (практически) с продолжительностью жизни. Она определяется количеством психологически значимых событий в социально-фиксированную единицу времени. Современные социально-фиксированные единицы времени неодинаковы в столице и в провинциальном городе, в областном и районном центрах и т.д. В социальном и техническом отношении Россия в сравнении с Западом, по мнению многих, представляет провинцию Европы. В этом плане любопытным было бы сравнение с Востоком, Азией.

Соотношение между объективной и субъективной составляющими историко-психологического времени не столь однозначно, как может показаться на первый взгляд. Оценка времени при исполнении ритуалов, в процессе религиозных отправлениях, в медитативных состояниях и т.д. может закрепляться в повседневной жизни, снижая остроту неопределенности, вызванной событийным многообразием и тем самым повышая адаптивные возможности человека. Общая закономерность, определяющая перестройку переживания историко-психологического времени у большего или меньшего количества людей, связана с остротой переживаемого в обществе кризиса и количеством включенных в него людей. В качестве иллюстраций можно отметить массовое распространение эсаленовских групп в период технократической революции или групп СПТ в России перестроечного времени.

Таким образом, историко-психологическое время — важная переменная научной истории ментальностей и исторической антропологии. В этой концептуальной схеме представляет интерес различие в восприятии составляющих историко-психологического времени. Такое различие могут показать, в частности, прямые и косвенные характеристики времени, встречающиеся в описаниях людей, по собственному желанию или по воле случая вырванных из привычной среды в другие пределы своей страны или в чужие страны. Логика анализа в этих случаях может быть информационно инверсированной, т.е. нести информацию о ментальных единицах как наблюдаемых, так и всей общности, представителем которой является свидетель. Механизм инверсированного анализа может быть определен наложением актуальной (сегодня) сцены на отдаленное прошлое. Предварительные изыскания могут выглядеть следующим образом. Случайный или неслучайный представитель достаточно изученной общности на определенное время и в определенной событийной последовательности, которые задаются условиями психологической реконструкции, помещается в инородную среду, отличную от исходной для испытуемого по пространственным, социальным, культурным или другим признакам.

Далее соотносятся ментальные корреляты субъекта(ов) и воспринимаемых объектов, а также описания, данные субъектами. Метод переноса актуализированных социоперцептивных связей (очевидец событий и людей — события и люди) в историческое прошлое представляется одним из перспективных вариантов схемы инверсирования ментальных единиц (пространств). Принятие условности — одно из фундаментальных свойств мышления человека. В культурно-исторической психологии, начиная с работ

Л.С.Выготского и А.Р.Лурии, отчетливо показана специфика мышления (сознания) людей различных исторических эпох и, в синхронии, различных культурно-специфичных сообществ (Коул, Коул и Скрибиер, Мацумото и др.). Выражая действительность в опосредованном виде в формах определенных действий, образов или знаков, принятие условности историческим лицом или группой позволяет избегать экстремальных, разрушительных выходов из критической ситуации (ср.: групповая голодовка или марш пустых кастрюль). Очевидно, что непринятие условности основано на раздельном существовании дискурсов реальной конкретной (бытовой) логики и идеальной проективной (мифологической) логики действий, суждений, отношений. В этом случае обнаруживается порог экстремальности, подобной описанному А. Олеарием. Само наличие или отсутствие хотя бы одной линии объединения дискурсов создает совершенно разные ментальные состояния (ср.: Россия до и после Кровавого воскресенья 9 января 1905 г.), отражающие разрыв историко-психологического времени или начало нового психологического времени. Нечто похожее, но совершенно по иным причинам (вытеснение рационального знания личностным, психологическим), намечается в современном Интернет-сознании.

5.3. СОЗНАНИЕ И ВОЛЯ В «ИСКАНИЯХ СЧАСТЬЯ»

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.

Ф.И. Тютчев

Какова связь (есть ли?) между величием нашего созерцания и ничтожеством нашего действия.

Д.С. Мережковский

Особенная идея как способ разрешения проблемы самовыражения индивидуального бытия характеризует поисковую активность человеческой мысли в различных измерениях культуры. В силу ряда причин, анализ которых выходит за рамки данной работы, этот поиск приобрел особое значение в российском общественном сознании. Стали общим местом ссылки на особый путь

России, «русскую идею», загадку русской души и т.д. Принимая это устойчивое явление общественной жизни и российского самосознания как форму национального самоутверждения, следует отметить, что оно наиболее ярко проявляется в периоды кризисов.

В силу естественных законов общения «механизмы» общественной жизни со временем освящаются идеологической схемой. Привычность этих схем нарушается во времена «смуты», и тогда обнажается вся картина мнений, обостряется противостояние взглядов, кристаллизуются ведущие идеи. Количественный расклад сторонников той или иной концепции часто оказывается решающим для исхода политической коллизии. Но сейчас нас интересует качественное решение вопроса.

В накопленном океане суждений, прогнозов, догадок и озарений отсутствует, насколько нам известно, попытка осмыслить всю сумму мнений и взглядов с точки зрения приведения их в некую систему, а не только объяснения с позиций политических, экономических или других теорий. Если в содержательно-философском плане прав В.И. Молчанов, утверждая, что «свобода мысли подменяется неявно свободой действия, свободой выбора» (Молчанов, 2007, с. 272), то в содержательно-политическом (экономическом) плане, скорее наоборот, что характерно и для современной ситуации в России. Не претендуя на полноту исследования и окончательность выводов, мы соотнесли не потерявшие актуальность высказывания известных авторов с определенной схемой жизнедеятельности социальных систем.

Целеполагание в исканиях счастья. Анализ целевых установок в суждениях о народе, общественной жизни, всеобщем благе и т.д. осложняется переплетением личных оценок, желаний, решений, обусловленных сугубо индивидуальным опытом соответствующих изысканий, и достаточно объективных знаний, отражающих реальные социальные процессы. Эти две позиции не всегда вполне осознаются. В частности, не всегда различаются вопросы: *1. Чего я хочу для моего народа? 2. Что я считаю необходимым для блага моего народа? 3. Чего желает мой народ? 4. Что в действительности необходимо моему народу?*

Очевидно, что первая пара вопросов относится к субъективному (гуманитарному), а последняя пара вопросов — к объективному (традиционно научному) анализу (знания). В первом случае движение мысли осуществляется силой пристрастности, любви, ненависти, обаяния и т.д. Здесь, в частности, невозможно учесть неоднородность общества, специфику различных социальных групп и др.

Во втором случае влияние личных установок частично нейтрализуется избранным методом анализа. Здесь также возможен отдельный анализ на уровне индивида (отдельного субъекта) и группы (достаточно большой общности).

Смысл существования (цель бытия на индивидуальном уровне) как составляющая общественных исканий отражен преимущественно в художественной литературе. Обратимся для иллюстрации к трем небольшим произведениям. В авторском самоисследовании проблемы смысла жизни Л.Н. Толстой, завершая свою «Исповедь», находит оригинальное, на наш взгляд, решение вопроса. Любопытно, что решение это пришло во сне. Исходное состояние во сне — «ни хорошо, ни дурно... Но я начинаю думать о том, хорошо ли мне...» (Толстой, 1985, с. 95). Затем поток мыслей перемещается от анализа телесных ощущений к внешним опорам. Желая укрепить их, он оказывается в еще менее устойчивом положении, и дальнейшие движения лишь усугубляют его. Оказавшись в критическом, подвешенном состоянии, «тут только я спрашиваю себя то, чего мне прежде и не приходило в голову... где я и на чем я лежу?» (там же). Открывавшаяся внезапно бездонная пропасть вселяет ужас. Страшно смотреть, «но не смотреть еще хуже» (там же). Еще один скачок рефлексии: «Не может это быть правда. Это сон. Проснись. Я пытаюсь проснуться и не могу. Что же делать, что же делать? — спрашиваю я себя и взглядываю вверх. Вверху тоже бездна. Я смотрю в эту бездну неба и стараюсь забыть о бездне внизу, и, действительно, я забываю. Бесконечность внизу отталкивает и ужасает меня: бесконечность вверху притягивает и утверждает меня» (там же).

Применив это же средство — «спасся от ужаса тем, что стал глядеть вверх», — как известно, завершило один из этапов духовных исканий А. Болконского в эпопее Л. Толстого «Война и мир». Не ограничиваясь ощущением вновь обретенной устойчивости, автор в третьем рефлексивном потоке мысли постигает одновременно простой, естественный и «очень... хитрый» (там же, с. 96) механизм этой устойчивости. Состояние ясности, радости и покоя предшествует пробуждению. Можно предположить, что Л.Н. Толстой видит решение тайны индивидуального бытия в рефлексивном процессе уяснения механизма взаимодействия человека со своим прошлым и будущим, т.е. включения и расширения пределов самосознания.

Такое гармоничное решение проблемы смысла жизни, очевидно, отражает гармоничность российского сознания в его художественном выражении в эпоху наивысшего расцвета русской литературы.

Иная плоскость решения обозначена в пьесе М. Горького «На дне». Здесь выражена весьма интересная и вполне конкретная целевая установка. Поясняя, «зачем живут люди?», старик Лука дает простой ответ, связывающий настоящее с будущим: «А — для лучшего люди-то живут, милачок!» И далее поясняет линию движения поколений на примере: «Вот, скажем, живут столяры и все — хлам — народ... И вот от них рождается столяр... такой столяр, какого и не видала земля, — всех превысил, и нет ему во столярах равного. Всему он столярному делу свой облик дает... и сразу дело на двадцать лет вперед двигает... Так же и все другие... Всяк думает, что для себя проживает, а выходит, что для лучшего! По сто лет... а может, и больше — для лучшего человека живут!» (Горький, 1978, с. 339–340).

Пьеса написана в начале 1902 г. В массовой нищете сложно усмотреть индивидуальность. Субъективно, личностно она всегда присутствует, возможно, как потребность. Жить для будущего, для чьей-то славы?! Мало утешает и призыв старца уважать всякого человека: «Неизвестно ведь нам, кто он такой, зачем родился и чего сделать может... может, он родился-то на счастье нам... для большой нам пользы?» (там же, с. 340). В итоге же, сочтя свою жизнь бесполезной, «испортив песню», кончает жизнь самоубийством Актер.

Это соблазнительно простое и тотальное решение проблемы смысла жизни доведено до абсурда в короткой повести А. Платонова «Фро...». Само имя героини повести выглядит как символ «кусочного» счастья, и мысль автора, абсолютно недоступная восприятию старого трудяги, отца Фроси, и слабо рефлектируемая героиней в хроническом ощущении неполноты и недоумения, вновь возвращают нас к идее Л. Толстого. Причем временная перспектива здесь уже не прогресс, а совершившийся акт: отец Фроси присутствует в настоящем как прошлое; муж отсутствует, находясь постоянно в будущем; сама же Фрося с застывшей мыслью в неподвижном и мучительном настоящем.

Если исключить из рассмотрения художественные произведения «доминантно» социальных авторов (М.Е. Салтыкова-Щедрина, Г.И. Успенского), то целеполагание в исканиях народного счастья прямо или косвенно выражено (в соотносительном времени) главным образом в публицистике. Наиболее полным исследованием в этом плане является работа Л.Н. Толстого «Так что же нам делать?» Характеризуя «существующий порядок вещей, основанный на грубом насилии», Л. Толстой утверждает в качестве цели «идеал жизни, состоящий в общении людей, основанном на разумном согласии, утвержденном обычаем» (Толстой, 1985, с. 415). В дру-

гом месте он отмечает: «Только кажется, что человечество занято торговлей, договорами, войнами, науками, искусствами; одно дело только для него важно, и одно только дело оно делает — оно уясняет себе те нравственные законы, которыми оно живет. Нравственные законы уже есть, человечество только уясняет их себе, и уяснение это кажется неважным и незаметным для того, кому не нужен нравственный закон, кто не хочет жить им. Но это уяснение нравственного закона есть не только главное, но единственное дело всего человечества» (Толстой, 1985, с. 140).

Возвращаясь к четырем поставленным ранее вопросам, можно заключить, что приведенные выше цели определяют ответы на первый вопрос («Чего я хочу для моего народа?»). В связи с тем, что на протяжении всей работы Л. Толстой обсуждает проблему свободы, вероятно, что эта цель является ответом на третий вопрос («Чего, я считаю, хочет мой народ?»). Иной позиции в этом вопросе придерживается Г.П. Федотов. В статье «Россия и свобода» он отмечает, что русский народ сознательно и бессознательно «сделал свой выбор между национальным могуществом и свободой» (Федотов, 1989, с. 415) не в пользу последней. Г.П. Федотов исследует различие «воли» и «свободы» для «русского слуха» и заключает: «Воля есть, прежде всего, возможность жить, пожить, по своей воле, не стесняясь никакими социальными узами, не только цепями. Волю стесняют и равные, стесняет и мир. Воля торжествует или в уходе из общества, на степном просторе, или во власти над обществом, в насилии над людьми. Свобода личная немислима без уважения к чужой свободе, воля всегда для себя. Она не противоположна тирании, ибо тиран есть тоже вольное существо. Разбойник — это идеал московской воли, как Грозный — идеал царя» (там же, с. 201).

Невозможно обойти целое направление русской мысли, утверждающее предназначение России к чему-то великому. Наиболее аргументированно обсуждает эту идею Н.А. Бердяев. Общий смысл ее заключается в том, что истинное счастье и назначение русского народа состоит в открытии пути к счастью для всего человечества. Бердяев считает, что к идеям этого порядка прилипло много фальши и лжи. Но отразилось в них и что-то подлинно народное, подлинно русское. В качестве доказательства Бердяев ссылался на историческую устойчивость воспроизводства Русской Идеи (Москва — третий Рим, славянофильство, неославянофилы), а также на то, что «не может человек всю жизнь чувствовать какое-то особенное, и великое призвание и остро сознавать его в периоды наибольшего духовного подъема, если человек этот

ни к чему значительному не призван и не предназначен. Это биологически невозможно. Невозможно это и в жизни целого народа» (Бердяев, 1990б, с. 7).

Выбор метода доказательства здесь не связан с отсутствием научных традиций. Известны, в частности, достаточно глубокие фольклорные и этнографические исследования, которые дают возможность ответить на третий и четвертый вопросы. Однако этот объективный материал часто препарируется по заранее обозначенной схеме.

Что касается особой миссии, то Бердяевым она принимается не в противопоставлении другим народам, а в сопоставлении с ними. Этому служат, в частности, аналогии с Грецией, Римом, Испанией и др. Вновь оживает утешительная философия предназначения человека в интерпретации горьковского Луки, для коллективных субъектов (народов) приобретая иное звучание.

Другая целевая установка Н.А. Бердяева — это «свободная творческая жизнь» (там же, с. 12) народа. Если Г.П. Федотов находит решение загадки России в психологической дифференциации свободы и воли для русского духа, то Бердяев ищет объяснение в исходной антиномичности, «двойственности лика России» (там же, с. 8), выводя двойственность русского духа из двойственности русского исторического бытия.

Завершая очень краткое обсуждение вопросов целеполагания в исканиях «русской мысли», можно сделать некоторые выводы.

Вопросы целеполагания в индивидуальной жизни человека в российском сознании анализируются преимущественно в художественной форме; для общества в целом (русского народа) — в публицистической литературе. Художественное направление задает программы личностного самоопределения и самовыражения, требующие для своего восприятия высокого уровня интеллектуальной культуры или доступные для массового сознания объяснимые схемы, не дающие эффекта личностной самоидентификации (идеи всеобщего блага и личностной функциональной определенности, где личность выступает скорее как средство, нежели как цель).

В публицистическом направлении можно выделить цели сверхвысокого уровня (мессианские), высокого уровня (христианские), среднего (идея свободы) и низкого уровня в их негативной трактовке («повседневной» жизни, терпимости и др.). Можно отметить также весьма слабую вовлеченность в «духовный поток» условно объективных данных (фольклорные, этнографические, психологические исследования).

Содержание жизни, соответствующее идеалу. Согласно взглядам Л.Н. Толстого, это разумное самоограничение, самообслуживание, посильный физический труд, трудовая жизнь; при этом должны выполняться условия: «меньше брать от других, больше давать», отречься от личной выгоды, привилегий, денег.

Не обсуждая этого вопроса специально, Г.П. Федотов в статье «Россия и свобода» отмечает некоторые основные признаки содержания жизни, отвечающие провозглашенному им идеалу. Это, в частности, соответствующий идеалу свободы способ «культурного общежития», основанный на «уважении к чужой свободе» и противопоставляемый Г.П. Федотовым «русскому идеалу воли», который «находит себе выражение в культуре пустыни, дикой природы, кочевого быта, цыганщины, вина, разгула, самозабвения страсти — разбойничества, бунта и тирании (Федотов, 1989, с. 204). Активно отвергая формы проявления подобного «дискретного» образа жизни («когда терпеть становится невмочь», когда «чаша народного горя с краями полна», народ разгибает спину: бьет, грабит, мстит своим притеснителям, пока сердце отойдет; злоба утихнет — и вчерашний «вор» сам протягивает руки царским приставам: «вяжите меня» (там же, с. 171), Г.П. Федотов намечает способ реализации иного образа жизни, соответствующего иному идеалу.

Парадоксальная картина идеального устройства жизни предвидится Н. Бердяевым. Образ «высшего бытия», в котором «не будет уже материальных насильственных воин с ужасами, кровью и убийством» (Бердяев, 1990б, с. 171), Н. Бердяев не представляет без «борьбы, движения, исторического творчества, нового перераспределения тел и духов. Изменяются способы борьбы, все делается более тонким и внутренним, преодолеваются слишком грубые и внешние методы, но и тогда будет боль движения и борьбы» (там же, с. 171). Констатируя антиномичность русского духа и бытия, Н. Бердяев сам привносит противоположные категории в объяснительные схемы этих явлений, различая абсолютные ценности духовной жизни» и относительные исторические задачи, первые — как интенции души и практически недостижимые в конкретной исторической жизни. Важным и опять же антиномичным в связи с решением Н. Бердяевым других вопросов (война, развитие общества и др.) представляется замечание о том, что «абсолютное не должно быть насильственным, внешним и формальным навязыванием относительному трансцендентных начал и принципов, а может быть лишь имманентным раскрытием высшей жизни в относительном» (там же, с. 185). Другой, не менее важный момент содержания жизни, определяемый Н. Бердяевым в связи с обсуждением про-

блемы «Власть слов», заключается в высказывании о том, что «вся жизнь должна определяться изнутри, а не извне, из глубины воли, а не из поверхностной среды» (там же, с. 193), которую Н. Бердяев, по-видимому, и связывает с властью слов. Новую жизнь Н. Бердяев также связывает с непосредственными гарантиями прав меньшинства и прав личности. «Количественная масса не может безраздельно господствовать над судьбой качественных индивидуальностей, судьбой личности и судьбой нации» (там же, с. 195). По Н. Бердяеву, настоящую демократию характеризует «истинное самоуправление» (там же, с. 195). Как сторонник «исторического» взгляда, Н. Бердяев не принимает «частного (поверхностного)» взгляда на жизнь и потому допускает жертвы и страдания, жестокость и твердость во имя высшей жизни, ставит ценности выше блага, призывает любить дальнего больше, чем ближнего, готов жертвовать низшими состояниями духа во имя высших, жертвовать элементарными благами во имя восхождения и эволюции человека» (там же, с. 179).

Подводя итог обсуждению названных выше вопросов, отметим, что провозглашаемые цели (идеал) и закономерно связанное с ними содержание жизни в теоретических конструкциях разных авторов почти всегда отражают эту необходимую связь, учитывая дифференциацию целей разного уровня. Очевидно, что мессианские идеи в меньшей степени обнаруживают шансы эволюционно-гармоничного достижения, поэтому в концепции Н. Бердяева допустимы войны, страдания, жертвы и т.д. Образный ряд суждений Л.Н. Толстого ввиду идеала всеобщей свободы не допускает насилия, но человек и здесь также не принадлежит себе, так как «призывается» главным образом к заботе об общем благе. Право на существование здорового (разумного) эгоизма (цели низкого уровня), в реальной жизни присутствующего у всех народов, для русского духа решительно отвергается по вполне, казалось бы, надуманной причине — в силу особенностей национального характера, а именно дискретно-бунтарского духа и отходчивости русских (Г.П. Федотов) или преобладания женственности (Н.А. Бердяев) и др.

Средства достижения идеала. Этот аспект проблемы представлен в концепциях и взглядах обсуждаемых авторов. Даже в тех случаях, когда идеал не осознан или не провозглашается прямо (представлен интуитивно и проявляется в направленности суждений), обсуждение способов избавления отечества от того или иного зла; поиск возможностей перехода в новое, более развитое общественное состояние обнаруживает приверженность авторов к решению данной проблемы.

Л.Н. Толстой детально анализирует положение и исследует задачи преобразования действительности. Поражают масштабность и глубина постижения Толстым различных областей знания: экономики, социологии, религии, истории и др. Логика Толстого основана на обсуждении реального, а не исключительно желаемого положения вещей. Так, обсуждая воззрения социалистов, он пишет: «Идеал этот состоит в том, что рабочие, сделавшись хозяевами всех орудий производства, будут пользоваться всеми теми удобствами и удовольствиями, которыми пользуются теперь одни достаточные люди... Но для того, чтобы все пользовались известными предметами, надо распределить производство желательных предметов и, стало быть, определить, сколько времени должен работать каждый работник: как определить это?» (Толстой, 1985, с. 380–381). Далее Толстой фактически моделирует плановую экономику социализма и показывает невозможность практического осуществления идеала свободы и в этом случае, так как неизбежно одни люди, которым будет дана власть, будут решать, а другие должны будут повиноваться им (там же, с. 390). В поисках решения вопроса о способах достижения идеала в сферах политики, юриспруденции, экономики и социологии Толстой высказывает ряд резких и категоричных суждений о науке в целом. Его упреки науке объясняются высокими нравственными требованиями к личности ученого и невозможностью широкого и немедленного практического эффекта научных изысканий как старого, так и нового времени. Интересно отметить, что в качестве третьей, «самой твердой, неустрашимой причины рабства» Толстой называет социально-психологическую, а именно — «неудовлетворенные увеличенные потребности» (там же).

От анализа главных законов, ограничивающих свободу (законы о земле, о налогах, о собственности), Толстой переходит к обсуждению сути понятия «закон» («узаконение»), констатируя при этом необходимость силы, которая только и может заставить людей исполнять правила или волю других, издавших законы, таким образом, возвращаясь к явлению насилия и завершая круг суждений логическим парадоксом свободы. Тем не менее Толстой считает, что люди могут и должны обходиться без насилия, быть свободными на основе разумного согласия. «Для уничтожения *насилия* нужно только обличение того обмана, который дает возможность малому числу людей совершать насилие над большим числом» (там же, с. 408). Толстой не рассчитывает на одномоментное решение проблемы, он видит «бесконечное количество ступеней, по которым не переставая шло и идет человечество» (там же, с. 415). Приближение к идеалу, считает он, совершается «только по мере освобождения

людей от участия в насилии, от пользования им, от привычки к нему (там же, с. 415). Не принимая насилия абсолютно, Толстой, тем не менее, оптимистичен в своем прогнозе будущего. Достижение идеала он связывает с психологическими изменениями в обществе, отмечая: «В какой же степени и когда осуществляется в каждом обществе и во всем мире замена насилия разумным и свободным соглашением, утвержденным обычаем, будет зависеть от силы ясности сознания людей и от количества отдельных людей, освоивших это сознание» (там же, с. 380–381).

Парадоксальной является мысль Н. Бердяева. Исходя из идей Вселенского, Космического Сознания (Разума), он, тем не менее, допускает возможность, а в отдельных случаях и необходимость насилия в историческом процессе. Здесь следует сделать замечание, объясняющее «силовую» позицию Н. Бердяева. Дело в том, что он считает возможным лишь один исторический путь к «достижению высшей всечеловечности, к единству человечества» — это «путь национального роста и развития, национального творчества» (Бердяев, 1990б, с. 88). В этом же ряду, в связи с идеей особенного русского вклада в мировое развитие (проблема русского мессианизма) стоит убеждение Н. Бердяева в необходимости предшествующей «положительной национальной работы, духовного и материального очищения, укрепления и развития нашего национального бытия» (там же, с. 97). «Механизм не может быть программой, программа должна быть творчески-национальной» — пишет Н. Бердяев (там же).

Таким образом, основным средством достижения искомой цели (всеединства) Бердяев считает продуцирование специфического (национального) нового общезначимого продукта (материального и духовного), а условием такого продуцирования (творчества) — более глубокое по сравнению с марксизмом сознание, возможное лишь на религиозной почве.

Если обратиться к двум известным моделям развития мира, в частности живой материи (эволюционно-стохастическая или программно-реализующаяся), то становится ясно, что взглядам Бердяева более соответствует вторая модель. Однако в этом случае не вполне ясна так называемая форма обратной связи, каковой для научного мировоззрения выступает научно-технический прогресс. Подтверждение научной мысли в практической деятельности является одной из форм обратной связи, как позитивной, так и негативной, так как отрицательные последствия свидетельствуют о несовершенстве, неполноте знаний и тем самым способствуют их дальнейшему прогрессивному развитию. Эта схема развития

естественно-технических знаний выступает в качестве образца и для социальных знаний. Однако социальные теории сегодня оказались в ином, конструкционистском измерении, что послужило новым импульсом к возрождению и дальнейшему развитию гуманитарных знаний (Петренко, 2007).

Периодическая смена мировоззренческих установок в истории (Шкуратов, 1990), возможно, отражает индивидуально-психологическую специфику человеческого мышления (логическое и образное) в различных социально-исторических и социально-демографических условиях. Последние, как явствует из исследований А.Л. Чижевского, могут быть также обусловлены космическими явлениями периодического характера (Чижевский, 1976). Вполне естественно, что обсуждение вопроса о средствах, путях или способах достижения цели не обходится без этического момента. Н. Бердяев определяет следующее объяснение «исторического взгляда» на жестокость процесса развития: «Жертвы и страдания могут быть оправданы, если видеть ту глубину всякого существа, на которой судьба национальная, историческая и мировая есть его собственная судьба» (Бердяев, 1990б, с. 178). Исторический «экстремизм» Бердяева можно объяснить слабой разработкой темы средств (способов, путей) достижения выдвигаемых целей в немарксистских концепциях российских философов. Тем не менее можно предположить, что позиция Н. Бердяева лично пострадали. В его суждениях о Л. Толстом мы находим: «Толстой требовал абсолютного сродства средств с целями, в то время как историческая жизнь основана на абсолютном несродстве средств с целями» (Бердяев, 1990а, с. 176). И несколько дальше: «Он прав, что насильем нельзя победить зла и нельзя осуществить добро, но он не признает, что насилью нужно положить внешнюю границу. Есть насилье порабащующее, как есть насилье освобождающее» (там же, с. 176). По поводу последнего можно сказать, что теперь мы знаем, как сложно отделить первое от второго. Иное решение этической дилеммы «цели — средства» Н. Бердяев находит в Легенде о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского (противопоставление принуждению свободы духа).

Возвращаясь к проблеме средств, можно заключить, что Н. Бердяев, хотя и весьма обобщенно, но определяет эти средства. Так, он отмечает: «Новая жизнь очищалась исключительно от изменений социальной среды, от внешней общественной, а не от творческих изменений в личности, не от духовного перерождения народа, его воли, его сознания. Народный и личный характер совсем не принимается в расчет в наших демократических социальных учениях...

Русский народ должен перейти к истинному самоуправлению. Но этот переход зависит от качества человеческого материала, от способности к самоуправлению всех нас» (там же, с. 176).

Последнее суждение перекликается с комментарием Г.П. Федотова: «Народ мог только переменить царя, но не ограничить его. Больше того, он не пожелал воспользоваться самоуправлением, которое предлагал ему сам царь, и испытывал как лишнее бремя участия в земских соборах, которые могли бы, при ином отношении народа к государственному делу, сделаться зерном русских представительных учреждений» (Федотов, 1989, с. 205). Что же это за народ, не желающий отстаивать или даже принимать в качестве подарка свои интересы? Сейчас, естественно, перейти к анализу характера тех, кто или, вернее, для кого, собственно, ищется лучшая жизнь.

Характер народа. Книга с таким названием опубликована Н.О. Лосским. Работа имеет сравнительно-теоретический характер, как, впрочем, и все другие работы по аналогичной теме. Более или менее строгие научно-эмпирические (кросс-культурные) исследования по данной проблеме стали проводиться относительно недавно. Тем не менее о наличии определенных достижений в этой области можно судить по результатам наблюдений и интуитивных озарений большого числа отечественных и зарубежных авторов. Так, Лосский, апеллируя к разным источникам, констатирует в качестве основной, наиболее глубокой черты русского народа религиозность (Лосский, 1991, с. 240), инверсируя в качестве таковой массовую веру русских в коммунизм в послеоктябрьский период. Объясняя противоположные проявления русского характера, Лосский цитирует Л.П. Карсавина: «Если же русский усомнится в абсолютном идеале, то он может дойти до крайнего скотоподобия или равнодушия ко всему; он способен прийти от невероятной законопослушности до самого необузданного безграничного бунта» (там же, с. 241).

В другом месте Лосский, интерпретируя понятие религиозности, видит такие его проявления, как искание абсолютного добра и смысла жизни, страсть к абсолютным ценностям и преображению мира, «страстное искание истины и правды» (там же, с. 258), «стремление к полному совершенству и чуткости к недостаткам нашей действительности» (там же, с. 241). По его мнению, «отрицательные проявления русского характера объясняются чрезмерной чуткостью ко всяким недостаткам своей и чужой деятельности» (антиномичность, по Н.А. Бердяеву).

Следующая, основная («первичная») черта русского характера, выделяемая Лосским, — «могучая сила воли и страстность мно-

гих людей» (там же, с. 272). «Страшно, до какой степени свободен духом человек русский, до какой степени сильна его воля», — отмечает Достоевский (Достоевский, 1983, с. 98). Этими свойствами Н.О. Лосский объясняет часто встречающееся в русском народе отсутствие меры, неумение идти средним путем, а также максимализм, экстремизм, фанатическую нетерпимость, и, соответственно, охлаждение к начатому и отвращение к его продолжению и др. Это позволяет Лосскому сделать вывод о том, что «воля и мышление русского народа не дисциплинированы» (Лосский, 1991, с. 269), т.е. не оформлены, что отмечает также и Н.А. Бердяев. Другим негативным проявлением волевой сферы русских Лосский, ссылаясь на И.А. Ильина, считает отсутствие дальновидного расчета и заранее выработанного плана в ситуациях преодоления трудностей. Эти ситуации, по оценке Ильина, разрешаются «посредством импровизации в последнюю минуту» (там же, с. 332) (слабость русской воли, по Бердяеву). Сам Ильин отмечает «внутреннюю, жизненно-душевную «свободу», выражающуюся в чертах, свойственных *русскому характеру и русскому общественному укладу...* эти черты: *душевного простора, созерцательности, творческой легкости, страстной силы, склонности к дерзновению, опьянения мечтой, щедрости и расточительности*, и, наконец, это искусство *прожигать быт смехом и побеждать страдание юмором*» (Ильин, 1990).

В работе Н.О. Лосского приводится также множество других характеристик русского народа: выдающаяся доброта, обаятельность, смирение, спокойствие, сдержанность, внутренняя гармония, сострадательность, душевная мягкость, миролюбие, даровитость и др., а также их противоположные проявления. Важно отметить, «что русский человек, заметив какой-либо свой недостаток и нравственно осудив его, преодолевает его и вырабатывает в совершенстве противоположное ему положительное качество» (там же, с. 273), чему Н.О. Лосский приводит множество примеров. Однако эти примеры, возможно, подтверждают мысль Н.А. Бердяева о коллективе как единственной формообразующей внешней силе русского характера. Н.А. Бердяев более категоричен, утверждая, что «духовная работа над формированием своей личности не представляется русскому человеку нужной и пленительной» (Бердяев, 1990б, с. 73).

Не столь однозначно, как Н.О. Лосский, придерживаясь установки божественного предназначения свойств души того или иного народа, Н.А. Бердяев привлекает к его характеристике такие детерминанты характера, как пространство, время и др. «Широта» русского характера как его общее свойство, противоположное

«узости европейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души» (там же, с. 61), возможно, и есть преимущество неоформленности. Здесь фиксируются также другие недостатки характера, которые не приняты Лосским: слабо развитое чувство ответственности, женственность души русского народа, покорность силе, антиномичность национального самосознания, недостаток честности и чести и др. (там же, с. 73). Бердяев считает, что русским свойственно «равнодушие к идеям и идейному творчеству», «вялость и инертность мысли, нелюбовь к мысли, неверие в мысль», «неприятие отвлеченной мысли, «любовь к катехизисам» (там же, с. 75). «Он не рассуждает, он принимает на веру несколько догматов, на которых держится его нравственная и общественная жизнь», — пишет Г.П. Федотов (Федотов, 1989, с. 203). Достоевским это свойство метко названо «русской стремительностью к общению», «удовлетворимостью простейшим, малым и ничтожным», «чрезмерной» упрощенностью воззрений, причем такой, которая «в иных случаях вредит самим упростителям» (Достоевский, 1983, с. 311).

Отсюда Бердяев выводит «равнодушие к истине русского человека», в отличие от правды, которая мыслится религиозно, морально или социально, т.е. для русских смешаны правда-истина и правда-справедливость (Бердяев, 1990б, с. 77). Такая специфика интеллектуальных качеств, видимо, хорошо сочетается с определенными личностными свойствами. Бердяев отмечает, в частности, что «в типичной русской душе — много простоты прямоты и бесхитренности, ей чужда всякая аффектация, всякий взвинченный пафос, всякий аристократический гонор, всякий жест» (там же, с. 141). Возможно, что и здесь имеет место соподчиненность свойств, аналогичная отмечавшейся ранее (интеллектуальные и личные свойства). В данном случае перечисленные качества вполне объяснимы с точки зрения более общего свойства (ценностная диспозиция) — «устремленности к последнему и окончательному, к абсолютному во всем: к абсолютной свободе и к абсолютной любви» (там же, с. 27). «Но в природно-историческом процессе, — продолжает Бердяев, — царит относительное и среднее. И потому русская жажда абсолютной свободы на практике слишком часто приводит к рабству в относительном и среднем и русская жажда абсолютной любви — к вражде и ненависти».

В многообразии свойств русского характера есть одно, главенствующее значение которого подчеркивал Достоевский. Потребность страдания — «самая коренная духовная потребность русского народа»; «даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе

счастье для него не полно»; «страданием своим русский народ как бы наслаждается» (Достоевский, 1983, с. 235). Писатель образно доказывает это, сравнивая поведения пьяных русского и немца: «Пьяный немец, несомненно, счастливый человек и никогда не плачет: он поет самохвальные песни и гордится собою... Русский пьяница любит пить с горя и плакать. Если же куражится, то не торжествует, а лишь буйнит» (там же, с. 256).

Способность (в высокой степени) к самосознанию — одна из отличительных черт русских, по мнению Достоевского. «Я как-то слепо убежден, что нет такого подлеца и мерзавца в русском народе, который бы не знал, что он подл и мерзок, тогда как у других бывает так, что делает мерзость, да еще сам себя за нее похваливает, в принцип свою мерзость вводит» (там же, с. 256).

Тема народных страданий, несчастий — основная тема и в размышлениях Толстого. Со свойственной ему высочайшей аналитической способностью он указывает на три типа несчастных, выявленных им во время переписи.

Несчастье первых, т.е. «людей, потерявших свое прежнее выгодное положение и ожидающих возвращения к нему», непоправимо внешними средствами; они ни в каком положении не могут быть счастливы, если взгляд их на жизнь останется тот же»; «помочь такому человеку можно только тем, чтоб переменить его мировоззрение» (Толстой, 1985, с. 121). В этом случае наблюдение Толстого, видимо, обнаруживает то же самое явление, о котором пишет Достоевский, — потребность в страдании.

У несчастных второго и третьего типов в классификации Толстого (дети и распутные женщины) обнаруживается несколько иной уровень сознания. Они «не видят безнравственности своей жизни. Они видят, что их презирают и ругают, но за что их так презирают, им невозможно понять. Их жизнь так шла с детства» (там же, с. 138).

Любопытно, что Толстой не оценивает те или иные качества как народные и характерологические. Причины несчастий он видит в образе жизни, в окружающей среде и в самом поведении и сознании человека. Так, в частности, он пишет: «Большинство несчастных, которых я увидел, были несчастные только потому, что они потеряли способность, охоту и привычку зарабатывать свой хлеб» (там же, с. 137). Таким образом, иная (этическая) установка приводит, как мы видели ранее, не только к видению других целей, содержания и средств решения проблемы, но и иного образа народа как объекта искания.

Субъектисканий, или проблемы российской интеллигенции. Российская интеллигенция, возможно, действительно является особенным явлением мировой цивилизации. Как понять социальную группу, значительная часть которой, вопреки своим социально-групповым интересам, сочувствует, пропагандирует и борется за интересы неконгруэнтного класса, за счет которого фактически существует? Очевидно, «страннические» и «социально-суицидные» интенции русской интеллигенции объясняются причинами психологического характера, точнее, идейно-психологическими. Уже Л.Н. Толстой не видит места для интеллигенции в общественной жизни государства. Его отрицательное отношение к прагматическим сферам науки и искусства — это, скорее, отношение к людям, занятым в этих сферах. В этом плане рефлексия и саморефлексия Толстого крайне (беспощадно) последовательна. Достаточно прочитать «Исповедь» и дневниковые записи, связанные с темой смысла жизни. Вместе с тем, постоянная конфронтация чисто интеллектуальной сферы и сферы разумного организованного физического труда как на личном, так и на социальном уровне отражает поразительную целостность сознания Толстого. Однако сочетание этой целостной позиции с меньшей силой духа и с неспособностью к самоактуализации может оборачиваться и экстремизмом, и депрессией.

Художественная интерпретация «лишнего», самосозерцающего человека, очевидно, имела реальные основания не только в личных особенностях писателей, но и в российской действительности. Таким образом, невостребованность образованной личности в России, с одной стороны (как социальное явление), и абсолютный идеал блага в форме «отвержения от себя и служения другим» — с другой, определили феномен российской интеллигенции, ее социологизированность в ущерб индивидуализированности. При этом парадокс состоит в том, что это было общей позицией и западников, и славянофилов. Поэтому удивительно точен Ф.М. Достоевский, утверждая, что «все мы, любители народа, смотрим на него как на теорию, и, кажется, ровно никто из нас не любит его таким, каким он есть в самом деле, а лишь таким, каким мы его каждый в себе представили» (Достоевский, 1983, с. 257).

Запущенный Петром I механизм изолированного духовного существования интеллигенции и народа не всеми исследователями воспринимался драматично. Так, Г.П. Федотов, апеллируя к примерам Индии и Китая, видел единственно возможный исторический путь развития демократии в России в первоначальном утверждении (политической) свободы для немногих (вельмож) и последующей борьбе за ее расширение на все сословия, в пределе — на всю нацию.

Интересную параллель замечанию Достоевского находим у Д.Н. Овсяннико-Куликовского. Он выделяет два типа отношений мыслящего человека (интеллигента) к той или иной умственной деятельности: 1) «духовная ценность не урезывается и не обесценивается, чтобы приладиться к психике лица, а, напротив, психика лица расширяется — чтобы воспринять данную ценность в ее наиболее полном, выражении», 2) «восприятие, духовных благ определяется потребностями внутреннего мира, берется то, что нужно и отвергается то, что не нужно». Овсяннико-Куликовский считает, что в отсталых странах преобладает вторая тенденция, которая находит выражение в «искании идей», т.е. в «выработке миросозерцания». Таким образом, создается «идеология» для решения всех вопросов, в том числе и неразрешимых, надежда, не *изменяя* образа жизни, с помощью убеждения «горячим словом» «обратить темных людей на путь истины» (Овсяннико-Куликовский, 1991, с. 401).

Другой аспект этой же проблемы представлен М.О. Гершензоном. Он считает, что деспотизм в России «вызвал в образованной части общества преувеличенный интерес к вопросам общественности... Общественность заполнила сознание; разрыв между деятельностью сознания и личной чувственно-волевой жизнью стал общей нормой, более того — он был признан мерилом святости, единственным путем к спасению души». Образно поясняя свою мысль, Гершензон пишет: «Дома — грязь, нищета, беспорядок, но хозяину не до этого. Он на людях. Он спасает народ — да оно легче и занятнее, нежели черная работа дома... Никто не жил — все делали (или делали вид, что делают) общественное дело» (Гершензон, 1991, с. 106). Гершензон весьма резко характеризует интеллигенцию своего времени, но все же верит в движение русской интеллигенции к творческому личному самосозерцанию. И в этом пожелании есть резон. Не случайно Н.А. Бердяев замечает, что русские писатели XIX в. творили не от «радостного творческого избытка, а от жажды спасения народа, человечества и всего мира» (Бердяев, 1990а, с. 63). Далее, он еще более жестко отмечает исключительную способность русской интеллигенции к идейным увлечениям: «Русские не скептики, они догматики, у них все приобретает религиозный характер, они плохо понимают относительное» (там же, с. 65).

Переходя к соответствующей плоскости жизни современной России, можно констатировать, что в сложной ситуации необходима общность основных целей различных социальных групп. Эти цели, конечно, связаны с целями государственного и общественного развития России (особенно их соотношения); с соответствующими формами (содержанием) государственной и общественной жизни

(эти модели должны быть заранее известны); с согласованными способами достижения целей; с учетом социально-психологических особенностей (ментальности) населения России и, наконец, с интеллектуальным, эмоциональным и организационным потенциалом того слоя избираемых, назначаемых или рвущихся к руководству, который достаточно часто в Российской истории оказывается не на высоте своего положения. Неслучайно восклицает Н.А. Бердяев: «Главная беда России... в плохой общественной плетке, в недостатке настоящих людей, которых история могла бы призвать для реального подлинно радикального преобразования России, в слабости русской воли, в недостатке общественного самовоспитания и самодисциплины» (там же, с. 190).

На это можно возразить, что это всего лишь субъективный фактор истории. Но что есть объективный фактор после 70 лет «объективно» препарированной науки и истории? «Чистый» метод как оппозиция концептуальной схеме вряд ли возможен, во всяком случае интерпретация всегда несет в себе, скрыто или явно, теоретическую установку. Так, опираясь на результаты опроса, проведенного в перестроечный период ВЦИОМ, Ю. Левада приходит к заключению, что «беда нашего общества... не в том, что в массе, в народе отсутствуют разумные установки: мы живем и выживем именно благодаря им. Беда (имеющая свои исторические и психологические корни) в той расстановке умственных или, скажем, душевных сил российского общества, которая не допускает формирования разумных и действительных «мозговых» структур. Недостаточной разумностью грешит, прежде всего, элита общества, которая призвана быть хранителем его разума» (Левада, 1992). Такого типа объяснения уже имели место в истории российского сознания. Неясно другое, почему и сегодня в таком случае имеет место оторванность «элиты» от основной массы, народа. Ведь новую элиту сегодня составляют в подавляющем большинстве выходцы из народа, «народная интеллигенция». Возможно, что объективистский тезис о детерминирующем влиянии условий и образа жизни все еще годится для объяснения механики «колеса» отечественной истории, но только при том условии, что учитываются другие «переменные (цели, средства и т.д.). В списке переменных, как выяснилось, «конфронтирующей» является субъект-субъектная связь «народ (общество) — интеллигенция (управленческая элита)». Неспособность принимать условность, по нашему мнению, — тот водораздел взаимного непонимания между интеллигенцией и народом, который, по-видимому, сохраняется и сегодня. Согласованная цель (цели) и есть сегодня та *условность*, которая может быть принята или нет той или иной социальной группой, обществом в целом.

Согласование весьма усложняется наличием противоречий (различных интересов) в содержании целей и формах их достижения. Сложность содержания целей связана с необходимым объединением в них бытийного (реального, конкретного) и экзистенциального (перспективного, идеального). Договориться о формах движения сложнее. Директивный (авторитарный, авторитетный) путь все более вытесняется конвенциональным («общественный договор», конституция). Однако и в условиях демократии (конвенции) не в полной мере решаются противоречия необходимого и возможного, способностей и вознаграждений и др. Идеология консолидированного согласия (и действия), сменяющая на определенном этапе конвенциональную парадигму, позволяет приблизиться к разрешению противоречий. Принятие данной идеологии как условия согласованного движения и есть одна из форм принятия условности. Действительно, путь развития цивилизации от ритуальных до законотворческих форм жизнедеятельности в обществе предполагает достаточно высокий уровень согласия и не только в принятии определенных правил поведения и деятельности, но и не меньший уровень исполнительной дисциплины как в активности внутреннего, психологического, так и внешнего плана. Расхождение между народом и интеллигенцией в этом смысле заключено не в абсолютной неспособности (нежелании) одной из сторон принимать условность (конвенциональность), а в принципиальном расхождении того содержания жизнедеятельности, в котором народ хочет или может принимать условность, и того, что принято интеллигенцией или избранной народом властью.

Если согласиться с определением интеллигенции как наиболее образованной части народа, то причины социального диссонанса следует искать также в системе образования. Соответствующий диахронный анализ российской системы образования еще предстоит. Обратимся лишь к некоторым результатам локальных исследований, проведенных Т. Карпасовой и А. Ефимовым под нашим руководством. Так, в одном из обследований студенты 1-го и 2-го курсов физико-математического факультета и факультета иностранных языков в кратком свободном описании определяли свое понимание личности. Эти определения (всего 202), помимо прочего, анализировались также с точки зрения типа установки — авторитарной или гуманистической. К первому типу отнесены определения, в соответствии с которыми личностью может быть назван выдающийся человек или человек с рядом позитивных свойств, выделяющих его из общей массы людей. В определениях второго типа за каждым человеком признается право называться личностью. В таблице 1 представлены результаты этого опроса.

Таблица 1

Представление о личности у студентов (%)

Тип установки	Профиль образования			
	естественнонаучный		гуманитарный	
	Год обучения			
	1	2	1	2
Авторитарная (личность – особенный человек)	41	69	42	22
Гуманистическая (каждый человек – личность)	42	25	53	55
Неопределенный ответ	16	6	6	22

В таблице показано, что в процессе вузовского обучения типы установки у студентов естественного и гуманитарного факультетов меняются в разных направлениях. У первых увеличивается представленность авторитарной и уменьшается представленность гуманистической; уменьшается доля неопределенных ответов. У студентов гуманитарного факультета на 2-ом курсе сравнительно с первым почти вдвое меньше учащихся с авторитарным типом установки, процент гуманистически ориентированных студентов почти одинаков, но резко возрастает количество неопределенных ответов.

Таким образом, в процессе высшего образования, помимо профессиональных, формируются личностные установки; их тип зависит от профиля обучения, причем тенденции могут быть противоположными для естественных и гуманитарных специальностей.

Очевидно, что современная образовательная система существенно отличается от дореволюционной. Сегодня общеобразовательный уровень населения значительно выше. Разрыв между образованной элитой и остальной частью населения не столь велик, как раньше. В таблице 2 приведены результаты измерения стереотипных представлений о национальном характере французов и русских у студентов факультета иностранных языков (43 человека) и старшеклассников общеобразовательной и специальной (с углубленным изучением французского языка) школ (54 человека). Учащиеся школ разного типа объединены, так как в рассматриваемом отношении выборки отличаются несущественно.

Как показано в таблице 2, в распределении стереотипных представлений студентов и школьников имеет место тенденция

переоценки негативных и недооценки позитивных проявлений в собственных национальных группах, однако у студентов эта тенденция выражена значительно больше (первая и третья строки таблицы 2) (Формирование и развитие..., 1991).

Данные таблицы 2 не представляются парадоксальными, если учесть, что в определении основных целей национальной школы учителя чаще всего озабочены «обеспечением сохранения общественной культуры и ее традиций» — 51%, формированием чувства национального достоинства» — 15%.

Высшее образование в значительной мере изменяет установки человека. В таблице 3 представлены результаты измерения установок студентов и учащихся 10–11 классов в отношении прогрессивности — консерватизма взглядов (мышления), инициативности —

Таблица 2

ЭтНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ СТУДЕНТОВ И СТАРШЕКЛАССНИКОВ(%)

	Студенты		Школьники	
	о французах	о русских	о французах	о русских
Равнодушие	2	29	15	33
Национальная гордость	73	33	76	46
Национализм	24	39	9	20

Таблица 3

ЭтНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ УЧАЩИХСЯ (%)

	Студенты		Школьники	
	о французах	о русских	о французах	о русских
Прогрессивность взглядов	84	14	93	72
Твердость характера	63	67	89	50
Инициативность	90	47	89	50
Трудолюбие	98	53	98	80
Практичность	100	84	93	94
Политическая активность	47	69	78	37

пассивности, трудолюбия — лени, практичности — идейности, политической активности — пассивности французов и русских.

Данные, приведенные в таблице 3, демонстрируют значительно большую дифференциацию установок у студентов в отличие от школьников. Конечно, возрастная детерминанта имеет значение в распределении стереотипных представлений, однако нам представляется, что здесь значительно больший вес имеет фактор образования. Показательной в этом плане является первая из приведенных в таблице 3 характеристик: 84% опрошенных студентов признают взгляды французов прогрессивными и 86% признают взгляды русских консервативными. У старшеклассников разрыв этих показателей значительно меньше.

Любопытно также, что, вопреки сложившемуся мнению о слабости русского характера, женственности натуры, недостатке воли (вспомним лесковскую метафору о мягком, сыром тесте, которое топором не разрубишь из повести «Железная воля»), эмпирическая картина совершенно иная. Согласно оценкам студентов, по волевым качествам русские даже несколько превосходят французов. Школьники в этом вопросе отдают предпочтение французам. В оценках трудолюбия и практичности, напротив, школьники реже, чем студенты, оказывают предпочтение французам. Объяснение противоположности тенденций оценивания политической активности студентами и школьниками (таблица 3) требует специального исследования.

Принимая фактор элитного (высшего) образования как главную причину существующего (и существовавшего) диссонанса в сознании и действиях (воле) интеллигенции и народа, мы, конечно, не призываем к ликвидации образования как к способу устранения диссонанса. Но, очевидно, необходима существенная коррекция системы высшего образования в случае сохранения его элитного характера. Если цели и содержание высшего образования уже подвергаются значительным изменениям, то этого нельзя сказать о методах обучения. Сохраняется весьма жесткий авторитарный подход. Студенты не реализуют даже в минимальном объеме своего права быть субъектами образовательного процесса. Соответствующая форма не заложена и в общеобразовательной школе.

Подводя общий итог, можно заключить, что управление обществом, его развитием может быть желаемым и декларируемым либо обоснованным и реальным. В последнем случае участвует вся «связка» существенных переменных: цели и содержание жизнедеятельности общества; средства достижения целей, их поддержания и развития; субъекты и «объекты» жизнедеятельности и управления. Специфика российского пути выразилась в рассогласовании

последних двух компонентов в структуре любых целеустремленных систем, т.е. в несостыкованности жизнедеятельности интеллигенции (управляющего слоя) и народа. Единственным продуктивным гуманистическим способом преодоления диссонанса является адекватное решение проблемы образования на всех его уровнях. И это наиболее благоприятный путь развития любого общества.

Действительно, в рациональной схеме два важнейших фактора определяют практически все основные состояния общественной жизни: 1) широта и активность обсуждения в обществе основ его устройства и текущей жизни, его социально-экономической, политической и других форм организации, все, что условно можно назвать сферой общественного сознания; 2) интенсивность и широта поведенческих проявлений, выходящих за пределы нормативных установлений, характерных для существующего общественного устройства, т.е. область сверхнормативного общественного волеизъявления (различные свободы).

Различные сочетания уровней, градаций (высокий — низкий) того и другого фактора определяют известные типы государственного устройства общества. Так, абсолютизм (автократия, тоталитаризм) взаимосвязан с весьма низкими показателями проявлений общественного сознания и воли. Определенная часть людей в этих условиях чувствует себя весьма комфортно. Но это «счастье» достигается за счет несчастья других. Время бунтов, революций и смут создает низкую (неадекватную) информированность людей и высокие показатели волевой активности. Трудно говорить о чем-либо счастье в столь динамичных условиях. Противоположная картина (насыщенная духовная жизнь и малая сверхнормативная волевая активность) характерна для либерально-демократических общественных образований. Можно также выделить определенный тип государственного устройства периодов освободительных или так называемых справедливых войн, когда одинаково необходимы как высокие проявления воли, так и духа. Очевидно, что счастье как условное переживание не может быть одномоментно всеобщим. Но признать невозможность счастья одних при одновременном переживании несчастья другими (кризис противоречивых знаний или недопустимость нарушения установленных норм) — значит признать невозможность этического решения исходной задачи как «глобальной проблемы человечества». С другой стороны, попытки включения в процесс решения временных характеристик «прошлое — настоящее — будущее» предполагают достаточность дозированного или «эрзац» счастья, что также изменяет исходную задачу (см. обсуждавшиеся выше взгляды Л. Толстого, М. Горького и А. Платонова).

5.4. НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОТЕРАПИИ

У рыбы спросили: «Какие вести с моря?».
«Вестей много, да рот полон воды», — ответила та.

Пословица армян Дона

«Знающий не говорит, говорящий не знает», — гласит известный даосский афоризм. Автором такого изречения мог быть только тот, кто умел интересоваться не столько содержанием сознания, сколько тем, что происходит с сознанием, когда оно устремляется за свои пределы. А ведь это происходит с ним непрерывно.

В.В. Малявин

В данном разделе ставится проблема интерпретации «психологических инвариантов» традиционной культуры, в частности, средств народной педагогики.

Популярная идея возрождения России, ее духа, традиций, культуры рискует остаться очередным лозунгом не только в силу организационной неопределенности соответствующих программ, но и в связи с социальной и психологической непроработанностью, отчасти противоречивостью самой идеи.

На наш взгляд, изыскания могут быть связаны с историко-психологической разработкой проблем общественного и группового субъекта (А.В. Брушлинский, А.Л. Журавлев и др.), а также психологических аспектов образа жизни в различные исторические эпохи и периоды (К.А. Абульханова-Славская). И если существуют инварианты культурной эволюции, то они представляют существенный интерес как для системы социально-гуманитарных наук, так и для социальной, психологической практики. Функциональность ряда составляющих культуры может служить ключом для психологического поиска и объяснения «инвариантов культуры». Но прежде попробуем разобраться в определениях понятия «культура».

Латинские значения (возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание) вскрывают в этом понятии главным образом педагогический смысл. Однако укоренившееся в современном русском языке значение этого слова намного шире. В наиболее общем определении «культура» раскрывается как совокупность достижений человечества в производственной, общественной и умственной деятельности. В культуру включаются: продукты материального и умственного труда; система социальных норм и учреждений; духовные ценности; совокупность отношений (Ожегов, Шведова,

1997). Явно или неявно в этот список включают также особенности поведения, сознания и деятельности людей в конкретных сферах общественной жизни (труд, познание, быт). Возникает ряд сужений, построенных с использованием понятия; в частности, можно встретить словосочетания: «производственная культура», «культура умственного труда», «бытовая культура» и др. Наиболее узким является определение, в котором культура ассоциируется со всем, что не связано прямо с жизнеобеспечением (адаптацией, выживанием, преодолением и т.д.) человека. Тогда культура воспринимается как нечто несущественное, необязательное для жизненного благополучия; как некий аналог украшения.

Народную (бытовую) педагогику можно определить как часть культуры в широком смысле слова, связанную с наследованием и развитием общественного опыта, с обучением, воспитанием и социализацией.

Говорить об осознанных целевых установках носителей народной педагогики в дописьменный период или до социальной организации образовательных учреждений представляется некорректным. Однако в непрямой форме обучающие установки уже в то время были представлены в содержании и формах взаимодействия и общения взрослых с детьми. Содержание образования как органичная часть содержания жизнедеятельности в этих случаях не представлена автономно, за исключением отдельных видов совместной деятельности детей и взрослых, например, игры. Однако общий культурологический анализ позволяет осуществить косвенную реконструкцию целевой направленности социализации в тот или иной исторический период общественной жизни.

Значительно больший интерес в рассматриваемом аспекте вызывают формы воздействия и взаимодействия взрослых и детей, а также детей с детьми, имеющие явную педагогическую подоплеку.

Функции непрерывной трансляции культуры присутствуют во всех сферах жизнедеятельности (труд, быт, развлечения) и охватывают любые проявления активности человека: посредством обычаев, обрядов, ритуалов транслируются формы деятельности и поведения; посредством этикетных норм — формы общения; через мифы, предания — сфера сознания. Таким образом, если не целостность, то полнота жизни в ее психологической триаде «знание — переживание — действие» неизменно достигается в непрерывном структурировании как внешнего по отношению к человеку мира, так и внутреннего, психологического мира.

Тезис о *детерминирующей роли стремления к полноте жизненных актов* в форме указанной психологической триады «знание —

эмоция — действие» объясняет многие парадоксальные явления повседневной жизни. Отметим также, что конативная (поведенческая) часть триады может существовать как потенциально достижимая, создавая иллюзию полноты.

Рассмотрим это на примере одного из оберегов (оберег дома): «Когда одна остаешься дома ночевать, надо сказать три раза: Господи, благослови, Христос! Домочек-избушечка, Окладны бревешечка, Наокруг домочка, Наокруг дворочка Крыша медна, Тын железный, Ограда каменна. Анделы в окошко, Богородица во двери. Сам Иисус Христос В большом углу сидит Со анделами, Со арханделами» (Обереги и заклинания..., 1993, с. 23). Особый ритм, тональность, подбор слов и звуков, по-видимому, индуцируют состояние уверенности, спокойствия, безопасности. Не вызывает сомнения психологическая, даже психотерапевтическая направленность данной процедуры.

Конечно, не все выработанные в народном опыте формы «культурной защиты» имеют психотерапевтический характер. Необходим специальный функционально-психологический анализ устойчивых (в прошлом или настоящем) форм культурной жизни общества с рассматриваемых позиций. В этнографии и фольклористике эта линия анализа, к сожалению, явно не представлена. Между тем отмеченный выше принцип полноты обнаруживается во многих «произведениях» народной педагогики.

Рассмотрим для примера следующий оберег от криков у младенца. «Если ребенок очень часто кричит, то с ним выходят на улицу три зори и, обращаясь по вечерам на запад, а по утрам на восток, говорят: Заря-зарница, красная девица! Возьми от младенца такого-то крик, а дай ему некрик. Произносят трижды» (Обереги и заклинания..., 1993, с. 57). Синхронная актуализация аффективного и конативного (действенного) компонентов в данном обереге, вероятно, позволяет преодолеть негативное психическое состояние досады, раздражения от безуспешности применения других средств.

Каков спектр выработанных в народном опыте средств психологического, педагогического (психотерапевтического) воздействия (взаимодействия)?

Обращаясь к работам историков, памятникам культуры, фольклорному наследию, этнографическим описаниям, можно констатировать, что этот спектр широк, и выявить большое разнообразие соответствующих словесных форм. Это, в частности, колыбельные песни, пестушки, потешки, заклички, приговорки, прибаутки, небылицы, считалки, игры, скороговорки, загадки, сказки, эпическая поэзия, розыгрыши, дразнилки, страшилки, заклинания, гадания,

протяжные песни, трудовые песни, драматические сценки и ярмарочные шутки, вежество (правила поведения), заговоры, обереги, запуски, игрушки, орнаментика, карнавал, хороводы, колядки и др.

Можно говорить о целой системе народных средств психологического и психотерапевтического воздействия, поддающихся определенной структуризации. Один из подходов, иллюстрирующий вышеобозначенный принцип полноты, может быть использован для микро- и макроанализа поведения отдельного человека, социальных групп и общностей.

Когнитивная сфера народной педагогики и психотерапии более или менее полно представлена в пословицах и поговорках, сказках, преданиях и т.д. Эмоциональное взаимодействие взрослых и детей «ритуализировано» в заговорах, оберегах, колыбельных песнях и др. Следует отметить взаимный характер влияния рассматриваемых культурных форм на участников. Так, исполнение колыбельной песни, ее особая тональность, звуковая специфика и пр. характеристики позволяли женщине-матери, измученной многочисленными обязанностями и сложностями жизни, погрузиться в особое состояние, позволяющее переносить трудности и радоваться малому, — состояние терпеливости, светлой печали, надежды. Психосемантический и фоно-семантический анализ колыбельных песен и других вербальных форм, несомненно, составляет одну из интереснейших задач.

Удивительное явление народной педагогики представляют исчезающие сегодня пестушки и потешки. То, что современная возрастная и практическая психология конструирует как психоразвивающие средства, издавна существует в разных вариациях фольклорных текстов. Например: «Когда ребенок проснется и потягивается, его гладят по животу, ручкам и ножкам, приговаривая: Потягунюшки, поростунюшки! Роток — говорунюшки. Руки хватунюшки, Ноги — ходунюшки» (Обереги и заклинания..., 1993, с. 58).

Сочетание тактильных и вербальных воздействий, фиксация озвучивания и тактильного означения, несомненно, представляет форму опережающего обучения.

Целая серия потешек направлена на развитие психомоторной координации в сочетании со смысловой номинацией, обучением дифференциации, сериации, счету и т.д. Приведем для примера две потешки. Перебирают по очереди пальчики ребенка и приговаривают: «Большаку дрова рубить (большой палец), А тебе воды носить (указательный палец), А тебе печь топить (безымянный), А малышке песни петь (мизинец), Песни петь, да плясать, Родных братьев потешать». Перебирают пальцы и при этом говорят: «Идут

четыре брата навстречу старшему. Здравствуй, большак! — говорят. Здорово. Васька-указка, Мишка-середка, Гришка-сиротка, да крошка Тимошка» (Антология педагогической мысли ..., 1985).

Анализ многих детских закличек и приговорок показывает их социально-смысловую или практическую направленность: «Дождик, дождик, пуще — Дай хлеба гуще!»

Обучение взаимодействию, борьбе, сотрудничеству, партнерству и т.д. в естественной игровой форме осуществляется в целом ряде, к сожалению, забытых или забываемых игр (горелки, гуси-лебеди и волк, селезень и утка и т.д.). Современная игровая психотерапия и психокоррекция как у детей, так и у взрослых не использует, как говорится, и десятой доли народного опыта.

Общеизвестно значение скороговорок, головоломок, загадок, считалок, дразнилок, страшилок и т.п. для речевого, интеллектуального и личностного развития детей. В сюжетах многих сказок важное место занимают короткие докучные истории. Эта форма весьма искусно использована в историях о Шише Б. Шергина.

Важно также отметить хронологическую определенность жизненных событий человека от рождения до смерти (в системе когнитивной и эмоционально-действенной полноты), выстроенную в культурно-преемственную «линию жизни». В годовом цикле это календарные песни и действия; в возрастном плане — хороводные песни и игры юности и любви; свадебные, семейные обряды и т.д. Свое определенное функциональное место в жизненном ряду культурных форм как способ моделирования будущего (своеобразный социально-психологический механизм акцепции потребного будущего) занимают гадания. В парадоксальной форме эта акцепция может производиться даже с новорожденным, который, взрослея, узнает о том, как удалось «перехитрить» судьбу, подменив настоящее бедствие мнимым. Такая своеобразная игра в прятки с судьбой, по описанию Дж. Фрэзера, имела место на Мадагаскаре.

Судьба каждого человека, по местным верованиям, определяется днем и часом его рождения, и если они неудачны, то бед, грозящих этому человеку, можно избежать лишь путем их «извлечения» и «замены». К примеру, человек родился в первый день февраля, и когда он вырастет, у него, по поверью, обязательно сгорит дом. Друзья новорожденного стремятся заранее предотвратить катастрофу; они строят сарай и сжигают его. Мать с новорожденным следует посадить в сарай, поджечь его, а затем вытащить их оттуда, пока сарай не обрушился.

Подобная индульгенция от домашних пожаров на всю жизнь — немаловажный фактор оптимизма и уверенности в жизненном

благополучия. А если благополучия нет, то предусмотрен другой способ преодоления внутреннего диссонанса. В частности, можно легко избавиться от «клейма» бедности, купив пару дешевых жемчужин и зарыв их в землю. Ведь только поистине богатые люди могут позволить себе роскошь сорить жемчужинами (Фрэзер, 1984, с. 42).

Совокупность выработанных в опыте народной жизни способов психологической регуляции (и саморегуляции) поведения может быть названа системой, если она удовлетворяет требованию полноты. Это условие предполагает учет известных признаков социально-экономической жизни этноса, а также культурную форму реагирования на случайные флуктуации как глобального (природная стихия, войны и т.д.), так и частного, индивидуального порядка (непредвиденные сложности, несчастья и др.). Можно предположить, что для «психологической работы» со случайностями глобального характера были выработаны механизмы мифотворчества и мифологизации сознания (когнитивная и отчасти аффективная составляющая). Случайности частного, индивидуального характера преодолевались механизмами последействия. Например, жители Пруссии говорили: «Если вы не можете поймать вора, нет ничего лучшего, как взять одежду, которую тот потерял во время бегства; если вы ее изрядно поколотите, вор заболеет» (там же).

Сочетание тех и других средств (мифологемы и ритуалы) в одной культурной форме делает ее более психологически эффективной и устойчивой во времени. Этим, в частности, отличается система религиозного оформления жизни.

В рассматриваемом плане (сочетание познавательного, эмоционального и действенного компонентов) весьма показательной была реакция русской православной Церкви на акцию «Волга-92», организованную Миссией «Европа» с целью проповеди Евангелия в Санкт-Петербурге и 12 городах Поволжья, включая Самару. Камнем преткновения, определившим отрицательную позицию (и неучастие) русской православной Церкви в этой акции оказалась форма заключительного призыва пастора Калеви Лехтинена к слушавшим его проповедь (призыв ко всем, кто уверовал, подойти и коснутся подиума) (Самарские известия, 1992, с. 4). Обращение в другую (неправославную) веру считается неполным (не свершившимся) без определенного завершающего (физического) действия.

В светской системе образования очень часто не учитывается эта действенная сторона познавательной активности учащихся (речь идет о вполне определенных, релевантных целям и содержанию образования действиях внешнего плана).

В связи с вышеизложенным в целях предупреждения абсолютизации в использовании рассматриваемого принципа важно заметить, что реализация на практике как современных педагогических, так и традиционных средств народной педагогики может быть прямой и косвенной. В первом случае цель, содержание и средства педагогического воздействия строго соответствуют друг другу. Во втором цель достигается с помощью некоторого отвлеченного содержания или средства. В качестве примера приведем две одноцелевые «запуки»: «Природу не увечь, а беречь!», «Кто разорит гнездо ласточки — у того будут веснушки» (Антология педагогической мысли..., 1985, с. 49).

5.5. Духовность и культура

Делись со мною тем, что знаешь...

М.Ю. Лермонтов

Длительное время понятия «душа», «духовность» были изгнаны из отечественной научной и публицистической лексики. Исключалась сама возможность их употребления в системе общего образования даже как цели направленного процесса формирования духовного мира личности. Научное представление о душе совпадает с понятиями «психика», «сознание», «внутренний мир», «переживание». Отдельными проявлениями психики (сознания) выступают внимание и память, эмоции и чувства, ощущения и восприятие, мышление и воля. Эти свойства образуют круг «душевных» качеств. Сложности возникают при стыковке научного и обыденного представлений о душе. Действительно, не всякого человека мы называем душевным, духовным, но, очевидно, каждый обладает всеми приведенными выше качествами души.

Известно, что обыденное и художественное в деталях богаче, конкретнее, чем научное. Последнее развивается, открывая в житейском новые грани. Таких граней или признаков души три: стремление к истине и релевантное познание окружающего мира; стремление к добру и осуществление добра (альтруизм); сострадание, сочувствие и сопереживание (П.В. Симонов, П.М. Ершов, Ю.П. Вяземский) (Симонов и др., 1989). Таким образом, с некоторой моральной «добавкой» понятие «психика» обретает статус научной категории души.

Прилагательные «духовный» и «душевный» семантически не совпадают. П.В. Симонов понимает духовность как стремление

к истине, а душевность — как стремление к добру, Иное решение предлагает П.М. Ершов, связывая духовность со стремлением к высокой цели, а душевность — со средствами достижения цели. Такая дифференциация понятий опирается на различие основных жизненных установок личности. Согласно П.М. Ершову, в жизнедеятельности каждого человека может проявляться или отсутствовать так называемая целевая доминанта жизни. И в том, и в другом случае могут иметь место желание истины, добра и сочувствие, душа в полном значении этого слова. Но очевидно, что ценность жизненной линии в первом и втором случаях весьма различна.

Сходный оценочный поиск обнаруживается и в проявлениях массового сознания, когда, к примеру, внезапно обрушившаяся лавина анекдотов дискредитирует информационный образ известного лица.

С позиций различения духовности как стремления к истине, доброте и милосердию ввиду высокой цели и душевности как проявления тех же качеств в повседневной жизни понятна распространенная ошибка сравнения поколений: лучше — хуже, «была духовность — теперь нет» и т.д. Ошибка заключается в переводе духовности как сущностного явления, имевшего и имеющего место в любом обществе, в ранг другого, более распространенного явления — душевности. Парадоксально, но обычно недостает не духовности как искания высокой истины и цели, праведного сочувствия и всеобщей доброты, а именно душевности как повседневного проявления культуры — культуры чувств и отношений, да и культуры знаний. Недаром иллюзия абсолютности своих и относительности чужих идей и взглядов в рамках монополярной идеологии определяла не только формы и средства мировоззренческого воспитания, но и конкретные жизненные судьбы. К сожалению, и сегодня недооценивается значение бытовой культуры: старая потеряна, новая не сформирована; в культуре отношений господствует утилитарный или статусный подход; в экологической культуре все еще доминирует установка «взять». Еще и сегодня в большой мере недооценивается значение народной педагогики и этикета. Предстоит заново исследовать философское, социальное, политическое, экономическое, психологическое и т.д. значение этикета и церемониала.

Развитие духовности как высшей ценности в сочетании с душевными качествами личности — сложный и многоэтапный процесс. Успех любого подхода определяется учетом познавательной, эмоциональной и действенной сторон сознания человека. Эти важнейшие сферы психического формируются как проявления

духовного только в случае их преломления через нравственные состояния истины, милосердия и добра.

Поиск истины как проявление познавательной потребности и самоинициативы личности адекватен морали в условиях открытой государственной системы, когда право на знание, информацию, мнение также организационно гарантировано.

Другая важнейшая задача — развитие эмоциональной культуры, которое предполагает культивацию и интернализацию всех искусств. В силу ограниченности ближайшей среды человека, его жизни и соответствующего жизненного опыта личность часто лишена возможности испытать достаточно многообразный спектр переживаний, оттенков чувств и эмоций. Такую возможность дают формы опосредованной коммуникации: кино, театр, живопись, литература, музыка и т.д. Однако искусство действительно лишь в том случае, если оно сопровождает человека с момента рождения и на протяжении всей жизни. Очень важны в этом плане стихийные (свободные) формы искусства (устное творчество, фольклор и др.), а также ритуализированные события жизни и всевозможные культурные действия (народное гуляние, карнавал, цирк на улицах города и т.д.).

Действенные потребности человека наиболее обобщенно выражаются в возможности выбора. Без предоставления каждому человеку возможности самостоятельно определять свой выбор нет действенного выражения отношения, что является важнейшим условием развития демократии.

Процесс демократизации всех сфер общественной жизни обеспечивается повсеместным решением вопросов экономического развития, социальной организации и самоуправления в обществе, соответствующим воспитанием и образованием.

- Абрамович Г.Б.* Об одном из направлений дальнейшего изучения проблемы патологии сознания // Проблемы сознания: Материалы симпозиума. М., 1966. С. 546–551.
- Абульханова К.А.* Способность сознания личности как субъекта жизни // Мир психологии. 2006. № 2 (46). С. 80–95.
- Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М., 1957.
- Авербух Е.С.* О трактовке понятия «сознание» в психиатрии // Проблемы сознания: Материалы симпозиума. М., 1966. С. 454–463.
- Агафонов А.Ю.* Основы смысловой теории сознания. СПб., 2003.
- Акопов Г.В.* Психолого-педагогическое исследование группового сознания первичного коллектива (на материале обследования производственных бригад): Автореф. дис... канд. психол. наук. Л., 1981.
- Акопов Г.В.* Социальная психология высшего образования. Самара: Изд-во СамГПИ, 1993.
- Акопов Г.В.* Социальная психология образования. Самара, 1996.
- Акопов Г.В.* Российское сознание. Историко-психологические очерки. Самара, 1999.
- Акопов Г.В.* Социальная психология образования. М.: Московский психолого-социальный институт; Флинта, 2000.
- Акопов Г.В.* Формирование — развитие — созидание: смена парадигм в постсоветской психологии. Ежегодник Российского психологического общества «Антология современной психологии конца XX века». По материалам конференции «Психология созидания». Казань, 2001. Т. 7. Вып. 3.
- Акопов Г.В.* Проблема сознания в психологии. Отечественная платформа. Самара, 2002а.
- Акопов Г.В.* Российское сознание. Историко-психологические очерки. Изд-е 2-е. Самара, 2002б.
- Акопов Г.В.* Сознание и его определения в психологии // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. выпуск «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион. 2002». Самара, 2002в. С. 7–19.
- Акопов Г.В.* Проблема сознания в зарубежной психологии: последняя четверть XX века // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. выпуск «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион. 2003». Самара, 2003а. С. 36–50.
- Акопов Г.В.* Сознание как проблема и ее интегрирующая роль в отечественной психологии // Ежегодник российского психологического общества. Материалы III Всероссийского съезда психологов. СПб., 2003б. С. 49–53.
- Акопов Г.В.* Уровневая структура общения. Материалы международной конференции «Психология общения. Социокультурный анализ». Ростов-на-Дону, 2003в.
- Акопов Г.В.* Диагностика профессионального сознания (учебно-профессиональные установки). Метод. разработка. Самара: Изд-во СГПУ (факультет психологии), 2004а.
- Акопов Г.В.* Отечественные и зарубежные исследования по психологии сознания. // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. выпуск «Актуальные проблемы психологии. Поволжье (Средняя Волга). 2004». Самара, 2004б. С. 5–12.
- Акопов Г.В.* Проблема сознания в российской психологии: Учеб. пособие. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2004в.
- Акопов Г.В.* В.М.Бехтерев и современные подходы к решению проблемы сознания // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Спец. выпуск «Актуальные проблемы психологии. Поволжский регион». Самара, 2005. С. 13–19.
- Акопов Г.В.* Проблема сознания в современной психологии: зарубежные подходы. Самара: Изд-во СГПУ, 2006.

- Акопов Г.В.* Исследовательский агностицизм и объяснительная провидентность // Методология и история психологии. М., 2008. Т. 3. Вып. 2. Апрель-июнь. С. 147–154.
- Акопов Г.В., Агапов Д.А.* Диалогическая полифония как методологическая позиция // Вестник интегративной психологии. Вып.5. Ярославль, 2007а. С. 45–46.
- Акопов Г.В., Агапов Д.А.* На подступах к полифонической психологии // Материалы I Всероссийск. конф. «Психология сознания: современное состояние и перспективы» 29 июня – 1 июля 2007г. Самара: Изд-во «Научно-технический центр», 2007б. С. 16–18.
- Акопов Г.В., Агапов Д.А.* Полифоническая психология как парадигма современной психологии // Материалы IV Всероссийского съезда РПО. 18–21 сентября 2007г. В 3 т. М., – Ростов-на-Дону: Изд-во «КРЕДО», 2007в. Т. 1. С. 28–29.
- Акопов Г.В., Буранок Н.А.* Неизмеримость гения: пространство, время и духовный мир в поэзии М.Ю. Лермонтова // Психология искусства. Т. 1. Самара, 2001. С. 70–76.
- Акопов Г.В., Кукушкина О.А.* Проблема субъекта в классических экспериментах с двойственными изображениями. Монография. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2007.
- Аксенова Ю.А.* Символы мироустройства в сознании детей. М., 2000.
- Аллахвердов В.М.* Сознание как парадокс. СПб., 2000.
- Аллахвердов В.М.* Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Речь, 2003.
- Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л., 1968.
- Ананьев Б.Г.* К постановке проблемы развития детского самосознания // Избр. психол. тр. В 2 т. М., 1980а. Т. 2. С. 103–127.
- Ананьев Б.Г.* Психология педагогической оценки // Избр. психол. труды. В 2 т. М., 1980б. Т. 2. С. 128–267.
- Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
- Андреева Г.М.* Социальная психология сегодня: поиски и размышления. М., 2009.
- Анисимов О.С.* Рефлексия и методология. М., 2007.
- Аниськин В.Н., Пугач В.И., Фишман Л.И., Шабанов А.В.* Компьютер как средство управления в педагогических системах: проблемы моделирования информационных связей. Самара, 1993.
- Антонюк В.И., Зотова О.И., Моченов Г.А., Шорохова Е.В.* Проблема социально-психологического климата в советской социальной психологии // Социально-психологический климат коллектива. М., 1979. С. 5–25.
- Анциферова Л.И.* Психология формирования и развития личности // Человек в системе наук / Под ред. И.Т.Фролова. М., 1989. С. 426–434.
- Арбенина В.Л.* Улучшение состояния социально-психологического климата коллектива как существенный аспект социального планирования // Всесоюзная научная конференция «Актуальные проблемы социального планирования». М., 1975. № 2 (Тез. док.). С. 169–172.
- Артёмьева Е.Ю.* Основы психологии субъективной семантики. М., 1999.
- Асеев В.Г.* Некоторые вопросы социально-психологического управления трудовым коллективом // Коллектив-воспитатель. Иркутск, 1975. С. 28–40.
- Асмолов А.Г.* Образование как расширение возможностей развития личности // Вопросы психологии. 1992. №1. С. 6–13.
- Асмолов А.Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1996.
- Асмолов А.Г.* По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М., 2002.
- Афанасьев В.Г.* Основы философских знаний. М., 1977.
- Ахмедов Т.И., Жидко М.Е.* Психотерапия в особых состояниях сознания. Харьков; М., 2000.
- Балл Г.А.* Психологическое содержание личностной свободы: сущность и составляющие // Психологический журнал. 1997. Т.18. № 5. С. 7–19.
- Барabanчиков В.А.* Психология восприятия: организация и развитие перцептивных процессов. М., 2006.
- Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского. М., 1994.
- Белкин А.И.* Настенные надписи Самары. Самара: СГПУ (Факультет психологии), 2008.
- Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. М., 1990а.

- Бердяев Н.А.* Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. М., 1990б.
- Бехтерев В.М.* Сознание и его границы. Казань, 1888.
- Бехтерев В.М.* О локализации сознательной деятельности животных и человека (речь, произнесенная на Общем Собрании VI Съезда русских врачей в память Н.И. Пирогова). СПб., 1896.
- Бехтерев В.М.* Психика и жизнь // Избранные труды по психологии личности. В 2 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 27–199.
- Бобнева М.И.* Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978.
- Бодалев А.А.* Формирование понятия о другом человеке как личности. Л., 1970.
- Божович Л.И.* Избранные психологические труды. М., 1995.
- Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
- Борзунова А.С.* Спорные вопросы психиатрии по проблеме сознания // Проблемы сознания: Материалы симпозиума. М., 1966. С. 478–486.
- Брагина Н.П., Доброхотова Т.А.* Проблема «Мозг – сознание» в свете современных представлений о функциональной асимметрии мозга // Мозг и разум. М., 1994.
- Братусь Б.С.* Аномалии личности. М., 1988.
- Братусь Б.С.* Естественнонаучная и гуманитарная парадигмы в психологии: преемственность или скачок? // Известия ТРТУ. Тематический выпуск «Гуманитарные проблемы современной психологии». Таганрог: Изд-во ТРТУ. 2005. № 7 (51). С. 3–10.
- Бреннер А.И.* Одна апория естественно-научной парадигмы в психологии // Психология и ее приложения. Ежегодник РПО. М., 2002. Т. 9. Вып. 2 / Под ред. Д.Б. Богоявленской, Т.Ю.Базарова, Е.А.Климова. С. 6–8.
- Брушлинский А.В.* Субъект: Мышление, учение, воображение. М., 1996.
- Брушлинский А.В.* Субъектно-деятельностная концепция и теория функциональных систем // Вопросы психологии. 1999. № 5. С. 110–121.
- Брушлинский А.В., Кольцова В.А.* Социально-психологическая концепция В.М.Бехтерева // *Бехтерев В.М.* Избранные работы по социальной психологии. М., 1994. С. 3–17.
- Будич Н.Ю.* Проблема свободы в психологии // Психология в вузе. 2007. № 1. С. 40–48.
- Буева Л.П.* Социальная среда и сознание личности. М., 1968.
- Буякас Т.М., Зевина О.Г.* Внутренняя активность субъекта в процессе амплификации индивидуального сознания // Вопросы психологии. 1999. № 5. С. 50–61.
- Вавилов В.А.* Профессиогенез: понятие и подход // Проблемы инженерной психологии: Материалы 7-й Всесоюз. конф. Л., 1990.
- Вайсбург А.А.* Управление процессом формирования общественного мнения подростков в коллективе // Теоретические проблемы воспитательного коллектива. Тарту, 1975. С. 285–291.
- Василюк Ф.Е.* Уровни построения переживания и методы психологической науки // Вопросы психологии. 1988. № 5. С. 27–37.
- Василюк Ф.Е.* Структура образа // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 5–19.
- Василюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М., 2003.
- Васюков Н.М.* О методологическом подходе к проблеме сознания в психиатрии // Проблемы сознания: Материалы симпозиума. М., 1966. С. 487–494.
- Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д.* Психология межличностных коммуникаций. СПб., 2000.
- Велихов Е.П., Зинченко В.П., Лекторский В.А.* Сознание: опыт междисциплинарного подхода // Вопросы философии. 1998. № 11. С. 3–30.
- Вербичский А.А.* Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М., 1991.
- Вересов Н.Н.* Психология сознания в России и на Западе: возможные точки пересечения // Материалы I Всеросс. конф. «Психология сознания: современное состояние и перспективы» 29 июня – 1 августа 2007 г. Самара: Изд-во «Научно-технический центр», 2007. С. 98–108.
- Вестник образования. 1991. № 6. С. 5–6.
- Витцлак Г.* Основы психодиагностики // Психодиагностика: теория и практика / Под ред. Н.Ф. Талызиной. М., 1986. С. 27–124.
- Вундт В.* Сознание и внимание // Хрестоматия по вниманию / Под ред. А.Н. Леонтьева, А.А. Пузыря и В.Я. Романова. М., 1976. С. 8–24.

- Выготский Л.С.* Мышление и речь // *Выготский Л.С.* Собр. соч. В 6 т. М., 1982а. Т. 2. Проблемы общей психологии. С. 5–295.
- Выготский Л.С.* Проблема сознания // Собр. соч. В 6 т. М., 1982б. Т.1. Вопросы теории и истории психологии. С.156–167.
- Высшая школа в 1990 г. М. 1991.
- Гайденко П.П.* Парадоксы свободы в учении Фихте. М., 1990.
- Гайденко П.П.* Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса // *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1994.
- Гальперин П. Я.* Введение в психологию. М., 1999.
- Ганзен В.А., Гостев А.А.* Систематика мысленных образов // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 2. С. 12–21.
- Герцберг М.О.* О некоторых спорных вопросах проблемы сознания // Проблемы сознания: Материалы симпозиума. М., 1966. С. 119–125.
- Гершензон М.О.* Творческое самосознание // Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. М., 1991.
- Гинецинский В.И.* Предмет психологии: дидактический аспект. М., 1994.
- Гиппенрейтер Ю.Б.* Введение в общую психологию. М., 1988.
- Глоточкин А.Д.* О формировании психологии первичного коллектива. М., 1972.
- Голенков С.И.* Культура, смысл, сознание. Самара, 1996.
- Горбатенко А.С.* Системная концепция психики и общей психологии. Ростов-на-Дону, 1994.
- Гордеева Н.Д., Зинченко В.П.* Роль рефлексии в построении предметного действия // Человек. 2001. № 6.
- Гордеева Н.Д.* Экспериментальная психология исполнительного действия. М., 1995.
- Горелов И.Н.* Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.
- Горелов И.Н., Енгальчев В.Ф.* Безмолвной мысли знак. М., 1991.
- Горький М.* Рассказы. Пьесы. Мать. М., 1978.
- Гуревич А.Я.* Что есть время // Вопросы литературы. 1968. №11. С. 153–174.
- Гуревич А.Я.* Представление о времени в средневековой Европе // История и психология. М., 1971. С. 159–199.
- Гуревич А.Я.* Социальная история и историческая наука // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 23–35.
- Гусельцева М.С.* Методологическая «оптика» постнеклассической и неклассической рациональности // Журнал практического психолога. 2009. № 6. С. 4–44.
- Гуссерль Э.* Амстердамские доклады. Феноменологическая психология // Логос. 1992. № 3. С. 62–80.
- Давыдов В.В.* Проблемы развивающего обучения. М., 1986.
- Данилин К.Е.* Анализ рефлексивных структур при исследовании малых групп // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Г.М.Андреевой, Н.М.Богомоловой. М., 1977. С. 109–126.
- Джемс В.* Психология. СПб., 1896.
- Дзюбалов В.А.* Коллективная психология и социально-психологические вопросы управления и воспитания в трудовом коллективе // Вопросы управления и воспитания в социалистическом производственном коллективе. Смоленск, 1973. С. 58–74.
- Дилигенский Г.Г.* Некоторые методологические проблемы исследования психологии больших социальных групп // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 196–205.
- Дильтей В.* Описательная психология. М., 1924.
- Дичковская Л.Н., Овчаренко В.И.* О формировании личности студента // Психология профессиональной подготовки в вузе. Минск, 1982. С. 13–18.
- Дмитриева М.А., Крылов А.А., Нафтальев А.И.* Психология труда и инженерная психология. Л., 1979.
- Донских О.А.* Природа экспериментирует // Язык в океане языков. Сер. «Язык и мир». Новосибирск, 1993. Вып. 1. С. 7–9.
- Донцов А.И.* Проблемы групповой сплоченности. М., 1979.
- Достоевский Ф.М.* Изыскания и размышления. М., 1983.
- Дубовый Л.М.* Введение в психологию смысла. Пенза, 2006а.
- Дубовый Л.М.* Психокоррекция: экзистенциальный подход. Пенза, 2006б.

- Дубровский Д.И.* Психика и мозг. Результаты и перспективы исследований // Мозг и разум / Отв. ред. Д.И. Дубровский. М., 1994. С. 3–19.
- Емельянов В.В.* Содержание и объективные факторы формирования психологического климата трудового коллектива // Вопросы управления и воспитания в социалистическом производственном коллективе. Смоленск, 1973. С. 75–88.
- Ерастов Н.П.* Психология общения. Ярославль, 1979.
- Ждан А.Н.* Один путь психологии и куда он привел (о значении марксизма для психологии) // Философия психологии: возвращение к истокам. М., 2001. С. 19–27.
- Журавлев А.Л., Курпейченко А.Б.* Психологические исследования экономического сознания личности и группы // Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М., 2003. С. 77–164.
- Запорожец А.В.* Избранные психологические труды. В 2 т. М., 1986. Т. 2.
- Зейгарник Б.В.* Патопсихология. М., 1976.
- Зеленкова Т.В.* О сетевой парадигме в психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 18–28.
- Зимичев А.М., Зимичева С.А.* Прогнозирование результативности педагогической направленности // Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы / Под ред. А.А. Крылова, Н.В. Кузьминой. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. Вып. 5. С. 49–56.
- Зинченко В.П.* Образование и духовность: сознание как объект междисциплинарного исследования // Современная высшая школа. 1990. № 1. С. 85–91.
- Зинченко В.П.* Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15–36.
- Зинченко В.П.* Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. М., 1997.
- Зинченко В.П.* Живое знание. Самара, 1998.
- Зинченко В.П.* Проблема внешнего и внутреннего и становление образа себя и мира как реализация сознания // Мир психологии. 1999. № 1.
- Зинченко В.П.* Мысль и слово Густава Шпета. М., 2000.
- Зинченко В.П.* Психологические основы педагогики. М., 2002.
- Зинченко В.П.* Преходящие и вечные проблемы психологии // Труды Ярославского методологического семинара (методология психологии). Ярославль: МАПН, 2003. Т. 1. С. 98–134.
- Зинченко В.П.* Сознание как предмет и дело психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. Вып. 1. С. 207–231.
- Знаков В.В.* Понимание в познании и общении. Самара, 1998.
- Знаков В.В.* Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 2. С. 93–103.
- Знаков В.В.* Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
- Знаков В.В.* Самосознание, самопонимание и понимающее себя бытие // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 65–74.
- Зорина З.А., Полетаева И.И.* Зоопсихология. Элементарное мышление животных. М., 2002.
- Зотова О.И.* Развитие теории коллектива в советской науке // Коллектив и личность. М., 1975. С. 28–42.
- Иваницкий А.М.* Сознание: критерии и возможные механизмы // Мозг и разум / Отв. ред. Д.И. Дубровский. М., 1994. С. 113–120.
- Иванов В.Н., Назаров М.М.* Политическая ментальность: опыт и перспективы исследования // Социально-гуманитарные знания. 1998. № 2. С. 45–58.
- Измайлов Ч.А., Шехтер Е.Д., Зимичев М.М.* Сознание и его отношение к мозговым информационным процессам // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2001. № 1. С. 34–50.
- Кабрин В.И.* Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М., 2005.
- Кардаш В.В.* Измененные состояния сознания. Донецк: Сталкер, 1998.
- Карицкий И.Н.* Теоретико-методологическое исследование социально-психологических практик. М.; Челябинск: Социум, 2002.
- Карпов А.В.* Психология рефлексивных механизмов управления. М.; Ярославль, 2000.

- Карпов А.В.* Метасистемная организация уровневых структур психики. М., 2004а.
- Карпов А.В.* Психология рефлексивных механизмов деятельности. М., 2004б.
- Карпов А.В.* Проблема сознания с позиций метасистемного подхода // Материалы I Всероссийского конф. «Психология сознания: современное состояние и перспективы» 29 июня – 1 августа 2007г. Самара: Изд-во «Научно-технический центр», 2007. С. 48–61.
- Киреевский И.В.* Критика и Эстетика. М., 1979.
- Кларин М.В.* Педагогическая технология в учебном процессе. М., 1989.
- Климов Е.А.* Гипотеза «метелок» и развитие профессии психолога // Вестн. Моск. ун-та. Серия 14. Психология. 1992. № 3. С. 3–12.
- Климов Е.А.* Общая психология. М., 1999.
- Ключко В.Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблема становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск, 2005.
- Ключко В.Е.* Постнеклассическая наука и проблема объяснения в психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 1. С. 165–178.
- Ключевский В.О.* Литературные портреты. М., 1991.
- Ковалев А.Г.* Курс лекций по социальной психологии. М., 1972.
- Ковалев А.Г.* Коллектив и социально-психологические проблемы руководства. М., 1978.
- Козлов В.В.* Истоки осознания. Волгоград, 1999.
- Кокуриш А.А.* О структурах малых групп и их исследовании // Коллектив и личность. М., 1975. С. 57–65.
- Кольцова В.А.* Уроки развития отечественной психологии в XX столетии // Философия психологии: возвращение к истокам. М., 2001. С. 3–8.
- Кон И.С.* В поисках себя. М., 1984.
- Коул М.* Культурно-историческая психология: наука будущего. М., 1997.
- Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление. М., 1977.
- Кравченко И.И.* Социальная детерминация сознания человека // Современная наука: познание человека. М., 1988. С. 49–62.
- Краткий психологический словарь. М., 1985.
- Краткий словарь по социологии. М., 1988.
- Кроник А., Головаха Е.И.* Понятие психологического времени // Категории материалистической диалектики в психологии. М., 1988. С. 199–213.
- Кряжде С.П.* Мотивация выбора профессии и специальности студентами пединститута и ее роль в процессе личностной адаптации // Проблемы адаптации студентов. Вильнюс, 1978. С. 86–91.
- Кудрявцев Т.В., Шегурова В.Ю.* Психологический анализ динамики профессионального самоопределения личности // Вопросы психологии. 1983. № 2. С. 51–59.
- Кузнецов О.Н., Лебедев В.И.* Личность в одиночестве // Вопросы философии. 1971. № 7. С. 114–125.
- Кузнецов О.Н., Лебедев В.И.* Психология и психопатология одиночества. М., 1972.
- Кузьмин Е.С.* Основы социальной психологии. Л., 1967.
- Кузьмин Е.С.* Предмет социальной психологии // Социальная психология. История, теория. Эмпирические исследования / Под ред. Е.С. Кузьмина, В.Е. Семенова. Л., 1979. С. 47–74.
- Кузьмин Е.С., Волков И.П., Емельянов Ю.Н.* Руководитель и коллектив. Л., 1974.
- Кузьмин Е.С., Волков И.П., Свенцицкий А.Л.* Социальная психология и социальное планирование // Социальная психология и социальное планирование / Под ред. Е.С. Кузьмина, А.А. Бодалева. Л., 1973. С. 3–20.
- Кузьмин Е.С., Свенцицкий А.Л., Русалинова А.А., Волков И.П.* Совершенствование социально-психологических отношений в коллективе // Планирование социального развития коллектива предприятия. М., 1975. С. 139–150.
- Кузьмина Е.И.* Психология свободы. М., 1994.
- Кулагина Н.В.* Символ и символическое сознание // Культурно-историческая психология. М., 2006. № 1. С. 3–10.
- Кучеренко В.В., Петренко В.Ф., Россохин А.В.* Измененные состояния сознания: психологический анализ // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 70–78.
- Лабунская В.А.* Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1999.

- Латушкин С.Д., Рубцов В.В.* Креативная функция сознания. М., 1988.
- Левада Ю.* Жизнь сурова, но большинство требует продолжения реформы // Известия. 1992. 22 сентября.
- Левина Г.Г., Левин Ю.В.* О задачах руководителя в формировании коллективного сознания // Психологические концепции совершенствования управления производственной организацией. Материалы симпозиума. Тарту, 1977. С. 37–40.
- Левинсон А.Г.* Школа жестокости (советский человек о насилии) // Человек. 1992. № 1. С. 25–36; № 2. С. 17–25.
- Левченко Е.В.* Научное наследие В.М. Бехтерева и его школа // *Бехтерев В.М.* Избранные труды по психологии личности. СПб, 1999. В 2 т. Т. 1. С. 5–22.
- Леонтьев А.А.* Психология общения. 2-е изд., испр. и доп. М.: Смысл, 1997.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. М., 1975.
- Леонтьев А.Н.* Психологические вопросы сознательности учения // *Леонтьев А.Н.* Избр. психол. произв. В 2 т. М., 1983. Т.1. С. 348–380.
- Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 1999.
- Леонтьев Д.А.* Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 1. С. 15–25.
- Леонтьев Д.А.* Неклассический вектор в современной психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М., 2007. С. 74–94.
- Лисовский В.Т.* Идеология обновления в обучении и воспитании будущих специалистов // Социология образования: Тез. докл. Всесоюз. науч.-метод. конф. Л., 1990. Т. 2. С. 4–6.
- Ломов Б.Ф.* Категории общения и деятельности в психологии // Вопросы психологии. 1979. № 6. С. 34–47.
- Ломов Б.Ф., Кольцова В.А., Степанова Е.И.* Очерк жизни и научной деятельности Владимира Михайловича Бехтерева (1857–1927) // *Бехтерев В.М.* Объективная психология. М., 1991. С. 424–444.
- Лосский И.О.* Условия абсолютного добра. М., 1991.
- Лотман Ю.М.* Воспитание души. СПб., 2003.
- Лукомский Н.Н.* К вопросу о границах понятия «расстройство сознания» в психиатрии // Проблемы сознания: Материалы симпозиума. М., 1966. С. 464–472.
- Луцк Д.Р., Морозов Г.В., Фелинская Н.И.* К вопросу о судебно-психиатрической оценке расстройств сознания // Проблемы сознания: Материалы симпозиума. М., 1966. С. 586–597.
- Лурия А.Р.* Язык и сознание. М., 1979.
- Лутошкин А.Н.* Психологический климат первичного производственного коллектива. Кострома, 1978.
- Ляудис В.Я.* (ред.) Формирование учебной деятельности студентов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.
- Мазилев В.А.* Методология психологической науки. Ярославль, 2003.
- Мазилев В.А.* Проблемы сознания в работах С.Н. Трубецкого // Материалы I Всеросс. конф. «Психология сознания: современное состояние и перспективы» 29 июня – 1 августа 2007г. Самара: Изд-во «Научно-технический центр», 2007. С. 109–111.
- Мазур Е.С.* Проблема смысловой регуляции в свете идей Л.С. Выготского // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1983. № 1. С. 31–40.
- Малявин В.В.* Язык сердца: Афоризм и китайская традиция // Афоризмы Старого Китая. М., 1988. С. 5–38.
- Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом языке. М., 1999.
- Мансуров Н.С.* Общественно-психологические вопросы управления. М., 1971.
- Маралов В.Г., В.А. Ситаров* Развитие самосознания и проблема формирования социально-активной личности. М., 1987.
- Мареев С.Н.* Дуализм и монизм в понимании сознания // Мир психологии. 2006. № 2 (46). С. 12–23.
- Маришук В.Л.* Психологические основы формирования профессионально значимых качеств: Автореф. дис... докт. психол. наук. Л., 1982.

- Маркарян Э.Б.* Язык как способ существования сознания // Методологические проблемы анализа языка. Ереван, 1976. С. 4–5.
- Мацумото Д.* Психология и культура. СПб., 2002. С. 272–273.
- Мезрабян А.А.* Личность и сознание. М., 1978.
- Мезрабян А.* Психодиагностика невербального поведения. СПб., 2001.
- Ментальность россиян (специфика сознания больших групп населения России) / Под ред. И.Г. Дубова. М., 1997.
- Методы системного педагогического исследования / Под ред. Н.В. Кузьминой. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980.
- Мещеряков Б.Г.* Логико-семантический анализ концепции Л.С. Выготского. Автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 : Москва, 2000 324 с. РГБ ОД, 71:01-19/12-6.
- Михина Е.М.* От составителя // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 5–17.
- Молчанов В.И.* Парадигмы сознания и структуры опыта. Логос, 1992. № 3. С. 7–36.
- Молчанов В.И.* Исследования по феноменологии сознания. М., 2007.
- Морозов Ю.И., Павовян С.С.* О некоторых Особенности параметрического описания в социальной психологии // Психология и математика. М., 1976. С. 253–263.
- Морэн Э.* Дух и мозг // Современная наука: познание человека / Под ред. И.Н. Смирнова. М., 1988. С. 63–81.
- Мэй Р.* Сила и невинность. М., 2001.
- Мясищев В.Н.* Проблема отношений человека и ее место в психологии // Вопросы психологии. 1957. № 5. С. 142–154.
- Мясищев В.Н.* Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека // Психологическая наука в СССР. В 2 т. М., 1960. Т. 2.
- Мясищев В.Н.* Социальная психология и психология отношений // Проблемы общественной психологии / Под ред. В.Н. Колбановского и Б.Ф. Поршнева. М., 1965. С. 273–285.
- Мясищев В.Н.* Сознание как единство отражения действительности и отношений к ней человека // Проблемы сознания: Материалы симпозиума. М., 1966. С. 126–132.
- Мясищев В.Н.* и др. Основы общей и медицинской психологии. Л., 1968.
- Назаретян А.П.* Насилие и ненасилие в исторической ретроспективе // Историческая психология и социология истории. 2008. № 1(1). С. 8–32.
- Налимов В.В.* Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М., 1989.
- Налимов В.В.* В поисках иных смыслов. М., 1993.
- Немов Р.С.* Психология. М., 1997. Кн. I.
- Обереги и заклания русского народа. — М., 1993.
- Обозов Н.Н.* Общение в малых группах // Социальная психология. История. Теория. Эмпирические исследования / Под ред. Е.С. Кузьмина, В.Е. Семенова. Л., 1979.
- Овсянко-Куликовский Д.Н.* Психология русской интеллигенции // Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. М., 1991.
- Одиссей: человек в истории. Историк и время / Отв. ред. А.Я. Гуревич. М., 1992.
- Одиссей: человек в истории. Картина мира в народном и ученом сознании / Отв. ред. А.Я. Гуревич. М., 1994.
- Одиссей: человек в истории. Культурная история социального / Отв. ред. А.Я. Гуревич. М., 1997.
- Одиссей: человек в истории. Личность и общество / Отв. ред. А.Я. Гуревич. М., 1998.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1997.
- Ольшанский В.Б.* Личность и социальные ценности // Социология в СССР. В 4 т. М., 1965. Т. 1. С. 471–530.
- Орлов Ю.М.* Самопознание и самовоспитание характера. М., 1987.
- Орлов Ю.М.* Восхождение к индивидуальности. М., 1991.
- Островская Р.А.* Общественное мнение в коллективе младших школьников. Минск, 1980.
- Островский А.Н.* О литературе и театре. М., 1986.
- Панин Д.М.* Теория густот. М., 1993.
- Панов В.И.* Рефлексия как принцип познания и развития // Психология и ее приложения: Ежегодник РПО. М., 2002. Т. 9. Вып. 1. С. 58–59.

- Панферов В.Н.* Психология человека. СПб., 2002.
- Парыгин Б.Д.* Научно-техническая революция и личность. Социально-психологические проблемы. М., 1978.
- Перинбаньягам Р.С.* Диалогическая личность // Знаковые системы в социальных и когнитивных процессах. Новосибирск, 1990. С. 66–83.
- Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
- Петренко В.Ф.* Психосемантические аспекты картины мира субъекта // Материалы I Всеросс. конф. «Психология сознания: современное состояние и перспективы» 29 июня – 1 июля 2007г. Самара: Изд-во «Научно-технический центр», 2007г. С. 240–250.
- Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2005.
- Петривня И.В.* Проблема сознания и его развития // Интегративно-интенсивное обучение как путь развития сознания. Нижний Новгород, 1993. С. 7–27.
- Петровский А.В.* Введение в психологию. М., 1995.
- Петровский А.В.* Психология в России: XX век. М., 2000.
- Петровский А.В., Платонов К.К.* Групповая дифференциация // Общая психология / Под ред. А.В. Петровского. Изд. 2-е. М., 1977. С. 140–155.
- Петровский А.В., Шпалинский В.В.* Социальная психология коллектива. М., 1978.
- Петровский В.А.* Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону, 1996.
- Пищик В.И.* Системный взгляд на феномен ментальности // Материалы I Всеросс. конф. «Психология сознания: современное состояние и перспективы» 29 июня – 1 июля 2007г. Самара: Изд-во «Научно-технический центр», 2007. С. 164–166.
- Платонов К.К.* Сознание и личность // Проблемы сознания. Материалы симпозиума. М., 1966. С. 186–194.
- Платонов К.К.* Личность как объект социальной психологии // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975а. С. 72–88.
- Платонов К.К.* Общие проблемы теории групп и коллективов // Коллектив и личность. М., 1975б. С. 3–17.
- Платонов К.К.* Система психологии и теория отражения. М., 1982.
- Платонов К.К.* Краткий словарь системы психологических понятий. 2-е изд. М., 1984.
- Платонов К.К.* Структура и развитие личности. М., 1986.
- Платонов К.К., Казаков В.Г.* Развитие системы понятий теории психологического климата в советской психологии // Социально-психологический климат коллектива: Теория и методы изучения. М., 1979. С. 25–41.
- Поддьяков А.Н.* Исследовательское поведение. М., 2000.
- Поддьяков А.Н.* Развитие исследовательской инициативности в детском возрасте / Автореф. дис... докт. психол. наук. М., 2001.
- Поляков С.Э.* Мифы и реальность современной психологии. М., 2004.
- Пономарев Я.А.* Методологическое введение в психологию. М., 1983.
- Попов Л.М., Голубева О.Ю., Устин П.Н.* Добро и зло в этической психологии личности. М., 2008.
- Портнов А.Н.* Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX–XX вв. – Иваново, 1994.
- Привалова В.М.* Орнамент. Восприятие, оценка, понимание. Монография. Самара: СамНЦ РАН – ПФ ИРИ РАН – СГПУ, 2007.
- Проблемы общей психологии.* М., 1976.
- Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем: Тез. докл. 1-й конф. по исторической психологии российского сознания.* Самара: Изд-во СамГПИ, 1994.
- Прохоров А.О.* Теоретические и практические аспекты проблемы психических состояний личности. Самара, 1991.
- Прохоров А.О.* Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности. М.: ПЕР СЭ, 2005.
- Психологическая диагностика: Проблемы и исследования / Под ред. К.М. Гуревича.* М., 1981.
- Психологический словарь / Авдеева Н.Н., Анцыферова Л.И., Арсеньев А.С. и др. / Редкол.: В.В. Давыдов и др. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Педагогика-Пресс, 1997.*

- Психология: Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд. М., 1990.
- Раевский А.Н., Антонов А.В.* Производство и психология / Под ред. Г.В. Суходольского. Л., 1969.
- Райков В.Л.* Объединенная теория сознания // Психология и ее приложения. Ежегодник РПО М., 2002. Т. 9. Вып. 2 С. 49–50.
- Регуш Л.А.* Тренинг профессиональной наблюдательности: Метод. рук. Л., 1991.
- Розин В.М.* Природа сознания и проблема его изучения // Мир психологии. 1999. № 1.
- Розин В.М.* Что такое бессознательное? (Познавательльно-объяснительный анализ) // Мир психологии. М.; Воронеж, 2003. № 2(34). С. 80–95.
- Розов М.А.* От зерен фасоли к зернам истины // Вопросы философии. 1990. № 7. С. 42–50.
- Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К.А. Абульхановой и др. М.: Издательство “Институт психологии РАН”, 1997.
- Российское сознание: психология, культура, политика // Провинциальная ментальность России в прошлом и будущем: Материалы 2-й Междунар. конф. по исторической психологии российского сознания. Самара, 1997.
- Российское сознание: психология, феноменология, культура: Межвуз. сб. науч. тр. Самара: Изд-во СамГПИ, 1994.
- Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986.
- Россохин А.В., Измагурова В.Л.* Внутренний диалог и его связь с рефлексией // Вопросы психологии. 2008. № 4. С.13–23.
- Ротенберг В.С.* Сновидение как особое состояние сознания // Бессознательное. Сб. статей. Новочеркасск, 1994. Т. 1.
- Рохлин Л.Л.* Патология сознания и ее отношение к другим формам психической патологии // Проблемы сознания: Материалы симпозиума. М., 1966. С. 436–449.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. Изд. 2-е. М., 1946.
- Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М., 1957.
- Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. М., 1959.
- Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М., 1973.
- Рулина Т.К.* Историческая психология. Самара, 2002.
- Русалинова А.А.* Применение метода групповых оценок в социально-психологических исследованиях // Экспериментальная и прикладная психология / Под ред. Б.Г.Ананьева, Н.В.Кузьминой, Е.С.Кузьмина. Ученые записки ЛГУ. Серия психологических наук. 1971. № 365. Вып. 4. С. 22–27.
- Салмина Н.Г.* Знак и символ в обучении. М., 1988.
- Свенцицкий А.Л.* Социально-психологические проблемы производственных коллективов. М., 1973.
- Свенцицкий А.Л.* Методы опроса // Методы социальной психологии / Под ред. Е.С.Кузьмина, В.Е.Семенова. Л., ЛГУ, 1977. С. 61–89.
- Свенцицкий А.Л.* Понятие о коммуникации и ее основных характеристиках // Промышленная социальная психология / Под ред. Е.С. Кузьмина, А.Л. Свенцицкого. Л., Изд-во ЛГУ, 1982.
- Седов В.П.* Проблема континуального сознания субъекта // Актуальные психологические проблемы становления личности в современном мире. Магнитогорск, 2001.
- Седов К.Ф.* Дискурс и личность: Эволюция коммуникативной компетенции человека. М., 2004.
- Седов К.Ф.* Онтопсихоллингвистика: Становление коммуникативной компетенции человека. М., 2008.
- Седов К.Ф.* Становление дискурсивного мышления языковой личности: Психо- и социоллингвистический аспекты. Саратов, 1999.
- Семенов В.Е.* Современная российская полиментальность и ментальные типы молодежи // Ментальность российской провинции. Сб-к мат-лов IV Всерос. конф. по исторической психологии российского сознания. 1–2 июля 2004 г. Самара: Изд-во СГПУ (факультет психологии), 2005. С. 159–163.
- Семенов И.Н.* Взаимодействие отечественной и зарубежной психологии рефлексии: история и современность // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 1. С. 64–76.

- Семенова Т.В.* Городская ментальность как предмет психологического исследования. Самара, 2003.
- Семенов В.Н.* Производственный коллектив: труд, среда, воспитание. Минск, 1975.
- Сенокосов Ю.П.* Что такое сознание // Вопросы философии. 1986. № 2. С. 153–159.
- Сергиенко Е.А.* Истоки познания: онтогенетический аспект // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 4. С. 43–54.
- Сергиенко Е.А.* Ранние этапы развития субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В.Брушлинского. М., 2002. Ч. 5. С. 270–310.
- Сергиенко Е.А.* Раннее когнитивное развитие: Новый взгляд. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
- Сетов А.А.* О роли общения в повышении воспитательного воздействия коллектива на личность // Личность в системе коллективных отношений. Тез. докл. Всесоюз. конф. в г. Курске. М., 1980.
- Симонов П.В.* Мотивированный мозг. М., 1987.
- Симонов П.В.* Сознание и созревание // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 3. С. 3–8.
- Симонов П.В., Еришов П.М., Вяземский Ю.П.* Происхождение духовности. М., 1989.
- Сластенин В.А.* Педагогическая деятельность и проблема формирования личности учителя // Психология труда и личности учителя. Л., 1976. Вып.1. С. 30–46.
- Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Психология человека. М., 1995.
- Случеский И.Ф.* О понятии сознания в психиатрии // Проблемы сознания: Материалы симпозиума. М., 1966. С. 473–477.
- Смирнов И.В.* Психотехнологии. М., 1995.
- Смирнова Е.О.* Развитие воли и произвольности в раннем и дошкольном возрастах. М., Воронеж, 1998.
- Собкин В., Писарский П.* Социокультурный анализ образовательной ситуации в мегаполисе. М., 1982.
- Соколов Е.Н.* Очерки по психофизиологии сознания // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2007. № 4. С. 11–19.
- Социальная психология* / Под ред. Г.П. Предвечного и Ю.А. Шерковина. М., 1975.
- Социально-психологические проблемы формирования личности и учебно-воспитательного коллектива: Сб. тр. / Под ред. П.А. Просецкого и др. М., 1975.*
- Спивак Д.Л.* Лингвистика измененных состояний сознания. Л., 1986.
- Спиркин А.Г.* Сознание и самосознание. М., 1972.
- Стеценко А.П.* К вопросу о психологической классификации значений // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1983. № 1. С. 22–30.
- Стеценко А.П.* Перспективы теории деятельности в контексте современной психологии: неоклассический подход к неклассической культурно-исторической теории деятельности // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2004. № 1. С. 23–39.
- Столин В.В.* Самосознание личности. М., 1983.
- Субботский Е.В.* Ребенок объясняет мир. М., 1985.
- Субботский Е.В.* Феноменальное и рациональное в сознании // Психологический журнал. 2001. Т. 2. № 5. С. 94–97.
- Субботский Е.В.* Строящееся сознание. М., 2007.
- Сутрун А.П.* Проблема сознания в современной естественнонаучной и гуманитарной традиции // Материалы I Всеросс. конф. «Психология сознания: современное состояние и перспективы» 29 июня – 1 июля 2007г. Самара: Изд-во «Научно-технический центр», 2007. С. 121–124.
- Тальзина Н.Ф.* Управление процессом усвоения знаний. М., 1975.
- Татаренко Н.П.* Некоторые вопросы нарушения сознания в свете учения И.П.Павлова // Проблемы сознания. Материалы симпозиума. М., 1966.
- Титма М.Х.* Жизненные пути одного поколения. М., 1992.
- Толстой Л.Н.* Не могу молчать. М., 1985.
- Труды Ярославского методологического семинара (методология психологии)* / Под ред. В.В. Новикова (гл. ред.), И.Н. Карицкого, В.В. Козлова, В.А. Мазилова. Ярославль: МАПН, 2003. Т. 1.
- Трусов В.П.* Социально-психологические исследования когнитивных процессов: По материалам зарубежных экспериментальных работ. Л., 1980.

- Тугушев И.В., Манькова С.В.* Сознание и его составляющие // Психологические этюды: проблемы взаимодействия подсистем психики. Саратов, 1999. С. 76–90.
- Улановский А.М.* Синергетическая метафора сознания // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2005. № 1. С. 17–29.
- Улыбина Е.В.* Обыденное сознание: продуктивность противоречий в развитии сознания // Мир психологии. 1999. № 1 (17). С. 128–140.
- Уманский Л.И.* Отражение психологических феноменов в контактных группах // Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга. Тез. докл. Краснодар. 1975. С. 147–148.
- Уманский Л.И.* Методы экспериментального исследования социально-психологических феноменов // Методология и методы социальной психологии. М., 1977. С. 54–71.
- Узтомский А.А.* Доминанта. СПб., 2002.
- Ушаков Г.К.* Очерк онтогенеза уровней сознания // Проблемы сознания: Материалы симпозиума. М., 1966. С. 51–63.
- Федотов Г.П.* Россия и свобода // Знамя. 1989. № 12. С. 205.
- Фельдштейн Д.И.* Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности // *Фельдштейн Д.И.* Избр. труды. М., 1999.
- Формирование и развитие профессионального сознания студентов: Межвуз. Сб. науч. трудов.* Самара. 1991.
- Фриу К.* Бахтин до нас и после нас // Бахтинский сборник. Вып. 5 / Отв. ред. и сост. В.Л. Махлин. М., 2004. С. 13–21.
- Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.
- Фрэнгер Дж.* Золотая ветвь. М., 1984.
- Хаав К.Р.* Типологизация рабочих по удовлетворенности трудом: Дис... канд. социол. наук. Л., 1978.
- Хазард Дж., Вершиловский С.Г.* Ценностные ориентации советских и американских учителей // Педагогика. 1992. № 3–4. С. 102–106.
- Ханина Н.Б.* К вопросу о профессиональной составляющей в структуре образа мира // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. № 3. 1990. С. 42–50.
- Хараш А.У.* Восприятие человека как воздействие на его поведение // Психологич межличностного познания / Под ред. А.А. Бодалева. М., 1981. С. 25–42.
- Хомская Е.Д.* О методологических проблемах современной психологии // Вопросы психологии. 1997. № 3. С. 112–132.
- Хомская Е.Д.* Сознание как проблема нейрпсихологии // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1999. № 4. С. 3–20.
- Целибеев Б.А.* К клинике и психопатологии расстройств сознания // Проблемы сознания: Материалы симпозиума. М., 1966. С. 505–514.
- Чамата П.Р.* К вопросу о генезисе самосознания личности // Проблема сознания: Материалы симпозиума. М., 1966. С. 228–239.
- Чернышев А.С., Тимощук Е.И.* Социально-психологический климат в коллективах различной организованности // Социально-психологический климат коллектива. Теория и методы изучения. М., 1979. С. 59–68.
- Чеснокова А.Г.* Осознание как центральная проблема психологии в концепции Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2003а. № 4. С. 3–15.
- Чеснокова А.Г.* Соотношение натурального и культурного в теории Л.С. Выготского: дуализм или диалектика? // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2003б. № 1. С. 49–59.
- Чеснокова И.И.* Проблема самосознания в психологии. М., 1977.
- Чешков М.А.* Глобальный контекст постсоветской России. Очерки теории и методологии мироцелостности. М., 1999.
- Чижевский А.Л.* Земное эхо солнечных бурь. М., 1976.
- Чуприкова Н.И.* Логико-гносеологическая теория познания Н.О. Лосского и современная психология // Философия психологии: возвращение к истокам. М., 2001. С. 36–50.
- Чуприкова Н.И.* Мозг, психика, сознание // Мир психологии. Научно-методический журнал. 1999. № 1 (17). С. 84–97.
- Шакуров Р.Х.* Личность: психогенез и воспитание. Казань, 2003.

- Шаров А.С.* Ограниченный человек: значимость, активность, рефлексия. Омск, 2000.
- Шахмарович А.М.* Психолингвистический анализ семантики и грамматики. М., 1990.
- Швалб Ю.М.* Целеполагающее сознание (психологические модели и исследования). Киев, 2003.
- Швырев В.С.* Человек и рациональность // Человек. 1997. № 6.
- Шерковин Ю.А.* Идеология и социально-психологический климат коллектива // Коллектив и личность. М., 1975. С. 17–27.
- Шерковин Ю.А.* Идеологическое воздействие как фактор влияния на социально-психологический климат // Социально-психологический климат коллектива: Теория и методы изучения. М., 1979. С. 41–48.
- Шибутани Т.* Социальная психология. М., 1969.
- Шкопоров Н.Б.* Ноэтическая психология сознания. Самара, 2008.
- Шкуратов В.А.* Психика. Культура. История: Введение в теоретико-методологические основы исторической психологии. Ростов-на-Дону, 1990.
- Шкуратов В.А.* Историческая психология. М., 1997.
- Шкуратов В.А.* Протей, Психея и осел (К антропоисторике европейского «Я») // Материалы I Всеросс. конф. «Психология сознания: современное состояние и перспективы» 29 июня — 1 июля 2007 г. Самара: Изд-во «Научно-технический центр», 2007. С. 181–191.
- Шогам А.Н.* Проблема сознания и психологическая модель личности // Проблема сознания. Материалы симпозиума. М., 1966.
- Шорохова Е.В.* Проблема сознания в философии и естествознании. М., 1961.
- Шорохова Е.В.* Проблема «Я» и самосознание // Проблема сознания. Материалы симпозиума. М., 1966.
- Шошин П.Б.* Пути концептуализации бессознательного // Бессознательное. Новочеркасск, 1994.
- Шпет Г.Г.* Сознание и его собственник // Философские этюды. М., 1994.
- Шрейдер Ю.А.* Человеческая рефлексия и две системы этического сознания // Вопросы философии. 1990. № 7. С. 32–41.
- Штейнбах Х.Э.* Феномен сознания в культуре первобытности и современности (сравнительный анализ) // Материалы I Всеросс. конф. «Психология сознания: современное состояние и перспективы» 29 июня — 1 июля 2007 г. Самара: Изд-во «Научно-технический центр», 2007. С. 191–192.
- Щербаков А.И.* Психолого-педагогическая подготовка учителя-воспитателя и пути ее оптимизации в высшей школе // Проблемы совершенствования системы психолого-педагогической подготовки учителя / Под ред. А.И. Щербакова. Л., 1980. С. 3–46.
- Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. М., 1989.
- Юревич А.В.* Психология и методология. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
- Ядов В.А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 89–105.
- Якунин В.А.* Психология управления учебно-познавательной деятельностью студентов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
- Якунин В.А.* Обучение как процесс управления: Психологический аспект. Л., 1988.
- Яназида К.* Философия истории. М., 1969.
- Ярошевский М.Г.* Психология в XX столетии. М., 1974.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1994.
- Ясперс К.* Общая психопатология. М., 1997.
- Banks W.P., Farber I.* Consciousness. In Handbook of psychology / Irving B. Weiner, editor-in-chief. V. 4. Experimental psychology / edited by Alice F. Healy, Robert W. Proctor (John Wiley & Sons, Inc., Hoboken, New Jersey), 2003. P. 3–31.
- Chalmers D.J.* 'Facing up to the problem of consciousness' // JCS. 1995. 2 (3). P. 200–19.
- Chalmers D.J.*, The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. Oxford and New York: Oxford: Oxford University Press, 1996.
- Chalmers D.J.* 'Moving forward on the problem of consciousness' // The Journal of Consciousness Studies. 1997. 4 (1). P. 3–46.
- Clark T.W.* Function and Phenomenology: closing the explanatory gap // JCS. 1995. 2(3). P. 241–55.

- Crick F., Koch C.* Some further ideas regarding the neuronal basis of awareness // C. Koch & J.L. Davis (Eds.), *Largescale neuronal theories of the brain*. Cambridge, MA: MIT Press, 1994.
- Crick F., Koch C., Kreiman G., Freid I.* Consciousness and Neurosurgery // *Neurosurgery*. 2004. Vol. 55. № 2. P. 273–282.
- Dember N.W., Galinsky L.T., Warm S.Y.* The role of choice in vigilance performance // *Bull. Psychonom. Soc.* 1992. Vol. 30. № 3. P. 201–204.
- Dennett D.C.* Facing backwards on the problem of consciousness // *The Journal of Consciousness Studies*. 1996. Vol. 3. № 1. P. 4–6.
- Dennett D.C.* *Kinds of Minds: toward an understanding of consciousness*. New York: Basic Books, 1996.
- Dennett D.C.* *Darwin's Dangerous Idea*. N.Y., 1995.
- Ey H.* *La conscience*. Desclée de brouwer. Paris, 1983.
- Ghiselli E.E., Brown C.W.* *Personnel and Industrial Psychology*. Sec. Ed. Mc.Grow Hill, 1955.
- Hodgson D.* The easy problems ain't so easy // *JCS*. 1996. 3(1). P. 69–75.
- Horst S.* Evolutionary explanation and the Hard problem of consciousness // *The Journal of Consciousness Studies*. 1999. 6(1). P. 39–48.
- Kornhauser A.* Psychological studies of employee attitudes // *J. Consult. Psychol.* 1944. 8. P. 127–143.
- Libbet B.* Solutions to the problem of consciousness // *JCS*. 1996. 3(1). P. 33–35.
- Loew E.J.* There are no easy problems of consciousness // *JCS*. 1995. 2(3). P. 266–71.
- Mills E.* Giving up on the hard problem of consciousness // *JCS*. 1996. 3(1). P. 26–32.
- Nelson-Gray K.O., Haas J.R., Romano B., Nerbert J.D., Herbert D.L.* Effects of open-ended versus close – ended questions on interviewees problem-related stateswents // *Perception and motivation skills*. 1989. 69. № 3. P. 903–911.
- Seager W.* Consciousness, information and panpsychism // *JCS*. 1995. 2(3). P. 272–88.
- Searle J.R.* *The Mystery of Consciousness*. Granta Books, London, 1997.
- Searle J.R.* *Consciousness* // *Intellectica*. 2000. Vol. 31. P. 85–110.
- Shear J.* 'The hard problem: Closing the empirical gap' // *JCS*. 1996. 3 (1). P. 54–68.
- Tassi P., Muzet A.* Defining the states of consciousness // *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. 2001. Vol. 25. P. 175–191.
- The handbook of social psychology*. Cambridge (Mass), 1969. Vol. 3. P. 401.
- The social psychology of education: Current research and theory / Ed.: R.S. Feldman*. Cambr., 1986.
- Varela F.J.* *Neurophenomenology: A Methodological Remedy for the Hard Problem* // *JCS*. 1996. 3(4). P. 330–49.
- Velmans M.* 'A reflexive science of consciousness, in *Experimental and theoretical studies of consciousness*', Ciba Foundation Symposium №176, Wiley, Chichester, 1993.
- Velmans M.* 'An introduction to the science of consciousness', in M.Velmans (ed.) *The Science of Consciousness: Psychological, Neuropsychological and Clinical Reviews*, London: Routledge, 1996.
- Velmans M.* *Understanding consciousness*. London: Routledge, pp.308.
- Wedel C. and Smith K.U.* (1951), Consistency of interview methods in appraisal of attitudes. // *J. Appl. Psychol.* 2000. Vol. 35. P. 392–396.
- Whitehead C.* Everything I Believe Might Be a Delusion. Whoa! Tucson 2004: Ten years on, and are we any nearer to a Science of Consciousness? // *The Journal of Consciousness Studies*. 2004. 11. № 12. P. 68–88.
- Wilber K.* An integral theory of Consciousness. *The Journal of Consciousness Studies*. 1997. 4. № 1. P. 71–92.
- Zeman A.* The paradox of consciousness // *Lanset*. 2001. Vol. 357. Issue 9249. P.77.

Научное издание

Гарник Владимирович Акопов

ПСИХОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ, ТЕОРИИ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Редактор — *О.В. Шапошникова*

Корректор — *Г.В. Альперина*

Макет, верстка и обложка — *А. Пожарский*

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01.

Издательство «Институт психологии РАН»

129366, Москва, ул. Ярославская, 13

Тел.: (495)682-561-29

E-mail: rio@psychol.ras.ru

www.psychol.ras.ru

Сдано в набор 03.03.10. Подписано в печать 31.03.10.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Peterburg. Усл. печ. л. 17,0. Уч.-изд. л. 15,4.
Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП «Типография "Наука"»
121099, Москва, Шубинский пер., 6